

Институт истории АН РТ
Институт международных отношений, истории и востоковедения –
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В.А. Воронцов

ИСТОКИ ПРОТОАРХИТЕКТУРЫ
В СВЕТЕ ГЕНЕРАЛИЗОВАННОЙ
ТРУДОВОЙ КОНЦЕПЦИИ
АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗА

К а з а н ь
Центр инновационных технологий
2 0 1 6

УДК 72.003

ББК 85.11

В75

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент АН РТ **Ф.Ш. Хузин**

Рецензенты:
доктор архитектуры, профессор **С.П. Заварихин**;
доктор архитектуры, профессор **Н.В. Кожар**;
доктор исторических наук,
кандидат архитектуры, профессор **А.Г. Туманик**

Воронцов В.А.

В75 Истоки протоархитектуры в свете генерализованной трудовой концепции антропосоциокультурогенеза: Научное издание / В.А. Воронцов. — Казань: Центр инновационных технологий, 2016. — 284 с.

ISBN 978-5-93962-760-3

В книге истоки протоархитектуры рассматриваются в контексте генерализованной трудовой концепции антропосоциокультурогенеза, позволяющей согласовать данные современной науки с традиционными учениями о природе человека, общества, культуры. На обширном антропологическом, лингвистическом, фольклорном, мифологическом, психологическом, педагогическом материале впервые вскрыты причины, вызвавшие к жизни осмысленный быт, произведена реконструкция исходной формы убежищ, породивших архитектурные архетипы, а также реконструирован исходный язык архитектуры. С учётом архитектурных архетипов дано принципиально новое объяснение функций менгиров, дольменов и других феноменов протоархитектуры.

Адресуется специалистам в области истории архитектуры, искусствоведения, антропологии, культурологии, этнографии, социологии, педагогики. Книга может быть полезна исследователям, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется истоками искусства, культуры.

ISBN 978-5-93962-760-3

© Воронцов В.А., 2016

© Центр инновационных
технологий (оформление), 2016

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Автор предлагаемой вниманию читателя монографии Владимир Александрович Воронцов широко известен своими оригинальными исследованиями проблем, связанных с ранними этапами становления человека, общества и культуры, которые уже давно исследуются, имеют богатую историографию, но до сих пор остаются остро дискуссионными. Будучи давним сторонником многих интересных и плодотворных идей В.А. Воронцова, а также автором ряда опубликованных рецензий на его труды, наиболее близкие к моим научным интересам¹, я имел возможность убедиться, сколь широк круг проблем, которые успешно решаются в рамках парадигмы, связанной с антропосоциокультурогенезом, которую обосновал Владимир Александрович. Использование этой парадигмы позволяет вводить в научный оборот практически неисчерпаемый ресурс фактов, а также обеспечивает генерализацию (согласование) традиционных учений о

¹ Хузин Ф.Ш. Рец.: Воронцов В.А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства / науч. ред. Б.М. Ягудин. – Казань: Интелпресс+, 2008. 221 с. // Проблемы археологии и истории Татарстана. — Вып. 1. — Казань, 2009. — С. 213–214; Он же. Рец.: Воронцов В.А. О природе вещей и педагогической археологии / науч. ред. Б.М. Ягудин. — Казань: Intelpress+, 2009. — 235 с. // Там же. — С. 214–216; Он же. Рец.: Воронцов В.А. «Слово о полку Игореве» в свете подлинного историзма. — Казань: Intelpress+, 2009. — 318 с. // Проблемы археологии и истории Татарстана. — Вып. 2. — Казань, 2010. — С. 328–330.

природе человека, общества, культуры с новейшими научными фактами.

Отсутствие в современной историографии единого взгляда на главную движущую силу антропосоциогенеза побудило В.А. Воронцова искать новые пути и подходы к исследованию фундаментальных проблем становления человека, общества, истоков основных компонентов человеческой культуры – орудийной деятельности, языка, мифологического сознания, искусства, морали. Первые его работы, опубликованные еще в начале 1990-х годов¹, воспринимались коллегами неоднозначно, чаще всего скептически. Свои взгляды на различные аспекты этой многосложной проблемы В.А. Воронцов изложил впоследствии в ряде монографических трудов². Новая концепция исследователя вызвала неподдельный интерес среди ученых, о чем свидетельствовали не только отзывы известных философов и специалистов разного профиля о его трудах, но и научные статьи самого автора, опубликованные в авторитетных рецензируемых журналах России (см. библиографию главы 1 наст. книги).

Новая монография В.А. Воронцова продолжает его серию исследований по антропосоциокультурогенезу, рассматриваемому им как неразрывное единство процессов

¹ Воронцов В.А. Одонтологический подход к изучению истоков человеческой практики // Монистическая (онтологическая) традиция и современность. Тез.респ.конф. — Казань, 1990. — С.70-73.

² Воронцов В.А., Милашевская Л.В. Истоки языка в свете теории антропосоциогенеза. – Казань, 2003. — 143 с.; Воронцов В.А. Природа языка и мифа. Казань, Интеллпресс, 2008. — 473 с.; Он же. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. – Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2012. — 415 с.; Он же. Подлинные истоки математики и ее роль антропосоциокультурогенезе. — М.: Центр инновационных технологий, 2015. — 252 с.; Он же. Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе. — М.: Центр инновационных технологий, 2015. — 264 с.

становления человека, общества, культуры, и посвящена истокам архитектуры. Как известно, в рамках традиционной орудийно-трудовой теории антропосоциогенеза истоки архитектуры искали (и находили!) в человеческих обществах эпохи позднего палеолита, принимая естественные пещеры со следами присутствия в них человека или шалашевидные постройки из костей мамонта за древнейшие жилища. При этом полностью игнорировались всевозможные искусственные сооружения, которые не оставляют археологических следов. Вопрос об истоках архитектуры оставался практически открытым.

Исследование В.А. Воронцова базируется на обширных сведениях антропологии, этнографии, психологии, педагогики, лингвистики, фольклора, мифологии и других наук, редко или, точнее, слишком односторонне используемых историками при реконструкции начальных этапов формирования человеческого общества. Междисциплинарный подход к объекту и предмету исследования, глубокий анализ источников позволили автору рассматривать в качестве главной движущей силы антропосоциокультурогенеза родительский инстинкт, родительскую заботу, показать фундаментальную роль материнских рук в становлении различных феноменов человеческой культуры, включая язык, сказку, миф, обряд, театр, протомедицину, протоархитектуру.

В первой главе своей книги В.А. Воронцов освещает причины, которые сделали материнские руки первым убежищем, исходной культурной средой, «умным домом» человека и человечества, породившим архитектурные архетипы, а также навыки мерить, считать, намереваться, думать, выражать мысли, настроения, чувства посредством пространственных форм, жестовых моделей. Эти навыки, развиваемые в ходе пальцевых игр, пробуждают уже в младенчестве

интерес к строительству, стремление без устали возводить дома, гаражи, стены, плотины из песка, снега, кубиков и т. д.

Заслуживает внимания гипотеза В.А. Воронцова, изложенная во второй главе книги, а также в отдельной монографии, о естественном характере языка геометрии. По его мнению, именно язык геометрии, жестовые геометрические модели лежат в основе медицинской семиотики, медицинской топографии, в рамках которых был отрефлексирован и описан «умный дом» человечества, сложился язык архитектуры. Путем анализа волшебных сказок и мифологических сюжетов автором книги выявлена фундаментальная роль медицины в исходных формах знакового общения, в становлении геометрического моделирования.

Третья глава книги посвящена рассмотрению процесса введения в культуру геометрических моделей, а также осмыслению роли этих моделей в становлении сознания, архитектурных навыков и архетипов. Есть все основания утверждать, что этот процесс, эта роль **АБСОЛЮТНО** не изучены исследователями, хотя они играют фундаментальную роль при осмыслении истоков математики, медицины, архитектуры, костюма, языка, сказки, мифа и других феноменов культуры.

В четвёртой главе книги раскрывается изначальная связь численных методов с оцифровкой «умного дома». Показывается, что потребность в структурировании, измерении первого укрытия порождена врачебной деятельностью. Процессы, связанные со структуризацией, измерением, оцифровкой исходных укрытий, детально освещены в сказках и мифах разных народов. Факты свидетельствуют, что математическое моделирование сыграло огромную роль не только в становлении развитых мифологических систем, но и языка архитектуры.

Связь важнейших мифологических и сказочных универсалий (чудесных растений, животных, птиц и т. д.) с

исконной средой обитания человека — «умным домом», с архитектурными архетипами, с исконными моделирующими системами, неразрывно связанными с языком чудесных существ, рассматривается В.А. Воронцовым в пятой главе книги.

Заключительная глава книги посвящена раскрытию того, как микрокосм — «умный дом» человечества, будучи спроецированным на макрокосм, позволил не только прочувствовать, понять и описать окружающую действительность, но и вызвал к жизни основные феномены протоискусства, включая протоархитектуру: наскальные рисунки, геоглифы, китовые аллеи, дольмены, менгиры, сейды, истуканы острова Пасхи, циклопические стены и т. д. Автор весьма убедительно показывает, что, игнорируя архитектурные архетипы, невозможно понять те каноны, которыми руководствовались протоархитекторы.

В целом перед нами книга, раскрывающая глубинные истоки проторхитектуры, которые автор ищет не в пещерах или сооружениях из бивней мамонтов, а в «колыбели человечества» — материнских руках. Как всегда, поражает обилие используемых в книге фактических данных из разного рода источников и остроумные, нередко парадоксальные идеи, наводящие на глубокие размышления. Ее с интересом прочтут не только специалисты в лице историков архитектуры, археологов, культурологов и др., но и студенты, преподаватели вузов – все, кто интересуется историей наших далеких предков.

*Член-корреспондент АН РТ,
профессор, доктор исторических наук,
заместитель директора по развитию
Института археологии АН РТ
Ф.Ш. ХУЗИН*

Светлой памяти любимого учителя, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного профессора КГТУ, доктора технических наук Костерина
Валентина Александровича

(1926—2014)

ВВЕДЕНИЕ

Естественные формы заботы об организме у предков человека дополнились сознательными формами, что привело к появлению медицины, костюма, кухни, архитектуры и т. д. Прослеживая истоки этих феноменов культуры, крайне важно установить причины, вызвавшие к жизни сознательную заботу о себе и других, а также конкретизировать социум, в котором такая забота стала практиковаться. Не менее актуально установить членов социума, которые первыми ввели заботу о здоровье в культуру и вызвали к жизни сознательный выбор естественных убежищ, их совершенствование. Есть все основания полагать, что именно осмысленная забота о здоровье позволила сформулировать строительную задачу, что, в конечном счёте, превратило строительство в особый вид сознательной трудовой деятельности. Автор книги «О происхождении зодчества» **В.Ю. Циркунов** пишет: *«Первоначально инстинктивное, а затем и сознатель-*

ное решение строительной задачи постепенно превратило этот вид деятельности человека в особую отрасль труда, в профессию» [39, с. 8].

Формулировка строительной задачи произошла в до- исторические времена, что порождает массу проблем при освещении процесса становления осмысленного строительства. **В.Л. Глазычев** в своей книге «Зарождение зодчества» по этому поводу пишет: *«Когда речь заходит о рождении чего-то конкретного, вроде паровой машины или двигателя внутреннего сгорания, все просто или почти просто — если и идут споры, то о годах и именах, о первенстве. Куда сложнее ответить на вопрос: кто и когда первым выплавил бронзу, приучил коня ходить в упряжи, кто и когда построил первый дом?»* [24, с. 6]. Следует учитывать, что животные также строят дома. Более того, по мнению **К. Маркса**, *«пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов»* [28, с. 189]. Это вовсе не свидетельствует о наличии у пчелы архитектурных навыков, знаний. **Маркс** с полным основанием находит, что *«самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально»* [28, с. 189]. **Маркс** также констатирует, что *«животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детёныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит разносторонне»* [29, с. 93]. Таким образом, древнейшие **универсальные идеальные** построения (архетипы), которые не могли сохраниться в земле, должны пролить свет на истоки архитектурного творчества. К такого рода универсальным постройкам относится, например,

Рис. 1. Рукотворный универсум, космос, матрица (реконструкция В.А. Воронцова)

наша естественная система координат (рис. 1), однако именно **мысленные универсалии** древних, позволяющие моделировать, структурировать, «оцифровывать» пространство, координировать, оценивать труд строителей, не нашли отражения в исследованиях, посвящённых истории архитектуры.

Следует заметить, что далеко не всё, что строится человеком, представляет архитектурную ценность, и далеко не все нереализованные идеи архитекторов потеряли свою значимость для архитектуры.

Здесь просматривается аналогия между трудом архитектора и драматурга. Пьеса драматурга представляет самостоятельную ценность, которая не зависит от факта её постановки или экранизации. О самоценности архитектурных идей свидетельствует их воспроизведение на одежде, посуде, обоях и т. д.

Посрамить самых талантливых архитекторов могут даже лишённые мозга полипы, чьи сооружения (кораллы) могут поражать и размерами, и эстетическими свойствами. Муравьи способны использовать самые различные материалы и конструкции для своих строительных нужд. Это не свидетельствует о наличии в их среде архитекторов. Мыслительный процесс и моделирующие системы, а вовсе не используемые строительные материалы и орудия отличают труд

архитектора от строительной индустрии полипов, улиток, муравьёв, бобров и т. д. Без мыслительного процесса, без моделирующих систем не могла быть сформулирована и реализована строительная задача, поэтому именно они лежат у истоков архитектуры.

Следует заметить, что исходные универсальные помещения, исходные моделирующие системы дошли до нас без всякого изменения. Рукотворные постройки, посредством которых мы учимся считать, мерить, намереваться, думать, предельно наглядны и широко используются для выражения наших мыслей, чувств, настроений. Исходные архитектурные идеи невозможно вырубить топором. Без них «как без рук». Именно руки позволяют увидеть первые укрытия, плотины, «стены плача», кухни, познакомиться с «архитектурой чувств», «архитектурой мысли», однако историки архитектуры предпочитают их игнорировать и руководствоваться догадками при осмыслении причин, вызвавших к жизни самые разные феномены протоархитектуры.

Исходная форма мыслительного процесса — «ручное мышление», и соответствующие мысленные построения связаны с перемещением материала, с использованием естественных конструкций, естественных подъёмных устройств. Именно такого рода построения, естественные конструкции позволяют проследить тот этап в становлении архитектуры, когда архитектурная мысль абсолютно самоценна и предельно актуальна.

Вслед за выдающимся русским физиологом, лауреатом нобелевской премии **И. Павловым** многие исследователи считают, что медицина — ровесница человеку. Есть все основания полагать, что именно в рамках самой древней, самой мудрой и человеческой науки формулировались ключевые проблемы, связанные с осмысленной охраной здоровья,

вырабатывались критерии совершенства не только человеческой конституции, но и окружающего ландшафта, жилища, костюма, кухни, а также вводились в культуру знаковые системы, способные описать всё, что окружает человека и воздействует на него.

Следует заметить, что именно медицина лежит в основе всего первобытного мировоззрения, которому свойственны биоморфизм, антропоцентризм. Биоморфизм и антропоцентризм первобытного мировоззрения делают беспочвенными любые попытки искать мысленные универсалии, архитектурные архетипы вне человеческой конституции, а истоки архитектурной терминологии — вне языка медицины.

Проецирование микрокосма на макрокосм, очеловечивание окружающей действительности позволило нашим предкам не только прочувствовать, но и понять окружающий мир. Очеловечивание природы вызвало к жизни великое множество феноменов культуры, включая протоархитектуру. Древние титанические постройки вызывают восторг и изумление даже у людей, которые знают толк в современном строительстве. Постройки эти вызывают и недоумение, поскольку мыслительный процесс протоархитекторов, архитектурные архетипы оказались вне поля зрения историков архитектуры.

Универсальные мысленные построения, присущие архитектуре, делают историю архитектуры дисциплиной не только исторического, но и весьма высокого теоретического уровня. В область её компетенции входит не только история возникновения и развития архитектурных сооружений и их комплексов, но и история возникновения универсальных моделирующих систем, сложившихся в неразрывной связи с медицинской семиотикой, медицинской топографией, которые породили язык архитектуры, позволили сформулиро-

вать строительную задачу, зародили представления о красоте, совершенстве, архитектурных архетипах и т. д.

Поскольку именно мысленные построения и язык отличают сознательную строительную деятельность от животных форм, истоки архитектуры тесно связаны с антропологией, призванной решить проблему становления сознания и языка у предков человека. Долгое время считалось, что начало антропогенеза и начало культуругенеза разнесены во времени. В настоящее время всё чаще используется термин *антропосоциокультуругенез*, характеризующий неразрывное единство процессов становления человека, общества, культуры. В контексте антропосоциокультуругенеза должны быть получены ответы, связанные с истоками человеческого быта, бытия, с истоками универсальных мысленных построений и знаковых систем.

Общепринятая теория антропосоциокультуругенеза в настоящее время отсутствует. Традиционно осмысление процессов становления человека, общества, культуры осуществлялось в рамках религиозных доктрин, в которых фундаментальную роль играли предки, всеблагие родители — податели всех благ, носители Высших Сил, Высшего Разума, Святого Духа (родительского чувства). Согласно древним учениям, именно обожествлённые родители выступают в роли **первых архитекторов**, которые воспроизводят рукотворный универсум (исконную обитель человека), а также обеспечивают изначальную социализацию, инкультурацию младенцев на отрезке жизни, который называется **золотым веком**.

Со второй половины XIX века получают распространение учения о природе человека и общества, игнорирующие рукотворный универсум (родительские руки), приписывающие не духовному фактору (родительскому чувству), а «ес-

тественному отбору» социализирующие и культурологические потенции и интенции. Многие особенности социальной и культурной эволюции первобытного человека, в частности, формирование сознания и языка, не получили однозначного объяснения в рамках этих учений, что способствовало утверждению механистического взгляда на природу человека.

В рамках механистического подхода наибольшее распространение получила орудийно-трудовая концепция, которая истоки антропосоциогенеза связывает с культивированием механических орудий, а не с культивированием человека, общества. Орудийно-трудовая теория антропосоциогенеза долгое время занимала доминирующие позиции в науке и лежала в основе теоретического фундамента многих дисциплин, призванных освещать природу человека, общества, культуры. В настоящее время установлено, что истоки антропогенеза не связаны с производством искусственных орудий. Орудийно-трудовая теория вошла в непримиримый конфликт и с учением о социогенезе. Так, например, последовательный сторонник орудийно-трудовой доктрины, известный советский антрополог **В.П. Алексеев** (1929—1991) был вынужден констатировать, что *«однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в отдельных случаях и камнем. Археологическая периодизация лишилась общего признания»* [1, с. 8].

Инерция мышления побуждает историков архитектуры использовать периодизацию, которая не выдержала проверку фактами. Их попытки соотнести первые человеческие жилища с эпохой палеолита вполне традиционны. Так, например, во «Всеобщей истории архитектуры» читаем: *«В эпоху палеолита наиболее ранним жилищем человека были пещеры, иногда не требовавшие почти никакой затраты*

труда для их использования, укрытия под навесами скал, т. е., что он находил в природе пригодным для жилья» [17, с. 1]. В «Очерках по истории архитектуры» **Н.И. Брунов** пишет: «Пещера была древнейшим жильём человека, который пользовался изначально естественными пещерами» [4, с. 12]. Подобного рода идеями руководствовался ещё голландский антрополог **Э. Дюбуа** (1858—1940), однако факты убедили его, что предки человека предпочитали открытые пространства. Два поколения семьи **Лики** — палеоантропологов и писателей, сыгравших ключевую роль в поисках останков древнейшего человека в Восточной Африке, также обнаружили стоянки и останки древнейших людей отнюдь не в пещерах, которые без отопления, освещения малоприспособны для жизни. Само отопление, освещение пещер требует наличия богатого древостоя, который не характерен для местности, в которой обитали древнейшие предки человека.

Особенно опасен климат пещер для человеческих младенцев. Духовное чувство (материнская любовь) вызвало к жизни **со'оружения** из естественных **орудий** (рук). Это духовное чувство, эти рукотворные сооружения древнее каменных орудий, древнее самых первых попыток наших предков перейти к наземному обитанию. Глубоко ошибаются **М.Г. Зейферт** и **И.Х. Мифтахутдинов**, которые в своей книге «История архитектуры» пишут: «Зарождение архитектуры можно отнести к эпохе позднего палеолита. В это время появились простейшие постройки, отвечающие не только утилитарным, но и примитивным духовным потребностям человека» [26, с. 4].

Игнорируя материнские руки, обеспечивающие основополагающую духовную потребность, изначально человеческое бытие, можно глубоко ошибаться относительно времени появления первых «умных домов», первых переносных жи-

лиц, первых полов, куполов, балок, первых оград, висячих мостов и т. д. Игнорируя «ручное мышление», язык жестов, архитектурные архетипы, невозможно постигнуть природу исходных универсальных моделирующих систем, которые не имели отношения ни к камню, ни к бронзе, ни к железу, но имели самое непосредственное отношение к заботе о здоровье, к рукотворным постройкам.

Следует заметить, что миф о каменном, медном, железном веках человечества был хорошо известен древним грекам и китайцам, поскольку разграбление некрополей, а также попытки выдавать различного рода механические подделки, сооружения за подлинные человеческие древности и ценности практиковались с давних пор. Без серьезных обоснований этот миф, созданный предельно деморализованными субъектами, чей кругозор ограничивался стенами раскопа, был взят на вооружение археологами, которые сумели внедрить его в широкий спектр наук, призванных изучать не культуру камня, бронзы, железа, а культуру человека.

Крах археологических мифологем в настоящее время широко используются для дискредитации трудовой теории антропосоциогенеза. Вот характерный пример рассуждений на эту тему, с которыми нас знакомят авторы хрестоматии по антропологии: *«Новые открытия говорят о том, что прямохождение, увеличение размеров мозга и другие “человеческие” признаки появились за несколько миллионов лет до возникновения трудовой деятельности, и о том, что человек появился не в результате постепенного поступательного развития, а в результате некоего скачка, при этом он длительное время существовал вместе со своими предками (австралопитековыми), которые потом вымерли»* [2, с. 81]. Подобные уверения становятся хрестоматийными, а разочарование в орудийно-трудовой теории — общим. В послед-

ние десятилетия человеку отказали в уникальности его ору-
дийной деятельности такие авторитетные отечественные и
зарубежные исследователи, как **М.Л. Бутовская**, **Л.А. Фай-
нберг**, **W.C. McGrew**, **F.B.M. de Waal** и др.

Крах орудийно-трудовой доктрины подорвал доверие к
теоретическим основам многих наук, призванных пролить
свет на природу человека, культуры, общества. **Р. Фоули** в
своей книге «Ещё один неповторимый вид» пишет: *«Хотя
характер эволюции человека сегодня, без сомнения, более по-
нятен, чем во времена, когда Дарвин писал первую книгу на
эту тему — “Происхождение человека”, большинство воп-
росов, поставленных в ней великим учёным, сохраняет свой
смысл и остаётся столь же дискуссионным, как и прежде»*
[37, с. 12].

В 1996 г. Папа **Иоанн Павел II** подтвердил, что его цер-
ковь признает теорию эволюции, однако распространить
эту теорию на антропосоциогенез до сих пор не удалось,
поэтому в настоящее время вновь широкое распростране-
ние получил превратно понятый миф о творении, который
активно пропагандируется не только церковью, но и мно-
гими представителями научного сообщества. Креационизм
находит яркое отражение и в различных вариантах крайне
архаичной, но ультрамодной теории порождения человека
внеземными существами. Сторонники этой теории пытаются
обосновать изначальное порождение человека методами
генной инженерии; управление эволюционным развитием
земной жизни силами внеземного сверхразума; эволюцион-
ное развитие земной жизни и разума согласно программе,
изначально заложенной внеземным сверхразумом, и т. д.
Растерянные отсутствием руководящей идеи философы, ан-
тропологи, социологи, культурологи всё чаще прибегают к
услугам теософии.

Отсутствие общепринятого взгляда на антропосоциогенез привело к отсутствию и общепринятых взглядов на культурогенез. Наряду с традиционными попытками рассматривать культурогенез в контексте орудийно-трудовой теории, традиционны попытки абстрагироваться от тупиковой парадигмы. Так, например, широко известна попытка основателя психоанализа **З. Фрейда** (1856—1939) обосновывать психоаналитическую концепцию культурогенеза. В книге «Тотем и табу» [38] он с полным основанием раскрывает концепт «культурогенез» через систему «табу», свойственную первобытной культуре. Чтобы осветить причины, вызвавшие к жизни «табу», **Фрейд** обратился к догадкам, которые не имеют фактуальной основы.

В трудах **Г. Гадамера**, **Е. Финка**, **Й. Хейзинги** и других исследователей истоки культуры возводятся к игре, однако противники этой теории высказывают серьёзные сомнения в её правомерности. Так, например, известный историк медицины **А.М. Сточик** находит, что *«игра животных инстинктов не просто мешала производственной деятельности, ослабляла коллектив в борьбе за существование, но порой наносила ей такой ущерб, что коллектив распадался и погибал»* [32, с. 8]. По его мнению, система «табу» возникла для обуздания подобного рода инстинктов [Там же. С. 8]. О серьёзности системы «табу» свидетельствует тот факт, что наказывают за нарушение «табу» совсем не так, как за нарушение правил игры.

Немецкий философ и культуролог **Э. Кассирер** (1874 — 1945) связывает культурогенез со становлением семиотических систем (языка, искусства, религии, науки и т. д.), которые уходят своими корнями в бытийный феномен игры. Символическое начало в культурогенезе развивают также философская герменевтика (**Г. Гадамер**), философия куль-

туры (*Й. Хейзинга*), архетипы коллективного бессознательного (*К. Юнг*), философия языка (*Ж. Лакан*), концепция символического интеракционизма (*Дж. Мид, И. Боффман*). Игра широко представлена в живой природе, однако это не сделало язык, искусство, религию, науку заурядными явлениями в жизни биологических видов, поэтому нет оснований считать, что именно игра привела к появлению широкого спектра знаковых систем у наших предков. Становление языка, искусства, религии до сих пор не получило убедительного освещения в науке. Её освещение порождает острые дискуссии, в которые вовлекаются специалисты самого разного профиля.

Цель жизни — жизнь. Не случайно немецко-французский философ, богослов и врач *А. Швейцер* (1875—1965) одну из своих книг нравственно-этического содержания так и назвал «Благоговение перед жизнью» [40]. Благоговеть перед жизнью побуждает не только самое высокое чувство — Любовь, но и «жизненные науки». Только профессиональные познания в области охраны труда, а также **персональная** ответственность за жизнь и сознание людей, способствуют осознанию того, что обезьяна, вооружённая каменным топором, способна произвести только **УЖАС**. Её в принципе невозможно социализировать, окультурить, к ней опасно даже приблизиться. Ввести в культуру подобного рода орудия, да и саму обезьяну, не представляется возможным без предварительного введения в культуру альтруизма, техники безопасности, сознательной заботы о своей и чужой жизни.

Любая мать чисто инстинктивно чувствует, что её ребёнок должен стать человеком до того, как он сделает свой первый шаг, возьмёт в руки вилку, ножик или молоток. Еще не умея говорить, ребенок привыкает не кусаться, не распускать руки. Пребывая на руках, он с огромным энтузиазмом

демонстрирует, как надо любить родителей, братьев, сестер, как следует делиться с ними игрушками, гостинцами. «Отбиваясь от рук», приступая к изготовлению оружия, использованию его, человек утрачивает многие духовные и душевные потенции, однако продолжает руководствоваться не только инстинктами, но и правилами человеческого общежития, усвоенными в незапамятные для него времена.

Физическое, умственное, нравственное развитие ребенка традиционно протекает под контролем общества. Этот контроль подчас отличается поразительным педантизмом. Даже антропометрические данные членов социума: формы черепа, прикуса, длина ушей, шеи – в традиционных обществах зачастую оказываются регламентированными и подлежат искусственной корректировке. Эта корректировка во многих случаях бывает эффективной именно в раннем возрасте. Незапамятные для ребёнка времена, изначальная среда его обитания, опыт его воспитания нашли детальное отражение в древних учениях, идущих из глубины веков. ***Игнорируя эту среду, игнорируя её создателей, невозможно постигнуть особенности мифологического сознания, осознать истоки архитектуры, а также понять, каким образом живой рукотворный универсум, его архитектура формируют психику человека, его эстетические взгляды, его архитектурные потенции и интенции.***

Золотой век – мифологическое представление, существовавшее в античном мире, согласно которому первые времена человечества отличаются безоблачностью, беззаботностью. Зародышевую форму таких представлений можно найти не только у древних греков, но и у многих современных первобытных народов, сохранивших мифы об изначальных временах, когда человеку не надо было трудиться, а окружающий мир был рукотворен и полон чудесных превращений.

Представления о золотом веке, утраченном «земном рае» можно встретить и в развитых религиозно-мифологических представлениях. До сих пор не перевелись энтузиасты, которые пытаются отыскать Шамбалу, Беловодье.

Современная наука не смогла убедительно объяснить причину стойкой веры народов в золотой век, в сказочные страны. Она категорически отрицает существование в прошлом таких времен, когда человеку всё доставалось даром, когда его окружали чудесные предметы, постройки, существа. В основе скептического отношения современной науки к сказочным древностям лежат свидетельства археологической науки, которая вопреки очевидным фактам категорически отрицает существование сказочных построек, сказочных орудий, сказочных существ. Слепота археологов вполне объяснима. Покидая свою колыбель, мы забываем о «рукотворной Вселенной», её «архитекторах» и «архитектуре». Забываем мы и о тех педагогических приемах, посредством которых всеблагое учителя учили нас договариваться, приобщали к профилактике травматизма, побуждали сочувствовать, сострадать, любить ближних, заботиться об их здоровье. Об этих факторах антропосоциокультурогенеза пытаются напомнить нам сказки, мифы, но механистические предрассудки псевдоисториков не позволяют прислушаться к голосу предков, к голосу разума. Подобного рода предрассудки исключают существование времён, когда деревья были большими, плоды — огромными, когда нас окружали исполины, титаны мысли и духовности, возводившие титанические сооружения, с которыми связаны первые времена нашего бытия.

Под псевдореволюционными лозунгами «Труд создал человека», «Рука создала человека» с лёгким сердцем подпишется Папа Римский, поскольку это не противоречит Свя-

щенному писанию. Между тем до сих пор отсутствуют музеи, посвящённые руке. До сих пор отсутствуют исследовательские центры, ведущие комплексные исследования колыбели человечества, исходной орудийной, транспортной, знаковой системы, исходного логического аппарата, посредством которого мы учимся считать, мерить, намереваться, думать, понимать других. Исходные материалы, конструкции, помещения, подъёмные, транспортные, моделирующие системы не находят отражения в трудах историков архитектуры.

Слова *орган*, *органон* означают орудие, инструмент. Ещё **Аристотель** (384—322 до н. э.) рассматривал руку в качестве орудия орудий. Древнеримский философ **Лукреций Кар** в своей поэме «О природе вещей» писал: «*Древним оружием людей были руки, ногти и зубы*», а известный русский религиозный философ **П.А. Флоренский** (1882—1937) утверждал, что «*техника есть сколок с живого тела*», которое есть «*первообраз всякой техники*» [36, с. 149,150]. Игнорируя первообраз, можно сколь угодно заблуждаться относительно архетипов самых разных вещей, предметов, сооружений. Игнорируя материнские руки, «умный дом», с которым связаны истоки нашего бытия, невозможно пролить свет на архитектурные универсалии, но истоки первых пространственных моделей. Обращение именно к этому дому позволяет выявить теоретические схемы, архитектурные архетипы, которыми руководствовались архитекторы, проектировавшие мегалиты, обустроивавшие макрокосм по образу и подобию микрокосма. ***Именно умному дому человека, который стар как мир (социум), уделено основное внимание в данной книге.***

Разумный, предельно архаичный думающий дом является биокомпьютером, работающим посредством электронных импульсов, а также 3D-принтером, порождающим пространственные формы, как пироги. Знакомство с домом,

который осмысливается человеком изначально, позволяет абстрагироваться от механицизма, примитивизма, анти-историзма при освещении истоков архитектуры, а также понять смысл традиционных учений о первотворцах, создавших рукотворный универсум, разумные сооружения. ***Абстрагируясь от дерева, камня, глины, бетона, постигая истоки архитектуры как мыслительной деятельности, как искусства мы постигаем «архитектуру мысли», «архитектуру чувств».***

Наблюдая за возможностями человеческой руки, можно делать весьма важные открытия, связанные с историей вещей, помещений. Вот, например, какое открытие сделал древнегреческий философ **Диоген**, наблюдая за рукой человека, рефлекторно утолявшего жажду. *«Было около полудня, и меня стала томить страшная жажда. Тогда я поспешил к Панову источнику. Пока я доставал из котомки кружку, подбежал какой-то батрак из работавших неподалёку в поле, сложил ладони ковшиком и стал черпать и пить из источника воду пригоршнями. Мне показалось это разумнее, чем пить воду из кружки, и я без опасений воспользовался примером этого прекрасного наставника»* [25, с. 219–220]. **Диоген** поспешил не только избавиться от кружки, отягавшей его суму, но и поделился своим открытием с товарищем, с гордостью отметив: *«Как могущественна природа, которой мы, служа спасению людей, снова возвращаем её значение, хотя люди, исходя из ложных убеждений, выбрасывают её вон из жизни»* [Там же. С. 220].

Наши телесные орудия, универсальные помещения, которые механицизм, псевдоисторизм «выбрасывают вон из жизни», не только предельно ценны, сложны, актуальны, но и предельно архаичны. Они требуют заботы, ухода, поскольку их состояние непосредственно связано с самочувствием

человека, с его сознанием, самосознанием. Именно наши телесные орудия и помещения подверглись изначальному осмыслению. Нет ничего удивительного в том, что в древней словесности, в мифологическом сознании живые говорящие самодвижущиеся орудия, живые строения так ярко отражены и широко представлены.

Знакомство с исходной орудийной системой, с исходной обителью человека подрывает всякое доверие к современной археологии. Термин «археология» (наука о древностях) впервые употребил древнегреческий философ **Платон** (427—347 до н. э), однако до сих пор научный мир не выработал четкого представления о предмете, задачах археологии, хронологических рамках науки о древности. Так, например, существует «современная» археология, которая изучает современ

Рис. 2. Сказочные солнечные царства (реконструкция В.А. Воронцова)

временный культурный слой. Археология традиционно игнорирует подлинное рукоделие, способное без посторонних материалов породить рукотворный универсум (рис. 1), сказочные царства (рис. 2), строения (рис. 3–5), а также великое множество чудесных вещей (рис. 6–7), существ (рис. 8–14) и растений (рис. 15–16), с которыми человек знакомится на заре своей истории. Подлинные древности не устаревают. Они всегда в ходу.

Материальное производство существует везде, где есть

Рис. 3. Избушка Бабы-яги
и её хозяйка (реконструкция
В.А. Воронцова)

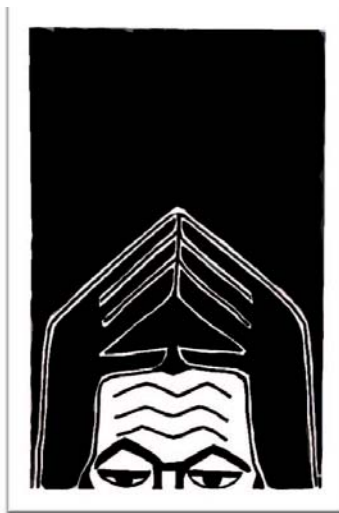

Рис. 4. Ума палата
(реконструкция В.А. Воронцова)

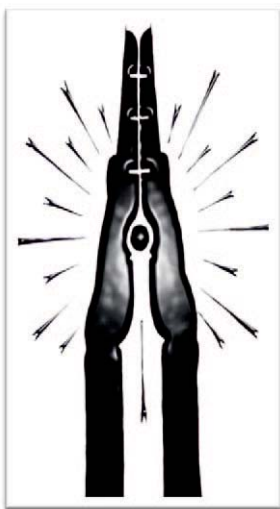

Рис. 5. Храм солнца
(реконструкция В.А. Воронцова)

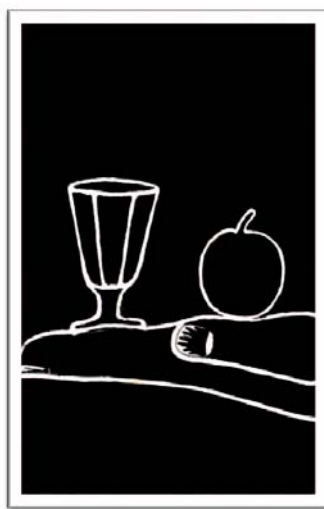

Рис. 6. Скатерть-самобранка
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 7. На ковче-самолете
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 8. Коза-дереза
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 9. Мышка-норушка
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 10. Жар-птица
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 11. Птица Рух
затмевает солнце
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 12. Золотой телец,
Минотавр и т. д.
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 13. Кентавр
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 14. Воспроизведение мифических существ (шёлк из чуских могил в районе города Чанша, провинция Хунань, Китай, V–III в.в. до н.э.)

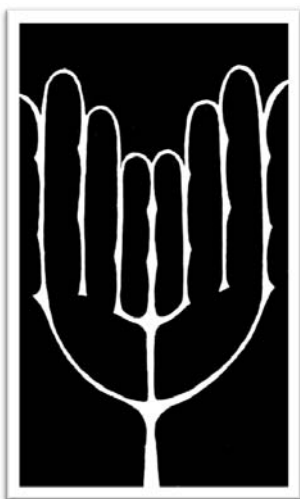

Рис. 15. Цветик-семицветик (реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 16. Мировое древо (реконструкция В.А. Воронцова)

матери, поэтому в высшей степени наивно отрицать наличие птицеводства у птиц, животноводства у животных. Нет также оснований отрицать у самых разных биологических видов экономических классов, коих всего два. Хозяйственные и бесхозяйственные существа присутствуют не только в басне **И. Крылова** «Стрекоза и муравей». Политэкономы, которые выдают профессии (рабочие, крестьяне, духовенство и т. д.) за экономические классы, всячески замалчивают тот факт, что бесхозяйственными могут быть и монархи, и президенты, и министры финансов, а хозяйственные люди попадают даже среди нищих.

Миф о существовании в прошлом бесклассового общества создали люди, отрешённые от всяких жизненных реалий. В любом сообществе приматов можно обнаружить представительниц слабого пола, обременённых заботой о потомстве, а также представителей сильного пола, которых абсолютно не заботит судьба их потомков. Между тем именно родительский труд, воспитание подрастающего поколения неразрывно связаны с развитием, прогрессом, причём не только человека. Ещё основоположник научной педагогики в России **К. Ушинский** (1824—1821) в своей книге «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» писал: *«Слово воспитание прилагается не к одному человеку, но также к животным и растениям, а равно к историческим обществам, племенам и народам, т. е. к организмам всякого рода, и воспитывать в обширнейшем смысле слова, значит способствовать развитию какого-нибудь организма посредством свойственной ему пищи, материальной или духовной»* [35, с. 92]. **Игнорируя родительский труд, невозможно создать подлинную трудовую теорию антропосоциокультурогенеза, невозможно осмыслить роль «умного дома» в жизни человека**

и человечества, в становлении различных феноменов его культуры.

Крайний механицизм, примитивизм, который культивируется современной исторической наукой во взглядах на материальное производство, на классовую структуру общества, предельно затрудняет понимание того, что подлинные человеческие материальные и духовные древности, снати, ценности неотделимы от человека, что их невозможно купить. Именно механицизм позволяет марксистам утверждать, что пролетариату терять нечего, а приобрести он может всё.

Отрицание существования «чудесных говорящих орудий» (людей) придаёт теориям, основанным на археологических мифах, ярко выраженную антигуманную, антибиологическую (антижизненную) и глубоко антинаучную направленность. Это способствует расцвету цивилизованного мифотворчества, а также возникновению целой индустрии обмана и самообмана. Самые ужасные катаклизмы прошедшего века были связаны не с истощением ресурсов, не с проблемами экологии и не с нашествием инопланетян, а с цивилизованным мракобесием. Сказочно богатая ресурсами страна, которая гордилась своей духовностью, первая покрылась густой сетью концлагерей, в которых люди ставались со своими естественными ценностями (жизнью, здоровьем, родными, близкими) ради придуманных благ. Трагедия этих людей была предрешена расцветом псевдогуманизма, псевдоисторизма, псевдоучёности.

Наиболее опасным заблуждением цивилизованного общества является слепая вера в то, что можно безнаказанно принижать человеческую конституцию, биологию, медицину, подменять гуманизм «гуманитаризмом» — культом придуманных благ. По поводу природы ужасной стихии, которая регулярно захлёстывает цивилизованный мир вол-

нами безумия, волнами насилия, **А.И. Герцен** (1812—1870) писал: *«Без естественных наук нет спасения современному человеку, без этого строгого воспитания мысли фактами, без этой близости к окружающей жизни, без смирения перед её независимостью где-нибудь в душе остаётся монашеская келья и в ней мистическое зерно, которое может разлиться тёмной водой по всему разумению»* [23, с. 109]. Келья породила не только «пытливых» иезуитов, разработавших богатейший инструментарий для пыток, но и кабинетных мыслителей, чьи идеи зачастую ужасней и опасней любого древнего идола, поскольку требуют непрерывных человеческих жертв.

На роль первых и подлинных **мэтров** человечества могут претендовать, прежде всего, **матери**, традиционно обременённые заботой об умственном и физическом здоровье своих чад. Эта забота порождена самым идеальным чувством: любовью матери. Игнорируя это чувство, невозможно разобраться в природе тех сил, которые обеспечивают борьбу за существование на заре человеческой истории. Известный русский естествоиспытатель **К.А. Тимирязев** (1843—1920) в своей книге «Чарльз Дарвин и его учение» пишет: *«Любовь матери, это самое идеальное из чувств, есть в то же время самое могучее оружие, которым слабый незащищённый человек должен был бороться против своих сильных соперников не в прямой, а в более важной, косвенной борьбе за существование»* [34, с. 27]. Игнорируя «самое идеальное» и «самое могучее оружие», можно выработать самое превратное представление об истоках осмысленной орудийной деятельности, об истоках сознательной заботы о здоровье, об исходных рукотворных сооружениях, которые регулярно воспроизводятся на иконах с Богородицей и младенцем.

Следует заметить, что связать истоки архитектуры с духовной потребностью пытаются и историки архитектуры, однако самое высокое чувство, обеспечивающее наше воспроизводство, они склонны игнорировать, предпочитая говорить об эстетическом чувстве, природа которого порождает многовековые споры исследователей. Так, например, **А.С. Куликов** в своей книге «История архитектуры, градостроительства и дизайна» пишет: *«Зарождение архитектуры относится к эпохе позднего палеолита. Строительная деятельность, которая решала утилитарные задачи, стала постепенно обращаться на удовлетворение духовных потребностей человека. Эстетическое осмысление и придание постройкам идейного и образного содержания знаменовало приход нового явления – архитектуры»* [27, с. 4]. Древние статуэтки мадонн позволяют предположить, что издревле понятие о духовности и эстетическое чувство были тесно связаны с конституцией матери, которая древнее каменных орудий, древнее палеолита.

«Производство человека» требует титанических физических и духовных усилий, причём основная нагрузка традиционно ложится на плечи «слабого пола». В отличие от производства каменного топора, производство человека требует бессонных ночей, бесконечных дум о проблемах, связанных со здоровьем. **Матери** являются не только первыми **мэтрами**, но **материей**, гумусом, породившим мир (социум), рукотворный универсум. Реально именно сказочная Мать Земля является материальным миром, ландшафтом, с которым изначально знакомится человек. Игнорируя этот ландшафт, игнорируя конституцию матери, невозможно постигнуть смысл титанических каменных сооружений наших предков, стремившихся обустроить макрокосм на принципах микрокосма.

Осмысление материальной и духовной культуры раннего детства, когда материнские руки, длани (долони), пальцы (палы) являются всем: материками, долинами (балками), палатами, палисадами, паласами, коврами-самолётами, сказочными козами, которые бодают, кормят нас, учат казать (сказывать), предельно актуально при изучении не только волшебной сказки или мифа, но и истоков сознательной заботы о здоровье себе подобных. Эта забота невозможна без развитых моделирующих систем, способных описать всё, что окружает и воздействует на человека. Именно наличие таких систем создаёт предпосылки для возникновения универсальных мысленных моделей, лежащих в основе архитектуры. Эти модели позволяют понять, что именно руки, пальцы представительниц женского пола породили представления о поле, балках, палисадах, палатах и других архитектурных архетипах. Следует заметить, что в татарском языке *беләк* — рука (от кисти до плеча) [33, с. 65].

Огромную роль в пробуждении интереса исследователей разного профиля к культурогенезу детства сыграли работы *Л.С. Выготского* (1896—1934) [18–21], вызвавшие революционный переворот во взглядах на *специфически человеческие формы орудийной (инструментальной)* деятельности, позволяющий радикально покончить с механицизмом. Своё направление он предпочитал называть «инструментальной» психологией, причём под орудиями, инструментами психогенеза, социогенеза, культурогенеза он подразумевал знаки, а не механический инструментарий. Это направление в психологии часто называют «социальной психологией» или «историко-культурной» психологией, поскольку психогенез рассматривается в неразрывной связи с процессом общения, социализацией, инкультурацией. Слова, указания, запрещения, которые иницируются матерью, становятся

средствами организации психической деятельности ребёнка. Исходные указания матери, использующей язык жестов, способны наглядно продемонстрировать, что изначальное Слово очевидно и действенно. Слово-божество, Слово-Творец, породившее исходный универсум, не может быть замещено безобразным звуковым словом. *Только обращение к изначальному образному Слову позволяет пролить свет на истоки архитектуры, её архетипов, её языка.*

Необходимость преодоления механицизма во взглядах на истоки человеческой культуры, на истоки знаковых систем начинает осознаваться всё большим числом исследователей. Знаменитый ученый-энциклопедист, этнограф и социолог **М. Мосс** (1872—1950), в работе «Техника тела» пытается преодолеть механистические предрассудки, гипертрофирующие роль механических поделок в социализации человека, представил в качестве главного предмета социальной антропологии **технику человеческого тела**. Он отнёс вскармливание ребёнка матерью, отношение этих двух взаимосвязанных существ к «техникам периода детства», причём отметил, что «*история ношения детей очень важна*» [30, с. 253]. Несмотря на призыв **Мосса**, «колыбель человечества», исходная экологическая ниша, исходная культурная среда, исходная орудийная система, а также исходные приёмы социализации, инкультурации младенцев крайне редко попадают в поле зрения исследователей, говорящих об истоках человеческого бытия, исходной культурной среде, культурных универсалиях, поэтому их доктрины зачастую носят абстрактный, умозрительный, софистический характер и грешат крайним субъективизмом. Это порождает полный субъективизм при осмыслении тех реалий, которые нашли отражение в мифологическом сознании, в традиционных учениях о первых временах человеческого бытия, о

первом языке человечества, об истоках осмысленной заботы о человеке, об исходных формах его социализации, инкультурации.

В рамках механистических доктрин, отрицающих «живые говорящие орудия» (человека), вопрос о причинах, вызвавших осознанную заботу об организме, даже не ставится. Не возникают и вопросы о времени появления такой заботы, о тех, кто начал культивировать эту заботу. Нет ничего удивительного в том, что историки медицины традиционно вынуждены рассчитывать исключительно на свою интуицию при освещении причин, вызвавших к жизни медицину, а также входить в непримиримый конфликт с механицизмом, псевдоисторизмом. Интуиция побуждает историков медицины связывать её истоки не с заботой о камне, бронзе, железе, а с материнской заботой о чадах. Она также побуждает считать не механические поделки, а медицину ровесницей человека и человечности и видеть у истоков духовного лидерства не каменотёсов, а женщин-врачевательниц. Задолго до **И. Павлова** немецкий историк медицины **Г. Гезер** в своей книге «Основы истории медицины» писал: *«Начало медицины, без сомнения, совпадает с появлением человеческого рода»* [22, с. 1]. Связывая истоки медицины с заботой о человеке, историк медицины **М. Мультиановский** пишет: *«Одним из древнейших видов человеческой деятельности надо признать помощь при родах и уход за детьми, особенно новорожденными, лечение детских болезней и их предупреждение»* [31, с. 10]. Ссылаясь на народный эпос о первых женщинах-врачевательницах, автор книги «История медицины» **Ф. Бородулин** находит, что *«народное творчество правильно отразило их роль как первых врачей недугов человека»* [3, с.19]. Игнорируя материнскую заботу, невозможно реконструировать «колыбель человечества», породившую

представление о рукотворном универсуме. Невозможно реконструировать и первых архитекторов, а также понять природу первых ландшафтов, которые подверглись осмыслению, природу материальных масс, посредством которых возводились первые осмысленные сооружения.

При осмыслении антропосоциокультурогенеза часто говорится о необходимости комплексного подхода. Подлинное взаимодействие между науками обеспечивается в случае их интеграции, междисциплинарных синтезов. На роль **то-тальной Науки** может претендовать, прежде всего, медицина, поскольку именно медицина изучает буквально всё, что воздействует или способно воздействовать на человека: все вещества, все поля, все организмы, все технологии и ору-дийные системы, все продукты, все достижения и аберрации человеческого разума. Изучая жизненную, сущностную значимость всего и вся, медицина широко использует всевозможные приборы и стремится к аптечной точности. Тотальный характер носит и медицинская практика, позволяющая без суда и следствия изолировать людей, сёла, города, регионы, страны. Без справки от врача невозможно заниматься многими видами деятельности в самых демократических обществах. Без заключения санитарно-эпидемиологических служб невозможно организовать самые разные виды строительства, а также наладить производство самой разной продукции. Даже подготовка космонавтов и создание космических кораблей были бы невозможны без участия медиков.

Медицина традиционно изучает живые «говорящие орудия», технику ухода за младенцами. Без учёта врачебной практики невозможно укоренить принципы антропологизма, биологизма в широком круге наук, занятых исследованием истоков человека, общества, культуры, а также осмыслить традиционные учения о природе человека, общества,

культуры, для которых характерны антропоцентризм и биоморфизм. Изучение процессов введения в культуру различных биологических объектов привело к становлению теории центров происхождения культурных растений, домашних животных. Может показаться, что обобщение этого биокультурологического подхода, его распространение на истоки орудийной деятельности, искусства, языка, словесности не представляется возможным, поскольку невозможно найти центры естественного произрастания зубил, резцов, палиц, лопаток, саней, снарядов, героев, божеств, небес, словес, музыкальных инструментов, масок, театров, храмов и т. д. Между тем такая возможность существует. Для реализации этой возможности следует забыть про каменные орудия и обратиться к орудиям, которые вызвали к жизни медицину, биологию, бионику, а также первые осмысленные сооружения.

В свете *тотальной Науки*, в свете подлинного историзма, подлинной мудрости, подлинного гуманизма «чудесные орудия», рукотворный мир, его архитектура и архитекторы перестают казаться продуктом безудержной фантазии наших предков. Комплексное изучение истоков человеческого бытия путём *тотального* использования *тотальной Науки*, предпринятое автором в работах [5–16], позволило разработать *генерализованную трудовую концепцию антропосоциокультурогенеза*. Эта концепция позволяет согласовать древние учения об антропосоциокультурогенезе с данными современной науки и пролить свет на природу человека, общества, осветить самые разные феномены человеческой культуры. Согласно этой концепции, не забота о механических орудиях, а материнский инстинкт, материнская забота о чадах породили воспитательный процесс, культуру, человека, общество.

Материнский инстинкт по своей природе социален. Наличие этого социального инстинкта, присутствие инстинктивных начал в воспитательном процессе делают беспочвенными любые попытки противопоставления биологического и социального, биологического и культурного. **Генерализованная трудовая концепция антропосоциокультурогенеза**, опирающаяся на традиционные учения, а также на новейшие научные данные, вводит в научный оборот практически неограниченный набор фактов, связанный со становлением человека, общества, культуры. Она позволяет предельно детально осветить причины, вызвавшие потребность в осмысленной заботе о здоровье, пролить свет на истоки медицины, архитектуры, костюма, кухни и т. д. В рамках этой концепции можно реконструировать исходный язык архитектуры, воспроизвести первые рукотворные укрытия, которые подверглись осмыслению, а также продемонстрировать первые идеальные модели этих укрытий.

Автор выражает глубокую признательность за помощь, оказанную при написании данной книги, руководству и сотрудникам Института языка, литературы и искусства АН РТ, Института истории АН РТ, Института археологии АН РТ, Казанского (Приволжского) федерального университета: доктору филологических наук, профессору, академику АН РТ **М.З. Закиеву**; доктору филологических наук, профессору **Ф.И. Урманчееву**; доктору исторических наук, профессору, академику АН РТ **Р.С. Хакимову**; доктору исторических наук, профессору, член-корреспонденту АН РТ **Ф.Ш. Хузину**; кандидату исторических наук **Р.Р. Хайрутдинову**.

Список литературы

1. *Алексеев В.П., Першиц А.И.* История первобытного общества: Учеб для вузов по спец. «История». — М.: Высш. шк., 1990. — 351 с.
2. *Антропология: Хрестоматия / авторы-составители: Л.Б. Рыбалов, Т.Е.Россалимо, И.А. Москвина-Тарханова.* — М. Изд-во Моск. психолого-социального инст.; Воронеж: МОДЭК, 2002. — 448 с.
3. *Бородулин Ф.Р.* История медицины. Избранные лекции. — М.: Медицина, 1961. — 254 с.
4. *Брунов Н.И* Очерки по истории архитектуры. В 2-х т. М.: Центрполиграф, 2003. — Т. 1. — 400 с.
5. *Воронцов В.А.* Название цен в разносистемных языках // Двужычие: типология и функционирование. — Казань, 1990. — С. 94-96.
6. *Воронцов В.А.* К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // Природа психического: тезисы докладов. — Пермь, 1994. — С. 47-48.
7. *Воронцов В.А.* О театре волжских булгар и природе театрального искусства. — Казань: ИНТЕЛПРЕСС, 2008. — 212 с.
8. *Воронцов В.А.* Природа языка и мифа. — Казань: ИНТЕЛПРЕСС, 2008. — 473 с.
9. *Воронцов В.А.* О природе вещей и педагогической археологии. — Казань, Intelpress+, 2009. — 235 с.
10. *Воронцов В.А.* Антропоморфизм мифологического мировоззрения и его природа // Вестник казанского технического университета. Философия и история науки и техники. — 2010. — № 3. — С. 218-222.
11. *Воронцов В.А.* Мировоззрение «золотого века» и его истоки // Философия и общество. — 2010. — №3. — С. 130-148.

12. Воронцов В.А. Подлинные истоки волшебной сказки. — Казань: Intelpress+, 2011. — 268 с.
13. Воронцов В.А. К вопросу о движущих силах антропо-социо-культурогенеза // Вестник экономики, права и социологии. — 2012. — № 1. — С. 136-140.
14. Воронцов В.А. Археология мифа и слова // Вестник казанского государственного университета культуры и искусства. — 2012. — С. 91-95.
15. Воронцов В.А. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. — Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. — 415 с.
16. Воронцов В.А. Антропо-социо-культурогенез и техника тела // Человек. — 2012. — № 5. — С. 136-141.
17. Всеобщая история архитектуры. В 12 томах. Том 1. Архитектура древнего мира / ред. Гинсбург М.Я. и др. — М.: Изд. Акад. арх. СССР, 1944. — 373 с.
18. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. — 368 с.
19. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1983. — Т.3. — 368 с.
20. Выготский Л.С. Мышление и речь: Сборник. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. — 668 с.
21. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 224 с.
22. Гезер Г. Основы истории медицины / пер. с нем. — Казань: Н.А. Ильяшенко, 1890. — 520 с.
23. Герцен А.И. Собр. соч.: В 8 т. — М.: Правда, 1975. — Т. 7. — 607 с.
24. Глазычев В.Л. Зарождение зодчества. — М.: Стройиздат, 1983. — 126 с.
25. Диоген. Кратету // Антология кинизма. — М.: Наука, 1984. — С.219 – 220.

26. Зейферт М.Г., Мифтахутдинов И.Х. История архитектуры // Пособие. — Казань: КГАСУ, 1998. — 108 с.
27. Куликов А.С. История архитектуры, градостроительства и дизайна. Часть 1. Всеобщая история архитектуры. Учебное пособие. Тамбов: ТГТУ, 2003. — 109 с.
28. Маркс К. Капитал // К.Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1960. — Т. 23. — 907 с.
29. Маркс К. Философско-экономические рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М.: Политиздат, 1974. — Т. 42. — С. 41-144.
30. Мосс М. Техника тела // Общества, обмен, личность. — М.: Наука; Глав. ред. вост. лит-ры, 1996. — С. 242-263.
31. Мультиановский И.П. История медицины. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: 47. Медицина, 1967. — 272 с.
32. Сточик А.М. Избранные лекции по курсу истории медицины и культурологии. — М.: МГП «ЭРУС», 1991. Вып.2: Табу, тотемизм, их сущность и роль развитии культуры и медицины. Магическая медицина. — 88 с.
33. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 862 с.
34. Тимирязев К. Чарльз Дарвин и его учение. — М.: ОГИЗ, 1935. — 199 с.
35. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Максимова В.И. Педагогическая антропология. — М.: АCADEMA, 2001. — С. 76-196.
36. Флоренский П.А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — С. 149-162.

37. *Фоули Р.* Ещё один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека / пер. с англ. — М.: Мир, 1990. — 368 с.

38. *Фрейд З.* Тотем и табу // Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. — Мн., 1998. — С. 324-491.

39. *Циркунов В.Ю.* О происхождении зодчества. — М.: Стройиздат, 1965 г. — 216 с.

40. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1992. — 574 с.

Глава 1

ИСТОКИ ОСОЗНАННОГО БЫТИЯ

1.1. Истоки осознанного бытия в свете генерализованной концепции антропосоциокультурогенеза

По современным представлениям эволюционные пути наших предков и предков ближайших родственников — современных африканских человекообразных обезьян — предположительно разошлись в интервале от 8 до 4,5 млн. лет назад. В настоящее время принято выделять следующие основные этапы в эволюции человека: австралопитек — человек умелый — человек прямоходящий — неандертальский человек (палеоантроп) — неоантроп (это уже человек современного типа, *Homo sapiens sapiens*). Уже образ жизни австралопитеков радикально отличается от образа жизни обезьян и напоминает образ жизни первобытных людей. Австралопитеки освоили прямохождение, наземный образ жизни. Наземный образ жизни позволил им освоить обширные пространства Африки и Азии. Рядом с костями австралопитековых часто находят большое количество раздробленных черепов павианов, рогов и трубчатых костей травоядных. Факты свидетельствуют, что австралопитеки

научились не только противостоять крупным хищникам и падальщикам, но и отбивать у них добычу.

Целый ряд специалистов считает, что карликовые шимпанзе (бонобо) могут считаться моделью общего предка австралопитеков (прегоминид), древнейших гоминид, а также шимпанзе и горилл. Вопрос о том, как миниатюрные существа, лишённые острых клыков и быстрых ног, ухитрились выжить в саванне, полной хищников, уже давно волнует исследователей. Наиболее просто данная проблема решается путем использования естественных орудий. Именно естественные, а не искусственные орудия были изначально введены в культуру и стали использоваться осмысленно. **Ю.И. Семёнов** в своей книге «Как возникло человечество» с полным основанием пишет: *«По мере перехода к наземному образу жизни акты самозащиты с использованием естественных орудий из случайных становятся правилом и, наконец, необходимостью. За палкой, камнем и другими им подобными предметами постепенно закрепляется функция орудий труда, орудий самозащиты. Предлюди уже не могут без них обходиться»* [35, с. 125].

Пламя лесного пожара, лишая приматов традиционного убежища, традиционных средств существования, оставляет после себя огромное количество заострённых и закалённых на огне палок. Приматолог **Э.П. Фридман** пишет: *«Любопытно, что при лесных пожарах, когда случайно поджариваются плоды, орехи или дичь, шимпанзе правильно постигают пользу огня и лакомятся “приготовленной” пищей»* [46, с. 175]. Заостренные и закалённые на огне палки могли оказаться очень эффективными не только при разгребании пепла. Они позволяли преодолеть тот технологический Рубикон, который отличает процесс добывания пищи тасманийцем или австралийцем от добывания пищи обезьяной.

Палка-копалка (копье) является весьма эффективным средством защиты и нападения. Это грозное оружие способно обеспечить безраздельное господство на суше и на море. Оно сделало своего владельца царём природы уже на самом начальном этапе антропосоциокультурогенеза, задолго до появления каменной индустрии. Вот что пишет по данному поводу известный шведский зоолог, а также знаток образа жизни первобытных племен **Я. Линдبلاد** (1932—1987) в своей книге «Человек — ты, я и первозданный»: *«Вплоть до недавнего времени практически все народы первобытной культуры пользовались копьем, — и с каким успехом! Рассказывают, что пигмеи в одиночку убивали слона: бесстрашно и расчетливо они в сумерках леса подбегали сбоку к пасущемуся великану и вонзали ему копье прямо в сердце!»* [26, с. 181]. Против копья не выстоит даже кит. О достижении господства над внешними врагами уже древнейшими предками человека **Б. В. Якушин** в своей книге «Гипотезы о происхождении языка» пишет: *«И такого господства первобытный человек достигал. Разве не об этом говорит тот факт, что его становища часто находят не в пещерах, которые могли бы иметь оборонительное значение, а на «открытых» местах — в слоях песчаника, вулканического туфа, в глинистых отложениях на берегах рек. Именно в таких местах были сделаны почти все находки в Восточной и Южной Африке австралопитековых»* [54, с. 113]. Подобного рода факты историки архитектуры предпочитают игнорировать.

Поскольку оружие, которое сделало уже австралопитека царём природы, не придумано, а введено в культуру, глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки антропосоциокультурогенеза с процессом придумывания и изготовления орудий, а также видеть в австралопитеках беззащитных существ. Следует заметить, что долгое время и шимпанзе пред-

ставали в образе миролюбивых существ, которым глубоко чужда кровожадность, однако, английский этолог *Д. Гудолл* открыла их хищнические наклонности [24]. Жертвами шимпанзе, судя по многолетним наблюдениям в Танзании, были 15 видов животных и 9 видов пресмыкающихся. *Гудолл* уличила шимпанзе в каннибализме, в способности похищать даже человеческих детей [Там же. С. 185]. Исследователь отмечает, что мясо очень нравится шимпанзе, поэтому они жуют его долго с огромным наслаждением.

В процессе наблюдения за поведением обезьян (особенно обезьян Старого Света) в социальном контексте становится ясно, что психика этих животных способна инициировать непрерывные конфликты в стаде. Дело в том, что обезьян очень волнуют их положение в социальной иерархии и возможности повышения своего ранга. Для того чтобы способствовать продвижению «вверх» отдельных особей, формируются сложные альянсы и коалиции. В книге «Политика у шимпанзе» [55] нидерландский приматолог и этолог *Ф. де Валь* показывает, что самыми заядлыми политиками (в прямом смысле этого слова) среди всех животных и людей являются шимпанзе. Шимпанзе-самцы живут в мире непрерывных политических интриг. Они могли бы потрясти самого *Макиавелли* хитростью, предательством и безжалостным стремлением к достижению и сохранению власти. Вспышки массовой жестокости у цивилизованных людей, возврат к кровожадности и политиканству отражают исконные свойства нашей психики, унаследованные от диких приматов.

Предки человека были не просто агрессивны, вероломны, властолюбивы, но и предельно жестоки даже к представителям своего вида. Проанализировав поведение более чем 50 видов, австрийский этолог *К. Лоренц* (1903 — 1989) в

своей книге «Так называемое зло» [27] показал, что у сильно вооружённых видов эволюционный отбор выработал также сильную врождённую мораль — инстинктивный запрет применять все вооружение во внутривидовых стычках, в особенности, если побеждённый демонстрирует покорность. И наоборот, слабо вооружённые виды имеют слабую врождённую мораль, поскольку сильная врождённая мораль таким видам эволюционно ни к чему. Человек — это от природы слабо вооружённый вид. С обретением копья человек стал самым вооружённым видом на Земле, а врождённая мораль осталась на крайне низком уровне. Это и сделало его предельно жестоким существом, предрасположенным к канибализму.

Постоянно вооружённый копьём зверь, не имеющий естественных ограничений на его использование, предельно опасен для себя и ближайшего окружения. Появление эффективного оружия у обезьян могло иметь самые катастрофические последствия для них. **Ю.И. Семёнов** в своей книге «Как возникло человечество» с полным основанием пишет: *«Предлюди были хищниками, владевшими искусством убивать довольно крупных животных дубинами из дерева, кости и камня. Несомненно, что эти орудия они должны были пускать во время драк между собой. Использование дубин и камней в драках имело следствием серьёзные ранения и нередко вело к смертельному исходу»* [35, с. 132]. Вопреки орудийно-трудовой теории антропосоциогенеза, которой **Семёнов** полностью доверился, он вынужден констатировать, что орудийная деятельность способствовала озверению наших предков, вела к расцвету зоологического индивидуализма и представляла реальную угрозу их существованию: *«Непрерывные, непрекращающиеся драки в стаде предлюдей подрывали систему доминирования. Последняя не столько*

существовала в стае предлюдей, сколько ломалась, нарушалась, перестраивалась. Зоологический индивидуализм в стаде предлюдей достиг своего наивысшего развития и подрывал сам себя, ибо в большей и большей степени становился угрозой самому существованию предлюдей» [Там же. С. 133]. Историк медицины **А.М. Сточик** также считает, что обуздание зоологического индивидуализма «имело едва ли не решающее значение для коллектива формирующихся людей» [38, с. 5].

Вопреки заверениям **М.И. Семёнова**, зоологический индивидуализм не мог подрывать себя сам. Подрвать его мог только зоологический альтруизм, который был введён в культуру и породил сознательную заботу о своём и чужом здоровье. Сознательная забота о здоровье вызвала к жизни не только архитектуру, но и антропосоциокультурогенез, истоки которого коренятся не в способности производить оружие, а **в способности не использовать естественное и искусственное вооружение при дележе пищи, самок, выяснении отношений, во время игр и т. д.** Эту способность, без которой немислимо даже сообщество каннибалов, могли ввести в культуру только существа, которые от природы склонны делиться, сочувствовать, сострадать, воспитывать. Такими существами у приматов являются матери. Именно матери способны одомашнить, очеловечить кровожадных и могучих самцов, которые в младенчестве находятся под их полным контролем.

Рассматривая в качестве главной движущей силы антропосоциокультурогенеза родительский инстинкт, родительскую заботу, следует соблюдать принцип историзма и не преувеличивать роль отцовского чувства, отцовских рук в становлении медицины и других феноменов антропосоциокультурогенеза. Глубоко права американский антропо-

лог **Маргарет Мид** (1901—1978), которая в своей работе «Отцовство у человека — социальное изобретение» пишет: *«Мужчинам нужно прививать желание обеспечивать других, и это поведение, будучи результатом научения, а не врождённым, остаётся весьма хрупким и может довольно легко исчезнуть при социальных условиях, которые не способствуют его сохранению. Женщины же, можно сказать, по самой своей природе являются матерями, разве что их специально будут учить отрицанию своих детородных качеств»* [30, с. 283]. Отцовство очень позднее женское изобретение, призванное увлечь самцов воспитательным процессом. Об этом свидетельствует тот факт, что элементы промискуитета долго сохранялись в обычаях практически всех народов в форме религиозных праздников, законов гостеприимства и даже в брачных отношениях.

Исследователи уже давно заметили, что многие особенности воспроизводства нашего вида становятся понятными, если вспомнить об особенностях образа жизни наших далёких предков. Жизнь на деревьях — это такой способ существования, при котором сокращение числа одновременно рождаемых детёнышей повышает приспособленность к воспроизведению вида. Вот, что пишет по этому поводу **Дж. Харрисон** с соавторами в книге «Биология человека»: *«Забота о новорожденных представляет особые трудности для животных, постоянно обитающих на деревьях. Поэтому можно думать, чем меньше численность потомства, тем больше шансов его вырастить. У всех приматов существует явная тенденция производить на свет одновременно не более двух или трех потомков, а у многих рождается только один»* [49, с. 51]. Трудности сохранения детёнышей на деревьях приводят к тому, что только заботливые и предусмотрительные матери имеют шансы сохранить потомс-

тво, однако бесконечно более сложные проблемы возникли у предков человека, которые лишились традиционного убежища, традиционной пищи. Родительский инстинкт в этих условиях должен был спровоцировать качественный скачок в заботе о потомстве.

К.Д. Ушинский в своём труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» пишет: *«Что же касается до отличия инстинктивной материнской любви, общей всему живущему, от материнской любви женщины, то это различие заключается в том, что тогда как инстинктивная любовь прекращается... материнская, чисто человеческая любовь не знает себе предела»* [42, с. 139]. Причины, вызвавшие к жизни «Абсолют материнской любви», «Абсолют духовности», не следует отождествлять с движущей силой антропосоциокультурогенеза, поскольку они разнонаправлены. Хотя сила действия всегда равна силе противодействия, однако канавы, ямы трудно спутать с двигателем автомобиля. Между тем факторы, которые способствуют исчезновению вида с лица земли, очень часто рассматриваются в качестве движущей силы, обеспечивающей прогресс этого вида, а о родительском инстинкте, борьбе за жизнь исследователи часто забывают.

Надо сказать, что не только материнская любовь, но и формы её проявления эволюционировали в ходе антропосоциокультурогенеза. Воспитание сливает социогенез, культурогенез и морфогенез в неразрывное целое. В воспроизводстве естественного социума, состоящего из кормящей матери и ребёнка, огромную роль играет не только материнское чувство, но и материнская телесность. В настоящее время в учениях об эволюции всё шире используется термин *коэволюция*, служащий для обозначения механизма взаимообусловленных изменений элементов, состав-

ляющих развивающуюся целостную систему. Возникнув в биологии, понятие *коэволюция* постепенно приобретает статус общенаучной категории. В широком смысле термин *коэволюция* обозначается совокупная, взаимно адаптивная изменчивость частей в рамках любых биосистем (от молекулярного и клеточного вплоть до уровня биосферы в целом). Примером таких отношений служат, например, взаимные изменения видов-партнеров в экосистемах «паразит-хозяин», «мать-дитя» и т. д. В ходе общения с ребёнком мать вынуждена адаптироваться к потребностям своего чада, а также адаптировать их к своим потребностям. Это даёт основание выбрать естественный социум (мать-дитя или паразит-хозяин) в качестве исходной экосистемы при рассмотрении антропосоциокультурогенеза. В рамках этой системы формируются и реализуются потенции «Абсолюта материнской любви», а также архитектурные потенции матери.

Гармонизация отношений в экосистеме «мать-дитя», сформированной материнским инстинктом, в решающей степени обеспечивается не только путём адаптации органов матери к уходу за ребёнком, но и надлежащим воспитанием ребёнка, эффективность которого во многом зависит от уровня развития средств общения. Если до недавнего времени биологическая и культурная эволюции считались разделёнными во времени (культурная эволюция касается верхнего слоя стратифицированной конституции человека и началась тогда, когда закончилась биологическая эволюция), то в последние десятилетия начало осознаваться взаимодействие между биологической и культурной эволюцией. Генно-культурная коэволюция является сложным взаимодействием, в котором культура генерируется и оформляется биологическими императивами, в то время как одновремен-

но в генетической эволюции в ответ на культурные нововведения изменяются биологические свойства.

Регулярное использование заострённой палки смертельно не только для её владельца, но и для ближайшего окружения. Особую опасность острые палки представляют для младенцев, которые склонны использовать их без всякого разума во время игры, ссор, потому здесь на первый план выступает их воспитание, нацеленное на профилактику травматизма, на культивирование сочувствия, сострадания, сознания, человечности. Материнский инстинкт должен был совершить революцию в формах своей реализации и перейти к осмысленной заботе о здоровье детей, к культивированию человеческих начал в общежитии, чтобы обезопасить малышей от стихийного использования столь опасного орудия. Именно эта революция вызвала переход от коэволюции к скачку в развитии наших предков и инициировала антропосоциокультурогенез.

Воспитание человека радикально отличается от воспитания животных. Животные побуждают своих детёнышей во время игры, демонстративного поведения пускать в ход зубы, когти, копыта, рога по всякому поводу и без повода. Дети животных оттачивают свои навыки владения оружием на своих близких: родителях, братьях, сестрах. Естественное вооружение используется животными во время ссор, при дележе добычи, самок, определении социального статуса. Совсем не сложно представить, чем закончится подобное воспитание, если животные попытаются ввести в культуру палку-копалку (копье). Пострадает при её освоении отнюдь не копье. Есть все основания полагать, что вовсе не забота о механических орудиях, которые абсолютно безучастны к человеческим проблемам и провоцируют кровопролитие, побудила матерей разработать способы культивирования

людей, культурного социума (общества), **в котором запрещено свободное использование естественного и искусственного вооружения.** Есть все основания полагать, что уже первые антропоиды, которые регулярно использовали палки-копалки (копья), были вынуждены культивировать альтруизм и располагали весьма эффективной знаковой системой. Факты подтверждают мысль о том, что антропосоциокультурогенез носил не эволюционный, а скачкообразный, революционный характер.

Стадо поголовно вооружённых копьями антропоидов, ведущее полуголодное существование, нуждается в воспитательном процессе предельно высокого уровня. Ведущий российский специалист по педагогической антропологии **Б.М. Бим-Бад** пишет: *«В первобытно-родовых культурах ещё в доисторические времена, как свидетельствуют археология и этнография, возникло строгое образование»* [4, с. 198]. Нигилисты и безбожники, воспроизводящие нигилистов и безбожников в сытых обществах, не используют и сотой части воспитательных и контролирующих приёмов, которые практиковались и практикуются в архаичных социумах.

Творец современной классификации растений и животных **К. Линней** (1707—1778) с полным основанием включил человека в систему животного царства. Все люди были причислены к одному роду с видовым названием ***Homo sapiens*** nasee te ipsum (человек разумный, познай себя самого). Судя по названию, **Линней** прекрасно знал о спорах, которые испокон веков ведутся по поводу сущности человека. Затрудняясь выделить родовой признак Человека, он лишь подчеркнул необходимость человечеству решить данную проблему и дать себе название. Без серьёзных оснований усечённая форма этого пожелания стала видовым названием челове-

ка — *Homo sapiens*. Следует заметить, что люди традиционно считают не блестящих интеллектом бессловесных существ братьями меньшими. Между тем далеко не все двуногие приматы, обладающие научными званиями, развитой речью, способностью производить и использовать высокоэффективное вооружение, терпимы в человеческом обществе. Среди осуждённых Хабаровским и Токийским трибуналами японских военных преступников были видные учёные. Чтобы осуждать преступления против человечности, общество вынуждено рассматривать подобного рода субъектов как **не-людей**, а представителей своего вида — как *Homo humanus*. Ужасы прошедшего века, экологический кризис подорвали у многих людей пиетет перед разумом, орудийной деятельностью и побудили искать принципиально иные потенции человека, способные уберечь его от самоуничтожения.

Как показали недавние исследования [57], на путь «общественного договора» и сознания долга вступили еще ардипитеки. Ардипитек (*Ardipithecus ramidus*) — один из самых ранних австралопитеков, который жил в раннем плиocene примерно 5,8–4,4 млн. лет назад. Ардипитек имеет много общего с африканскими обезьянами, шимпанзе и гориллами, однако у самцов этого вида клыки не крупнее, чем у самок, а значит, они взаимодействовали друг с другом менее агрессивно, чем, например, современные шимпанзе, то есть имели какие-то иные способы решения социальных проблем. Далее в линии, ведущей к человеку, клыки уменьшаются еще более. Очевидно, что «общественный договор», предотвращавший разного рода конфликты в социуме, был невозможен без сознательной заботы о здоровье, без совершенных знаковых систем, воспитательного процесса.

В начале 1980-х гг. в кенийском местонахождении Чесованья (Чесованджа, Chesowanja) в слое, надежно датирован-

ном возрастом в 1,4 млн. л. н., наряду с огромным количеством (1000–1500) орудий, были раскопаны десятки кусков обожженной глины вперемешку с костями охотничьей добычи. Исследование показало, что глина подвергалась термическому воздействию в 400 °С, что соответствует средней температуре обычного костра [50, с. 62]. Ввести в культуру огонь невозможно без эффективных форм знакового общения, высокой дисциплины, поскольку простое поддержание огня при отсутствии металлических пил, топоров и богатого древостоя является весьма трудоёмким процессом.

Воспитательный процесс позволил нашим предкам не только выжить, но и продемонстрировать высокий уровень духовной культуры. Известный австрийский психолог, психиатр и невролог **З. Фрейд** (1856—1939) в своей работе «Мы и смерть» писал: *«После успешного завершения свирепствующей ныне мировой войны победоносные немецкие солдаты поспешат домой к жёнам и детям, и их не будет удерживать и тревожить мысль о врагах, которых они убили в рукопашном бою или дальнобойным оружием. Но дикарь-победитель, возвращающийся домой с тропы войны, не может вступить в своё селение и увидеть жену, пока не искупит совершённых им на войне убийств покаянием, подчас долгим и трудным»* [45, с. 20]. Традиционная культура побуждает замаливать не только убийство врага. Даже поломка сучка или порубка живого дерева в традиционных обществах считается большим грехом и требует добровольного покаяния и искупления.

Цивилизация огрубляет человеческие чувства. Известный российский этнограф **В.И. Иохельсон** (1855—1937), которому довелось изучать культуру юкагиров, считавшуюся самой архаичной на территории Российской империи, писал: *«Надо действительно удивляться стыдливости прими-*

тивного племени, семейная и общественная жизнь которого ещё протекала в условиях каменного века. От столкновения именно с более культурными народностями, якутами и русскими, стыдливость понизилась у юкагиров. Якут не знает стыда, говорят юкагиры. Древние же юкагиры, говорят последние в своих преданиях, помирали со стыда» [21, с. XIII]. Ни русские, ни якуты не смогли приобщить юкагиров к воровству, разбою, развить у них вкус к разбойным песням, богохульству и т. д. Перед подлинной человеческой культурой даже цивилизация бессильна.

Против плоского эволюционизма в культурогенезе выступал ещё американский лингвист, этнограф, основоположник современной антропологии **Ф. Боас** (1958—1942). В своей книге «Ум первобытного человека» он писал: «Одна из существенных черт этой теории заключается в том, что вообще цивилизация развивалась путём перехода от простых форм к сложным, и что обширные сферы человеческой культуры развивались под влиянием более или менее рационалистических импульсов. В последние годы мы начинаем признавать, что человеческая культура не всегда развивается путём перехода от простого к сложному, но что по отношению ко многим сторонам перекрещиваются две тенденции, — одна к развитию от сложного к простому, другая — к развитию от простого к сложному.

Всего легче, быть может, прояснить это примером языка, представляющего во многих отношениях одно из важнейших свидетельств истории человеческого развития. Первобытные языки, в общем, сложны. Мелкие различия в точке зрения выражаются посредством грамматических форм; и грамматические категории латинского, а тем более современного английского языка, кажутся невыработанными по

сравнению со сложностью психологических или логических форм первобытных языков, — форм, совершенно неизвестных нашей речи» [5, с. 108].

Забота о естественной орудийной системе в большей мере способствуют развитию интеллекта, форм общения, чем обтёсывание камня. Игнорируя этот факт, можно сколь угодно заблуждаться по поводу истоков языка, интеллекта. ***В настоящее время твёрдо установлено, что тип каменных орудий не имеет жесткой связи с эволюционным процессом.*** Так, например, олдувайские орудия делали и Homo habilis, и Homo ergaster, и Homo erectus. Более того, есть основания считать, что «их творцами были австралопитеки» [51, с. 51]. ***Не связана фабрикация каменных орудий и с началом гоминизации челюстной системы, с переходом к биопедии (прямохождению) и т. д.***

Против механицизма, плоского эволюционизма свидетельствуют факты, связанные с характером первых орудий, с помощью которых были изготовлены первые искусственные орудия. Лесные пожары случаются не часто, что побуждало наших предков к искусственному воспроизведению заостренных палок-копалок и других изделий посредством своих естественных резцов, зубил, стамесок. ***Я. Линдبلاد*** в своей книге «Человек — ты, я и первозданный» свидетельствует, что современные индейцы окурило своими зубами *«очищают сучья от коры, обрабатывают заготовки для топорищ»* [26, с. 181].

Миниатюрная, подвижная, с рядами ровных зубов челюстно-лицевая система человека позволяет развивать огромные перекусывающие усилия, и легко перегрызать грубые волокнистые материалы. Гипертрофию челюстно-лицевых органов антропологи не без основания рассматривают как дегенеративный признак. Также не без основания

они связывают начальный этап в эволюции человека именно с гоминизацией челюстно-лицевых органов.

Уже у рамапитека челюсти отличаются от типично обезьяньей челюсти дриопитека укороченностью зубной дуги, имевшей, как полагают, параболическую, а не П-образную форму. Уменьшенные клыки не выступают из зубных рядов. Отсутствуют диастемы — промежутки в зубном ряду для захождения крупных клыков. Причины для столь радикальной перестройки челюстной системы до сих пор являются загадкой для исследователей, игнорирующих производственные функции наших естественных органов.

Преувеличивать естественный характер нашей наличной собственности нет серьёзных оснований. Челюстно-лицевые органы обезьяны способны породить массу проблем при переходе к потреблению грубого подножного корма. Особые проблемы должны были возникнуть у детей. Перегрызать волокна подножного корма им мешали не только выступающие клыки, но и смена зубов. Подобного рода проблемы не могли не породить заботу матерей о наружности (орудийности) своих чад. Именно матери были вынуждены, **переживая** за детей, **пережёвывать** грубый подножный корм. Всё это способствовало выработке широчайшего комплекса представлений о вкусе, прикусе, наружности (орудийности), красоте. Уже очень давно опытные мамы с помощью нехитрых технологий научились радикально влиять на форму черепа, челюстно-лицевых органов младенцев. Такая практика позволяет устранить неприемлемый оскал (волчье лико), добиться прикуса, минимизирующего нагрузки на зубы. Именно древние обычаи менять с помощью тугих повязок, вкладышей наружность по своему усмотрению, побудила современных стоматологов развивать соответствующую технику.

В работах автора [8, 9] впервые показано, что забота о детях побудила матерей ввести в культуру наружность, разработать критерии красоты, которые, начав регулировать половую активность, вывели процесс эволюции из-под контроля естественного отбора. В этой связи глубоко ошибочны попытки рассматривать эволюцию челюстно-лицевых органов человека, игнорируя родительский инстинкт, родительскую заботу о наружности детей. Такие древние обычаи, как трансформация челюстей, выбивание, подпиливание резцов, клыков при инициации могут получить разумное объяснение в свете этих фактов.

У исследователей отсутствует единство взглядов на причины, которые вызвали к жизни у наших предков бипедию, редукцию волосяного покрова, гоминизацию челюстно-лицевых органов. Большинство исследователей именно бипедию связывают с истоками антропогенеза. Осмысление этих истоков породило массу гипотез, а также острую полемику между исследователями. Ориентируясь на одну из гипотез, историк медицины **Т.С. Сорокина** пишет: *«Прямохождение формировалось у австралопитеков в результате приспособления к жизни в открытой местности. Позднее оно создало предпосылки для развития трудовой деятельности и, таким образом, явилось решающим признаком гоминид»* [36, с. 19]. Серьёзность данной гипотезы ставится под сомнение тем обстоятельством, что в открытой местности обитает великое множество четвероногих существ, которые даже не предпринимают попыток освоить бипедию.

При анализе истоков бипедии следует учитывать целый ряд обстоятельств, который до сих пор не попал в поле зрения исследователей. *«Когда у обезьяны рождается детёныш, он рефлекторно сжимает всеми четырьмя конечностями шерсть на теле матери и повисает под её грудью спи-*

ной книзу. В таком состоянии детёныш остаётся и тогда, когда спит, и тогда, когда бодрствует» [19, с. 272]. **Таким образом, исходной средой обитания обезьян является покрытое растительностью тело матери.** Это оставляет руки матери свободными при перемещении по деревьям и по земле.

В работе «О природе вещей и педагогической археологии» впервые показано, что *«перемещение на четырёх конечностях с зажатой в руке острой палкой требует крайней предусмотрительности и очень быстро приводит к трагическим последствиям. Больше всего на начальном этапе освоения заострённой палки-копалки страдали малыши, висевшие под грудными клетками матерей, держась за густую шерсть»* [11, с. 35]. Забота о детях должна была стимулировать прямохождение, которое должно было войти в культуру уже при первых попытках освоить заострённую палку. Переход к прямохождению произошёл за миллионы лет до появления каменной индустрии. По вполне объяснимым причинам этот переход носил не эволюционный, а революционный характер.

Беря острую палку в подмышку, можно заколоть младенца, который висит за спиной. Естественно, что более короткошерстные мамы имели больше шансов вырастить потомство. Это не могло не привести к редукции волосяного покрова. Таким образом, даже такие тайны антропогенеза, как гоминизация челюстной системы, редукция волосяного покрова, бипедия можно успешно освещать в рамках экосистемы «мать-дитя», сформированной материнским инстинктом. Выходить за пределы этой системы при решении проблем, связанных с истоками архитектуры, также нет оснований. Дело в том, что переход к прямохождению отнюдь не освободил руки матери. **При этом переходе именно руки**

матери становятся исконной средой обитания младенцев.

Проблема осложняется тем обстоятельством, что младенцы у прямоходящих приматов рождаются не ловкими наездниками и вольтижёрами, как у четвероногих приматов, а предельно ослабленными, лишёнными теплоизоляции. Всё это превращает вынашивание младенца в весьма трудоёмкий и длительный процесс. Трудовые усилия матери должны быть продуманы, поскольку простой перенос орудий при наличии на руках ребёнка может иметь трагические последствия. Всё это побуждает считать, что именно материнский труд впервые стал разумным и побудил осмыслить проблемы, связанные и травматизмом, и с первым домом.

Надо сказать, что заостренная палка отнюдь не исключает специализации пользователей. Она может использоваться хищниками, растительноядными и всеядными существами при выкапывании корней, добывании плодов, рыбы, дичи. Нет ничего удивительного в том, что различия в питании и среде обитания были обнаружены уже у ранних австралопитеков.

В современной литературе высказываются самые различные взгляды на природу сознания, самосознания, а также о времени их становления. Так, например, известный советский философ **А.Г. Спиркин** (1918 — 2004) в книге «Сознание и самосознание» пишет, что *«элементарного уровня самосознания» наши предки достигают лишь на стадии родовой общины. «У родового человека, — говорит он, — самосознание находилось в зародыше и развернулось в действительное самосознание в период формирования классового общества»* [37, с. 168].

Более аргументированы взгляды авторитетного психолога **И.С. Кона** (1928—2011), который полагает, что «определённая степень самосознания присуща уже животным». В

своей книге «В поисках себя: Личность и её самосознание» он пишет: *«Высшие животные легко усваивают собственные имена, а шимпанзе, обученные языку глухонемых, могут даже говорить о себе в первом лице, используя знак “я” и в какой-то мере описывать свои эмоциональные состояния. Хотя это — результат обучения, многие учёные считают, что можно говорить о наличии у приматов зачатков или элементов самосознания»* [22, с. 29].

Прежде чем говорить о сознании и языке приматов, включая человека, следует вспомнить о характере их познаний. Ситуативное знание как содержание стихийно складывающегося опыта свойственно всем приматам. Ситуативное знание — это исходное стихийно складывающееся знание, основанное на участии примата в различных ситуациях, которые укладываются в памяти в типичные или обобщённые ситуации.

Склонность животных общаться в рамках складывающейся ситуации позволяет им обходиться минимальным количеством знаков. **Б.В. Якушин** в своей книге «Гипотезы о происхождении языка» пишет: *«Острая необходимость в развитой знаковой системе могла возникнуть лишь в том случае, когда потребовалось сообщить нечто о ситуации, которой не было в наличии, т. е. в условиях воображаемой ситуации»* [54, с. 124]. **Якушин** глубоко прав, полагая, что освоить орудийную деятельность наши далёкие предки могли молча. Гораздо сложнее приобщить детей к осознанию процессов, ситуаций, которых не должно быть в их жизни. Культивировать профилактику травматизма, заболеваний возможно только при использовании знаковых систем, обеспечивающих моделирование широчайшего спектра опасных, губительных ситуаций, а также способов избежать их. Теоретическое знание, знакомство с техникой безопас-

ности при освоении смертельно опасных орудий должно предшествовать практике. Это хорошо известно и врачам, и производственникам.

Человеческое сознание невозможно также без осмысления бесконечно сложной говорящей, самодвижущейся, страдающей, гибнущей системы органов, снастей, ценностей. Забота о человеческих органах привела к появлению не только развитой техники безопасности, но и знаковой системы, способной отразить ценнейший и сложнейший объект, а также обезопасить его. В своей книге **Якушин** также отмечает: *«Вопрос о совершенстве языка малокультурных народов остаётся до сих пор одним из самых таинственных. Здесь едва ли можно говорить о вырождении таких племён, об упрощении форм их поведения и культуры при сохранении богатства языка»* [Там же. С. 35].

Предлагаемый нами взгляд на социогенез позволяет более конкретно говорить о сознании и самосознании наших предков. Образ жизни австралопитеков, их способность выжить в условиях саванны, кишящей хищниками, весьма сильный аргумент в пользу того, что они ввели в культуру не только прямохождение, но и копьё. Это возможно только при высоком уровне сознания и самосознания, а также при наличии эффективных моделирующих знаковых систем. *«Особенно важно для нашей темы, что на эндокражах австралопитеков (A. africanus) намечаются выпуклости в некоторых из тех областей, где у людей находятся основные речевые центры»* [59, р. 74]. Интересное возражение, против мнения, что будто язык сложился лишь с переходом к верхнему палеолиту, выдвинут приматологом **С. Сэвидж-Рэмбо**. По её мнению, постулат, что орудийная деятельность предшествует языку, трудно совместим с тем фактом, что дети начинают говорить раньше, чем конструировать простей-

шие орудия [58, р. 15]. Мысль о том, что язык предшествует сознательной деятельности, отстаивал и советский археолог **Б. Поринев** (1905—1972). Идеи, изложенные в его книге «О начале человеческой истории», которая вышла в свет в 1974 году, до сих пор вызывают живой интерес у философов и специалистов самого разного профиля.

Занятые копалкой и младенцем руки крайне затрудняют транспортировку собранной пищи. Решить данную проблему может только коллективное воспитание. Коллективное воспитание, а не обработка камня, породило разделение труда, специализацию, а также коллективное потребление. Коллективы матерей существуют и у современных шимпанзе. Авторы книги «Биология человека» по поводу различных группировок у шимпанзе пишут: *«Функционально эти группы можно дифференцировать следующим образом. Группы взрослых самцов обычно очень подвижны, создают много шума и стремятся первыми обнаружить в лесу источники пищи. Группы матерей, напротив, относительно инертны, стараются не создавать шума и обычно остаются на одном месте, переход на новую стоянку, которую они выбирают, ориентируясь по крикам других животных, совершается быстро и почти бесшумно»* [49, с. 115-116]. Именно на основе таких групп матерей и таких стоянок должны были возникнуть первые материнские коммуны, обеспечившие пропаганду родительского чувства, альтруизма, сознательной заботы о здоровье, что придало процессу воспитания принципиально иной характер. Самцы, становясь взрослыми, не теряли духовных качеств, навыков общения, полученных в материнских коммунах. Способность договариваться, техника безопасности уберегали их от самоистребления, а также способствовала становлению осмысленного быта.

Коллективное воспитание детей способствует укреплению кровнородственных связей. Дело в том, что матери чисто психологически легче оставить ребёнка на попечении своей матери, сестры, дочери. В традиционных обществах ребёнок в 6–7 лет часто сам становится воспитателем младших сестёр и братьев в социуме. Всё это стимулирует развитие и укоренение навыков социализации и инкультурации, а также эффективных форм общения.

Во многих языках слова *род*, *племя*, *пол* являются синонимами. Так, например, в арабском языке *جنس* 'род', 'племя', 'народность', 'пол' и т. д. [2, с. 765]. Это подтверждает мысль о том, что издревле роды формировались по признаку пола. Наличие представителей двух полов в стаде способно пролить свет на истоки дуальной организации родов, на природу матриархата.

Коллективное воспитание позволяет не только выявлять детей с явными психическими отклонениями, но и стимулирует их отсев. Матери, боясь за своих чад, всегда найдут повод и средство избавить общество от психопата. Дети видят отношение взрослых к подобного рода субъектам, что, безусловно, способствует их самоконтролю и росту самосознания.

1.2. Миф как адекватное отражение истоков осознанного бытия

Умственные и физические потенции человеческих младенцев делают крайне актуальной сознательную заботу об их здоровье. В работах [10, 11] впервые показано, что именно родительская забота легла в основу традиционных учений о начале человеческого бытия, о рукотворном космосе, о носителях Высших Сил, Высшего Разума, Святого Духа, о про-

цессе познания добра и зла, об истоках болезней и смерти. *Игнорируя эти учения, а также произвольно толкуя их, можно составить глубоко превратное представление не только об умственном здоровье создателей этих учений, но и об истоках сознательной заботы о здоровье, об исходных рукотворных помещениях, которые подверглись осмыслению и моделированию.*

В мифах в качестве предков, создателей рукотворной Вселенной, различных культурных ценностей часто фигурируют животные, которые зачастую выкармливают людей, занимаются врачеванием и являются символом мудрости. Родительские **пяти** («**пасти**») способны пролить свет на природу тотемных существ, которые **пестуют** нас, когда мы абсолютно беспомощны, а также знакомят нас с «добром и злом», с профилактикой травматизма, с основами гигиены. Задолго до возникновения институтов отцовства, семьи, брака две материнские руки породили такие культурные, мифологические и сказочные архетипы, как **мать-животное, отец-животное, мужчина, женщина, семья, брак, пол, лево, право, низ, верх и т. д.** Всё это нашло отражение в самых разных семиотических системах, включая звуковые языки. Так, например, автор книги «Удивительный мир слов и значений», написанной на материале 100 языков, **М.М. Маковский** констатирует: «Значение “левый” соотносится со значением “женщина”, а “правый” — со значением “мужчина”; оба указанных значения могут восходить к значению “рука» [28, с. 18]. Игнорируя первообразы представителей мужского и женского пола, невозможно постигнуть смысл древних верований, архаичных учений. Без учёта этих первообразов историки архитектуры никогда не смогут реконструировать происхождение таких архитектурных архетипов, как **пол, купол, подполье, земля** и т. д.

Игнорируя жесты, невозможно обнаружить первые защитные сооружения. Между тем телесность чудесных животных позволяет увидеть материальные массы и технические приёмы, породившие первые стены, ограды, столпы и т. д., которые могут сооружаться в мгновение ока. Эта телесность позволяет постигнуть и язык сказочных животных. Изначальное вещественное вещание даёт возможность увидеть изначально жестовое Слово, породившее изначальноный рукотворный мир.

Способность сказочных и мифических животных создавать исходную культурную среду: первые заслоны, гнёзда, убежища, гроты, города, а также выступать в качестве исходной орудийной, транспортной и знаковой системы не может вызывать сомнений. Именно с этими животными связаны исходные представления о жестах, божествах. Глубоко архаичны мифологические сюжеты о порождении Вселенной животными, о пребывании людей в чреве животных, о животных предках человека. Видный советский этнограф **Л.Я. Штернберг** (1861—1927) в своей книге «Первобытная религия в свете этнографии» пишет: *«Теротеизм (поклонение животным, зоолатрия) — некогда универсальная форма религиозного мышления, сохранившаяся до настоящего времени у всех диких и варварских племён и даже у некоторых более или менее культурных народов (браминистическая Индия, Египет). Свидетельствами всеобщего господства культа животных служат религиозные и поэтические памятники всех исторических народов, начиная с гимнов Вед, Авесты, храмов и мумий Египта, историков и поэтов Греции и Рима, эпоса германских, романских и славянских народов и кончая современным фольклором европейских масс. Самый богатый следами теротеизма — эпос славянский, в особенности русский»* [52, с. 191].

Мифические животные могут выступать в качестве тотемных предков, героев, божеств, демиургов, триксеров (обманщиков, ловкачей), ездовых животных богов, героев и т. д. Мифическое животное может выступать типологически в чистом виде, однако зачастую оно является человеческим предком и божеством, культурным героем и триксером. Ворон у ительменов — демиург, культурный герой, создатель рельефа местности и самой земли, изобретатель одежды, лодки и т. д. Это не мешает им рассматривать Ворона в качестве триксера. Сказочные и мифические звери могут заверять, общаться между собой и с людьми, поскольку обладают особым языком, постигнув который герой становился необычайно мудрым и проницательным. Он может установить причину той или иной болезни, вылечить любую болезнь.

По вполне объяснимым причинам чудесные животные могут быть плачами. Так, например, в русских народных сказках в роли плачей выступают лиса [3, № 22], медведь [Там же. № 21], волк [Там же. № 22]. Чудесные животные могут быть и повитухами [Там же. № 1–8], и врачевателями [Там же. № 21–22]. Игнорируя антропоморфную природу этих плачей, повитух, этих врачевателей, осмыслить древние сказания, разобраться в истоках сознательной заботы о здоровье не представляется возможным.

Без всяких оснований древними мифами, сказками о животных и вообще герменевтикой древней словесности долгое время занимались не представители самой мудрой и древней профессии, а любители мудрости, любители словесности. Эти любители всерьёз полагали, что характер мифических, баснословных, сказочных животных соответствует природе зоологических видов и соответствующие произведения отражают жизнь в обычном лесу. Подобные взгляды не канули в вечность. Так, например, видный современный

фольклорист и историк **Е.М. Мелетинский** (1918—2005) в своей книге «Палеоазиатский мифологический эпос» пишет: *«...нам представляется, что миф о Вороне — культурном герое и трикере в известной мере опирается на простейшие мифологические преобразования зоологических свойств ворона»* [29, с. 196–197].

Надо сказать, что и облик, и поведение мифических и сказочных животных не дают оснований соотносить их с зоологическими видами. В этой связи получило широкое распространение мнение, что мифические, сказочные животные — это надуманные, условные фигуры. Так, например, **А. Широкауэр** полагает, что подобные образы и сюжеты являются чистой фикцией, причём настолько прозрачной, что даже ребёнку ясна метафоричность, иносказательность подобного рода рассказов [59, с. 183]. Считать культурные, сказочные, мифологические универсалии фикциями большинство исследователей в настоящее время не решается.

По мнению немецких лингвистов и культурологов **Вильгельма** (1785—1863) и **Якоба** (1786—1859) **Гримм**, сказки о животных возникли из прамифа, а под личиной зверей скрываются божества. Причину обожествления животных, жертвенного отношения к ним **Я. Гримм** видел в животноводстве. Он пишет: *«Животная сага проистекает из непрерывного общения человека с животными и — благодаря этому — знакомства с их потаённой жизнью»* [56, с. 366].

Труды английской этнографической школы, собравшей богатейший материал по архаичной сказке и мифу, подорвали всякое доверие к поэтическим, романтически отвлечённым взглядам на взаимоотношение человека и животных в эпоху появления наиболее архаичных мифов о животных. В трудах английской этнографической школы, посвящённых этим мифам, начал широко использоваться термин «тоте-

мизм». По поводу природы тотемных существ, наделённых всеми атрибутами человека, включая речь, у исследователей до сих пор отсутствует единство взглядов. К настоящему времени предложены десятки учений о природе тотемизма. С обзорами этих учений можно познакомиться, например, в работах [48, с. 108–142; 41, с. 51–60, 564–576].

Мир тотемических предков поражает своим динамизмом, своими чудесными превращениями. В этом мире легко возникают и легко превращаются, во что угодно, животные, люди, предметы, планеты, светила и т. д. После работ французского этнографа, культуролога и социолога **К. Леви-Стросса** получила широкое распространение трактовка мифов и сказок о животных как «кода» для классификации социальных и природных явлений. Разумеется, это не сняло вопросов, связанных со становлением этого кода.

Вопрос о причинах, которые побуждали создателей мифов выбирать животных на роль главных героев, предков до сих пор представляет для исследователей серьёзную проблему. **Леви-Стросс**, например, так попытался объяснить, почему у палеоазиатов таким героем стал Ворон, а у североамериканских индейцев — Койот. По его мнению, мифы являются продуктом первобытных софистов, которые пытались посредством умозрительных построений смягчить антиномии, связанные с человеческим существованием. Ворон смягчает одну из главных антиномий — антиномию жизни и смерти. Он ест падаль — и это компромисс между травоядными и хищниками (метафора жизни и смерти) [25, с. 201–202]. **Леви-Стросс** игнорирует хорошо известный факт: мифические существа охотятся и питаются совсем не так, как их лесные собратья. По этому поводу **Е.А. Костюхин** в своей книге «Типы и формы животного эпоса» пишет: «Уже тотемические мифы показали, как резко расходятся

манеры и поступки мифологических и реальных животных. В сказках о животных положение не меняется: фигуры триксеров предельно условны и нисколько реальным фактам не соответствуют. Муравей не только убивает на охоте свинью, но и несёт её домой. Пауку для того, чтобы насытиться, нужны горы мяса (все триксеры архаичного фольклора вообще необычайно прожорливы). Он может съесть любого зверя, может унести человека» [23, с. 63]. В пасти подобных животных побывали все, кто читает эти строки. Способность чудесных животных транспортировать человека не может вызывать сомнений. Эти факты исследователи сказки и мифа предпочитают игнорировать.

В работах «Природа языка и мифа» [10], «Мировоззрение золотого века и его истоки» [13], «Подлинные истоки волшебной сказки» [14] впервые предпринята попытка связать истоки мифов о животных с родительскими руками, исходными орудийными, транспортными и знаковыми системами. Если учесть, что первый язык был жестовым, то есть все основания соотнести **писти** рук с первыми говорящими **пастями**. Язык зверей позволяет заверять и предельно наглядно демонстрировать то, что не имеет видимой формы: зверскую боль, зверский голод, зверский холод и т. д.

По вполне очевидным причинам чудесные существа могут трансформироваться друг в друга. Так, например, чтобы превратить сказочную собачку (согнутый крючком указательный палец) в козу, зайца или гуся, достаточно сменить позиции пальцев. При пальцовке наши естественные актёры — пальцы (палы, очки, палы-очки) превращаются в волшебные палочки, в бактерии, в богатырей, в сказочных и мифических существ. Чудесные палицы могут выскакивать из кисета (кисти), принимать самый различный облик, а также наказывать обидчиков.

Сказочные богатыри могут превращаться и в соколов, и в скалы, и в каменные стены. Так, например, широко известна русская былина «Камское побоище», которая повествует о том, как после битвы русские богатыри окаменели:

*А как они тогда же все богатыри,
Как подъезжали-то ко стенам да ко каменным,
А какой придёт-от тут да тут же окаменеет* [7, с. 350].

Подобного рода стены весьма и весьма архаичны. Они древнее стен из обычных деревьев и камней. Их не следует игнорировать при обращении к истокам архитектуры и выявлении архитектурных архетипов.

Звери и звероподобные существа традиционно выступают в качестве героев, а также в качестве наставников и помощников героев. Волки, кони и другие инструкторы общаются с героями на общепонятном языке. Так, например, в греческой мифологии кентавр Хирон выделяется мудростью и благожелательностью. Он является воспитателем героев (Тесея, Ясона, Диоскуров). В качестве лекаря он обучал врачеванию Асклепия. *«Имя Х. указывает на его искусные руки (греч. cheir «рука»)*» [31, с. 593]. Реконструкция кентавра, который также питал страсть к наставлениям, приведена на рис. 13.

Руками обладают и мифические, и сказочные животные. Так, например, Змей вызывает Покатигорошка на борьбу, но последний говорит: *«Дай руку, я подержу, — попробуем так: кто сильнее!»* [3, № 134].

По вполне объяснимым причинам герои могут транспортироваться в пасти сказочных животных. *«Джигит, недолго думая, в пасть забрался — и помчался Лев в далёкое ущелье»* [39, №. 47]. Предельно архаичное транспортное средство (родительские руки) даёт основание соотнести **пасть льва**

с **пятью левой** руки. Транспортировка в чреве животных широко распространена в мифах и сказках.

Вспомнив про материнские руки, совсем не сложно понять природу Гаруды или сказочной птицы Рух, способной затмевать солнце, носить на себе героев, воспитывать их в своём гнезде (рис. 11). Руки проливают свет и на других чудесных птиц: Ноготь-птицу, Ворона Вороновича, Жар-птицу и т. д. Птахи, пташки (пятаки, пятачки) изначально ассоциировались с нашими пальцами. Функции сказочных и мифических птиц, как и мифических животных, не поддаются перечислению.

При переносе на руках младенца сказочные птахи захватывают его шею, ляжки, икры. Не следует удивляться тому, что герои сказок при транспортировке зачастую вынуждены жертвовать транспортному средству свои органы. Так, обстоит дело и с Моголь-птицей, которой малолетний герой пожертвовал мясо со своих ног, но всё кончилось для него благополучно, поскольку Моголь-птица *«выхаркала икры»* [3, № 157]. Аналогично поступает и сказочный орёл, который транспортирует Ивашку. *«Вот орёл выхватил у Ивашки из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошёл Ивашко с орла, орёл выхватил кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла»* [Там же. № 128]. Мифические существа с руками-крыльями широко представлены в изобразительном искусстве разных народов (рис. 17). Нет никаких оснований связывать истоки мотивов о сказочных и мифических птицах с наблюдениями за обычными птахами. **Пятеро дактилей** (пальцев) являются подлинными **птеродактилиями**. Они начинают порхать, когда мы поперхнёмся. Язык пантомимы очень красноречив, а подлинные слова — «крылаты».

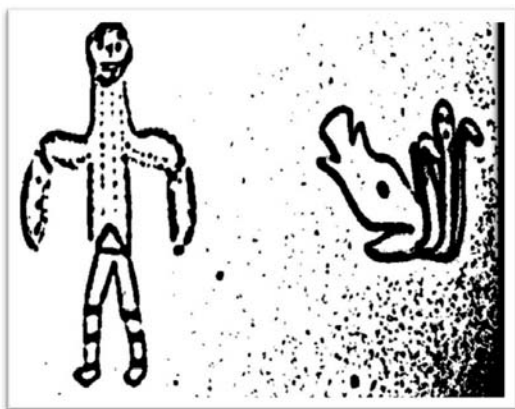

Рис. 17. Человек-птица
(детали сибирского шаманского костюма. Взято из [6])

Функции рук предельно многообразны, предельно многообразны и функции чудесных животных. Образ животных издревле был свойственен и различным божествам. В виде орла выступают Зевс и Дионис. В виде различного рода животных фигурируют и египетские боги. В ряду существ, образующих мифологический и сказочный bestiary, змей выделяется множеством своих ипостасей. Это дало основание известному советскому фольклористу **В.Я. Проппу** (1895—1970) говорить о крайней загадочности этого образа. Он писал: *«Змей очень сложное и многообразное явление. Всякие попытки дать ему единое объяснение заранее обречены на неудачу...»* [33, с. 258]. На наш взгляд, именно многофункциональность мифического змея позволяет с высочайшей степенью достоверности произвести идентификацию его архетипа. Наши универсальные орудия, наши органы (уды) являются первыми удавами, ужами, образ жизни которых нам хорошо известен с самого раннего детства, поскольку без ужей, питонов мы не садим-

ся ужинать, питаться. Жменя проливает свет на название змеиных царств.

Мифические и сказочные змеи могут поселяться на плечах человека. В татарской сказке змея поселяется на шее героя и свисает с его плеч. Это вначале пугает героя, но мудрая старуха, которая знает язык змей, успокаивает его. *«Ты ни сколько не бойся змеи. Что будешь кушать сам, тем же её корми. Может быть, это будет даже на пользу тебе»* [39, № 41]. Следует заметить, что наша пища изначально поступает в распоряжение наших питонов, которые отнюдь не обделяют нас при питании.

Сказочные змеи могут превращаться в разные предметы. *«Вымолвил и обернулся помелом», «Вымолвил эти речи и оборотился хватом»* [3, № 204]. Способность наших органов сметать, хватать, что ни попало, не может вызывать сомнений.

Мифические змеи являются хтоническими существами, порождёнными Геей — Матерью Землёй (жменёй). **Серия** из 5 (греч. *πέντε* 'пять') пальцев руки позволяет реконструировать изначальный **серпентарий** с математической строгостью. Эти многоголовые существа участвуют в формировании первозданного рельефа и владеют первозданными горами, впадинами, гротами, реками, озёрами, морями. *«Едут год они, едут два, приехали три царства, синеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого»* [3, № 560]. По вполне объяснимым причинам сказочные змеи являются летучими. *«Вдруг видят: в версте от них летит змей»* [3, № 131].

Наши пальцы (палы) позволяют понять, почему сказочный змей имеет пламенную природу, почему змей уносит царевну «на своих огненных крыльях» [Там же. № 131]. Пальцы позволяют также понять, почему змей мог пулять

пламенем. *«Тут змей выпустил из себя пламя огненное, хочет жечь царевича»* [Там же. № 562].

Наши руки, наши хтонические существа (Гея и Гея) породили естественные водоёмы, в которых купают детей, умываются, тонут в слезах и т. д. Есть все основания полагать, что именно с ними связаны исходные представления не только о гегемонии, но и о гигиене, о богине здоровья Гигеи. Вложив одну ладонь в другую, можно увидеть Чашу терпения, которая является не только гигиеническим, но терапевтическим средством, поскольку позволяет умерить боль, прийти в сознание. Именно эта Чаша, а также обитающий в ней Змей, стали символом медицины, неразрывно связанным с образом Гигеи, которая является естественным атрибутом Асклепия.

Нет ничего удивительного в том, что змеи часто выступают в роли хранителей водоёмов. Изначальная связь змей с руками, с естественными водоёмами очень явственно отражена в тюркских языках: тюрк. *ел* 'рука' [34], тат. *елан* 'змея'; *елау* 'плакать, рыдать, реветь'; елга 'река' [40].

Изначально ребёнок ничего не знает о болезнях и смерти. «Золотой век» — мифологическое представление, существовавшее в античном мире, согласно которому первые времена человечества отличаются безоблачностью, беззаботностью, невинностью, незнанием смерти, добра и зла. Представления о золотом веке, утраченном земном рае можно встретить не только в развитых религиозно-мифологических представлениях. Румынский историк религии и исследователь мифологии *М. Элиаде* (1907—1986) в своей книге «Мифы, сновидения, мистерии» пишет, что *«дикари, не более и не менее чем западные христиане, считали, что пребывают в “навшем” состоянии по сравнению со сказочно счастливым положением дел в прошлом»* [53, с. 45].

Р.А. Агеева в книге «Страны и народы» пишет, что «в древности у разных народов складывались представления о “блаженных” странах “золотого века”» [1, с. 260]. Названия мифических стран, как правило, связаны с космогоническими представлениями народов древности. Мифическая страна мыслится как место пребывания божественных предков, божеств плодородия, как центр модели космоса, причём в качестве такой модели часто выступает микрокосм, человек.

Античные авторы упоминали об «островах блаженных», о саде Гесперид с золотыми яблоками. Об истоках такого рода верований **Л.А. Ельницкий** в своей книге «Древнейшие океанские плаванья» пишет: «Происхождение этих утопических идей, связанных с определёнными географическими представлениями, коренится в древних религиозных верованиях, относящихся к культу божеств плодородия, в частности, таких, как греческий Кронос и Римский Сатурн, почитавшиеся царями потустороннего царства блаженных и царями “золотого” века, некогда якобы существовавшего на Земле и завещанного людям в будущем» [20, с. 76].

Счастливая страна богато представлена и в фольклоре средневековой Европы. Английский исследователь **А. Мортон** в своей книге «Английская утопия» пишет, что «у народной Утопии множество имён, она фигурирует под разными образами. Это и английская страна Кокейн, и французская Кокань. Это и Помона и Горная Бразилия, Гора Венера и Страна Юности» [32]. Очевидно, что первую **кухню** или страну изобилия **Кокейн** (как, впрочем, и первого **кока**) логично искать в материнских руках. Именно её пальцы (палы) породили представление о пламени, на котором готовилась, подогревалась пища в начальные времена. Чтобы увидеть первый очаг, достаточно изобразить очко посредством пальцев. Первозданный **кок** (англ. *cook*), давший

название стране **Кокейн**, до сих пор участвует в приготовлении и распределении пищи. Есть все основания полагать, что *cook is — кукиш*.

Современная наука не смогла убедительно объяснить причину стойкой веры народов в золотой век, в сказочные страны. Она категорически отвергает и возможность существования рукотворного универсума. В работах «Природа языка и мифа» [10], «Мировоззрение золотого века и его истоки» [13] вскрыты корни мифов и преданий о золотом веке, о сказочных странах. *Игнорируя эти страны, невозможно постигнуть истоки медицинской топографии, сыгравшей фундаментальную роль в осмыслении рукотворного универсума — исходного дома человечества, практики его сборки и использования.*

Рукотворный универсум породил представление о младенцах, которые заполнили своими телами всю первозданную Вселенную, созданную божеествами. Породил он и учения о божественных первопредках, из чьей плоти был создан мир. Образ первочеловека-гиганта широко распространён в мифах. Так, например, в раввинской литературе Адам изображается как первочеловек огромных размеров. В момент сотворения его тело заполняло всю Вселенную. Гигантом был и эддический великан Имир, чьей плотью божеества заполнили первозданную пропасть, прообразом которой является родительская пясть. Подобного рода представления позволяют судить о размерах рукотворного космоса, в рамках которого складываются исходные геометрические представления, основы медицинской топографии, основы строительной терминологии.

Наше попадание в пясти (пасти) всеблагих родителей сразу после рождения может трактоваться как принесение младенцев в жертву богам, которое осуществилось изна-

чально и породило традицию, нашедшую отражение даже в Библии. Так, например, в первые времена был принесён в жертву богу Гайомарт, который в древней иранской традиции считается первочеловеком. Такова судьба и ведийского первочеловека Пуруши, который ухитрился заполнить своей плотью всю первозданную Вселенную.

Родительские **пятерни** — божественные **патроны**, сказочные животные не могли переваривать младенцев, поэтому пребывание младенцев в чреве божеств, сказочных животных, сказочных и мифических великанов-людоедов часто заканчивается тем, что их отгрызают обратно. Многочисленные сказки, мифы свидетельствуют, что **скушанные** младенцы появляются на свет **искушёнными** во всяких премудростях. Причины этого кроются в воспитательном процессе.

Издревле был широко распространён обряд инициации, во время которого посвящаемый пролезал через сооружение, выполненное в форме огромного животного. При этом он как бы переваривался в чреве животного и извергался искушённым в тайнах, которые делают человека человеком. Это подтверждает мысль о том, что вовсе не тотемы были изначально продуктами питания, поэтому глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки тотемизма с охотой. Отказываясь от детального изучения чрева сказочных существ, археологи, культурологи, историки архитектуры, отказываются от постижения архитектуры первых помещений, которые подверглись осмыслению, от архитектуры первых компьютеров, от архитектуры первой моделирующей системы, в основе которой лежит декартова система координат и т. д. При этом истоки всей человеческой культуры теряются из виду.

Сложенные родительские пясти (пасти) должны были породить представление о многоэтажном небе (нёбе), не-

бесах обетованных. На этих небесах обитают безгрешные люди, каковыми изначально являемся мы. Познав добро и зло, научившись заботиться о своём здоровье, не причинять вред другим, мы спускаемся с небес, которые были нашими первыми палатами (лат. *palatum* 'нёбо'). Мифы, сказки утверждают, что в этой святой обители много еды, что её обитатели ведут счастливую жизнь, не зная тяжкого труда. Существует сказки, в которых герои попадают на небо, вдоволь наедаются там, встречаются там сказочных животных и т. д.

На небесах многие народы размещают целые страны. В христианских представлениях рай является местом обитания ангелов и других безгрешных почитателей отца небесного. В раю эти чада соединяются с богом, созерцают его. Таким образом, представление о райской жизни, о небесах обетованных возникли не в ходе наблюдения за макрокосмом, а в ходе отражения материнских рук, породивших представление о всеблагих предках, колыбели человечества, а также о воспитательном процессе, который широко представлен в древних учениях.

Идея отбора при решении проблем антропосоциокультурогенеза не является достижением науки. Широко распространены мифы о всемирных потопах, горючих излияниях и прочих карах, жертвами которых становятся субъекты, поведение которых входит в конфликт с заповедями подателей всех благ. Эти мифы традиционно рассматриваются как свидетельства отбора, который обеспечил социализацию наших предков.

Существуют также многочисленные мифы, в которых исконная обитель человечества оказывается в пламени. Наши пальцы (палы), ладони (греч. *πάλαμν*, лат. *palma*) способны продемонстрировать пламя всемирного пожара, а также огненных существ: божеств, божественных вестников — ангелов.

«Любвеобильный» дарвиновский половой подбор, выбранный им в качестве движущей силы антропогенеза, с возмущением отвергается многими людьми, которых совершенно не смущает беспредельная жестокость отбора, который враги духовности, враги разума приписывают всеблагим отцам, произвольно перетолковывая древние учения. Жестокость мифологического воспитательного процесса не следует преувеличивать. Опыт показывает, что любой отец способен вызвать горючие излияния, утопить непослушных чад в морях слёз, побудить их обернуться в соляные столпы (пальцы, смоченные слезами) не прибегая к мерам физического воздействия: запретив, например, портить глаза, играя в компьютерные игры. В сказках для появления огненной реки, моря достаточно взмаха рук — естественных утирок. Приставив естественную ёмкость (ладонь) к **оку**, можно получить **океан** горючих слёз, которые затопят исходный мир, исходный универсум.

Естественные ёмкости могут переполняться не только слезами. У многих народов существует поверье, что грудное молоко обладает целебными свойствами и полезно для кожи ребёнка, поэтому матери периодически умывают младенцев грудным молоком. В сказках юные герои зачастую погружаются в пламенный казан с молоком и трансформируются в красавцев. Следует заметить, что в русском языке *казанок* 'кость запястья' [43, с. 159]. Материнское молоко может наполнять первозданные долины (длани) и породить представления о молочных реках.

В мифологизированном антропосоциокультурогенезе активную роль играют не только всеблагие родители, но и *Святой Дух*. Широко известна попытка анализа природы *Святого Духа*, предпринятая немецким философом *Л. Фейербахом* (1804—1872) в книге «Сущность христианс-

тва» [44]. В трактовке **Фейербаха** Святой дух или Бог — образ, отражающий глубочайшую человеческую сущность — **Любовь**. Всеблаготворитель Отец должен испытывать к своим чадам отнюдь не половую любовь. Верующие люди вполне осознают этот факт. Вопреки фактам, вопреки церковной традиции, **Фейербах** был склонен считать, что не родительская, а половая любовь является той силой, которая способна консолидировать общество. Следует заметить, что родительский инстинкт (**Святой Дух**) очень древен. Он существовал задолго до появления первого примата, первого млекопитающего. **Святой дух** разлит в живой природе и не имеет внешней формы. На этом настаивают многие религиозные доктрины, и опровергать их не имеет смысла.

Именно родительское чувство способно побудить его носителя породить колыбель человечества — рукотворный универсум, сознательную заботу о здоровье, игнорируя которые невозможно постигнуть истоки основных феноменов человеческой культуры, включая медицину.

Выводы

Забота о здоровье младенцев породила прямохождение, которое не освободило руки матерей, а сделало их традиционной средой обитания младенцев — разумным домом человечества. Роль этого дома в воспроизводстве человека трудно переоценить, поскольку человеческие младенцы лишены волосяного покрова и предельно ослаблены. Исходный дом человека и человечества, изначальное бытие человека в этом доме детально освещены в древних мифах, дающих исчерпывающие сведения о первых рукотворных постройках, о факторах, вызвавших их к жизни. Игнорируя практически неограниченный корпус мифов и сказок о чудесных построй-

ках, невозможно реконструировать процесс, в ходе которого сложился язык архитектуры, впервые была сформулирована строительная задача, лежащая в основе осмысленного строительства.

Список литературы

1. Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. — М.: Армада-пресс, 2002. — 320 с.
2. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Около 12 000 слов / сост. К.З. Хамзин, М.И. Махмутов, Г.Ш. Сайфуллин. — Казань: Тат. книж. изд-во, 1965. — 853 с.
3. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1986.
4. Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология: Учебное пособие. — М.: Изд-во УРАО, 1998. — 576 с.
5. Боас Ф. Ум первобытного человека. — М.- Л.: Гос. изд-во, 1926. — 153 с.
6. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. — М.: Мысль, 1983. — 206 с.
7. Былины / Сост. В.И. Калугин. — М.: Современник, 1986. — 559 с.
8. Воронцов В.А. Название цен в разносистемных языках // Двужычие: типология и функционирование. — Казань, 1990. — С. 94-96.
9. Воронцов В.А. К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // Природа психического: тезисы докладов. — Пермь, 1994. — С. 47-48.
10. Воронцов В.А. Природа языка и мифа. — Казань: ИНТЕЛПРЕСС, 2008б. — 473 с.
11. Воронцов В.А. О природе вещей и педагогической археологии. — Казань, Intelpress+, 2009. — 235 с.

12. *Воронцов В.А.* Антропоморфизм мифологического мировоззрения и его природа // Вестник казанского технического университета. Философия и история науки и техники. — 2010а. — № 3. — С. 218-222.
13. *Воронцов В.А.* Мировоззрение «золотого века» и его истоки // Философия и общество. — 2010. — №3. — С. 130-148.
14. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки волшебной сказки. — Казань: Intelpress+, 2011. — 268 с.
15. *Воронцов В.А.* К вопросу о движущих силах антропо-социо-культурогенеза // Вестник экономики, права и социологии. — 2012. — № 1. — С. 136-140.
16. *Воронцов В.А.* Археология мифа и слова // Вестник казанского государственного университета культуры и искусства. — 2012. — С. 91-95.
17. *Воронцов В.А.* Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. — Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. — 415 с.
18. *Воронцов В.А.* Антропо-социо-культурогенез и техника тела // Человек. — 2012. — № 5. — С. 136-141.
19. *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6-ти т. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 3. — 368 с.
20. *Ельницкий Л.А.* Древнейшие океанские плавания. — М.: Географиз, 1962. — 86 с.
21. *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.И. Иохельсоном. — С.- Петербург: Тип. Имп. АН, 1900. — Ч. 1. — 187 с.
22. *Кон И.О.* В поисках себя: Личность и её самосознание. — М.: Политидат, 1984. — 335 с.
23. *Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. — М.: Наука, 1987. — 270 с.

24. Лавик-Гудолл, Дж. ван. В тени человека. — М.: Мир, 1974. — 264 с.
25. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с франц. — М.: Наука, 1983. — 535 с.
26. Линдبلاد Я. Человек — ты, я и первозданный / пер. со швед. — М.: Прогресс, 1991. — 259 с.
27. Лоренц К. Так называемое зло. — М.: Культурная революция, 2008. — 616 с.
28. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. — М.: Высш. шк., 1989. — 200 с.
29. Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. — М.: Наука, 1979. — 228 с.
30. Мид М. Отцовство у человека — социальное изобретение // Семья: Книга для чтения: В 2 кн. — М.: Политиздат, 1991. — Кн. 1. — С. 205-221.
31. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энцикл., 1991-1992. — Т 1-2.
32. Мортон А.Л. Английские утопии / пер. с англ. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. — 252 с.
33. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. — М.: Изд-во Ленингр. унив-та, 1946. — 384 с.
34. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974. — 766 с.
35. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. — М.: Наука, 1966. — 576 с.
36. Сорокина Т.С. История медицины: учебник для студ. высш. мед. учеб. заведений. — М.: Академия, 2006. — 560 с.
37. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. — М.: Изд. полит. лит-ры, 1972. — 303 с.
38. Сточик А.М. Избранные лекции по курсу истории медицины и культурологии: курс лекций. — М.: МГП «Эрус»,

1991. — Вып. 1: Становление человека и человеческого общества. Возникновение медицины. — 29 с

39. Татарское народное творчество: В 14 т. — Казань: Раннур, 2001. — Т.2. — 400 с. (Волшебные сказки).

40. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 862 с.

41. Токарев С.А. Ранние формы религии. — М.: Политиздат, 1990. — 622 с.

42. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Максимова В.И. Педагогическая антропология. — М.: АCADEMA, 2001. — С. 76-196.

43. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1964-1973. — Т.1 — 4.

44. Фейербах Л. Сущность христианства. — М.: Директ-медиа. — 2002. — 751 с.

45. Фрейд З. Мы и смерть. — СПб.: Вост.-Европ. инст. Психоанализа, 1994. — 25 с.

46. Фридман Э.П. Занимательная приматология. — М.: Знание, 1985. — 190 с.

47. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. 2-е изд. — М.: Политиздат, 1983. — 703 с.

48. Хайтун Д.Е. Тотемизм. Его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958. — 151 с.

49. Харрисон Дж., Уайнер Дж., Теннер Дж. и др. Биология человека / пер. с англ. — М.: Мир, 1979. — 611 с.

50. Хрисанфова Е.Н., Мажута П.М. Очерки эволюции человека. — Киев: Наукова думка, 1985. — 135 с.

51. Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Блендова Н.С. Происхождение знакового поведения. — М.: Научный мир, 2004. — 280 с.

52. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936. — 573 с.
53. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии // пер. с англ. — М.: REFL-book, К.: Bakler, 1996. — 288 с.
54. Якушин И.Я. Гипотезы о происхождении языка. — М.: Наука, 1984. — 135 с.
55. De Wall F. Chimpanzee Politics. Power and Sex among Apes. — London: Jonathan Cape, 1982. — 223 p.
56. Grimm J. Reinhart Fuchs. — Berlin: Bei Reimer, 1834. — 452 s.
57. Lovejoy C.O. Reexamining human origins in light of *Ardipithecus ramidus* // Science. — 2009. — Vol. 326. — No. 5949. — P. 74, 74e1-74e8.
58. Savage-Rumbaugh E.S. Hominid evolution: looking to modern apes for clues // Hominid Culture in Primate Perspective. — Niwot: University Press of Colorado, 1994. — P. 7-49.
59. Schirokauer A. Die Stellung Asops in der Literatur des Mittelalters // «Festschrift für Wolfgang Stammers». — Berlin: Schmidt, 1953. — P. 179-191.
60. Tobias P.V. Evidence for the early beginnings // Cambridge Archeological Journal. — 1998. — Vol. 8. — № 1. — P. 72-78.

Г л а в а 2

ИСХОДНЫЙ ЯЗЫК АРХИТЕКТУРЫ И ЕГО ИСТОКИ

2.1. Анализ учений об истоках языка

Огромную роль в становлении не только архитектуры, но и всей человеческой культуры сыграл язык, без которого не может быть культурного социума, сознательных форм трудовой деятельности. Истоками языка занимаются философы, антропологи, психологи, лингвисты, этнологи, этологи, педагоги, однако до сих пор у исследователей отсутствует единый взгляд на эти истоки. Широко известны следующие гипотезы о происхождении языка гоминид:

- 1) гипотеза божественного происхождения языка;*
- 2) гипотеза ручных жестов;*
- 3) гипотеза людей-изобретателей языка;*
- 4) гипотеза случайного изобретения языка;*
- 5) гипотеза жизненных шумов;*
- 6) гипотеза звукоподражания;*
- 7) гипотеза аффекта [20, с. 180-181].*

Обоснованность подобной классификации не может выдержать серьёзную критику. Так, например, её создатели не приняли во внимание тот факт, что гипотеза о примате

языка жестов может не конкурировать с целым рядом указанных гипотез, а конкретизировать, консолидировать их. Она делает более убедительными и гипотезу аффекта, и гипотезу случайного, непреднамеренного изобретения языка, поскольку рефлексорные жесты обладают большой выразительностью, содержательностью, архаичностью и непреднамеренностью. Не противоречит она и гипотезе божественного происхождения языка, поскольку именно жесты рук породили представление о божествах, творцах, подателях всех благ. Опровергать божественное, сверхъестественное происхождение языка, а также высказывать альтернативные взгляды можно, только имея твердые представления о природе богов, сверхъестественного, чудесного. Сверхприбыль — прибыль, сверхразум — разум, сверхъестественное — естественно. Трактовка сверхъестественного как неестественного позволяет весьма вольно оперировать такими понятиями как «чудо», «божество», предельно мистифицируя их, подрывая доверие к традиционным учениям о природе изначального жестового божественного Слова, неразрывно связанного с творением, воспроизводством культуры, человека, социума.

Согласно представлениям многих народов, проживающих в различных частях ойкумены, язык создан божественным началом и неразрывно связан с творчеством, космогенезом. В ведийской мифологии «установление имен» равнозначно акту творения. Поэтому в «Ригведе» божественный творец Вселенной Вишвакарман — одновременно и Всеобщий ремесленник, и Господин речи [37, с. 237–238]. В Евангелии от Иоанна исконная связь языка с богом, творением выражена в своей предельной форме: *«В начале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог»* [23]. Попытки подправить евангелиста и поставить в начале дело не име-

ют серьёзных оснований. Божественное Слово изначально было действенным, а вещание — вещественным. Наши кумиры, демоны, монстры изначально демонстрировали дюймы, меры, миры, мироздания в гробовой тишине. Их постройки могут выражать чувства, настроения предельно выразительно. Интересно отметить, что в средненемецком языке Daumen — «большой палец». Большой палец руки (Властелин колец, мер, миров) способен продемонстрировать не только все рукотворные кольца, все первые количественные представления, все первые единицы (соло), но и все первозданные словеса (рис. 18). Все эти соло, словеса могли улавливаться в кулак. Интересно отметить, что в тюркских языках, например в казахском, сөйлеу `говорить`; құлақ `ухо` [26]. Соло и ухо породило представление о *слухе*, который изначально не был связан со звуком. Сэр **Исаак Ньютон** считал: «При отсутствии иных свидетельств, один только большой палец убедил бы меня в существовании Бога» [Цит. по: 38, с.5]. Следует заметить, что в древненемецком buog «сустав» [43, с. 48]. Отказ от изучения исходных божеств, исходных слов, породивших исходный дом, исходный универсум, отнюдь не способствует пониманию природы исходных умственных построений, которые легли в основу архитектурных архетипов, породили представления о тита-

Рис. 18. Властелин колец — большой палец
(реконструкция В.А. Воронцова)

начально не был связан со звуком. Сэр **Исаак Ньютон** считал: «При отсутствии иных свидетельств, один только большой палец убедил бы меня в существовании Бога» [Цит. по: 38, с.5]. Следует заметить, что в древненемецком buog «сустав» [43, с. 48]. Отказ от изучения исходных божеств, исходных слов, породивших исходный дом, исходный универсум, отнюдь не способствует пониманию природы исходных умственных построений, которые легли в основу архитектурных архетипов, породили представления о тита-

нах, титанических постройках, лежащих у истоков протоархитектуры.

Очевидно, что нашим божествам, нашим пенатам (греч. *penta* 'пять'), которые приведены на рис. 19, присущ язык жестов. Пенаты позволяют пенять весьма красноречиво, используя пантомиму. Суставы (бабки) послужили прообразами первых антропоморфных скульптур. На рис. 20 приведена древнейшая известная науке керамическая статуэтка, получившая название Вестоницкая Венера, которая подтверждает эту мысль. Рука как символ божества, защиты присутствует в культуре самых разных народов. Так, например, Хамса — защитный амулет в форме ладони, которым пользуются евреи и арабы (рис. 21). Другое название — «рука бога». Слово *хамса* имеет семитские корни и значит

Рис. 19. Древние божества
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 20. Венера из Дольни-Вестонице (керамика, Чехия)

Рис. 21. Хамса
(бронза, Израиль, XXI в.)

«пять». В христианской традиции рука символизирует Бога Отца.

Понять природу индийских многоголовых божеств, приведённых на рис. 22, можно, если соотнести их с пальцами руки. С нашими пальцами («пальцами») связаны и представления о мифических животных и птицах, которые также традиционно рассматривались в качестве предков, божеств. Об этом свидетельствует изображение, приведённое на рис. 14. Следует заметить, что эти божества способны породить не только счёт, язык жестов, но и звуковой язык.

Щёлкающие звуки, которые до сих пор используются при общении, в ритуальных танцах, считаются весьма архаичными.

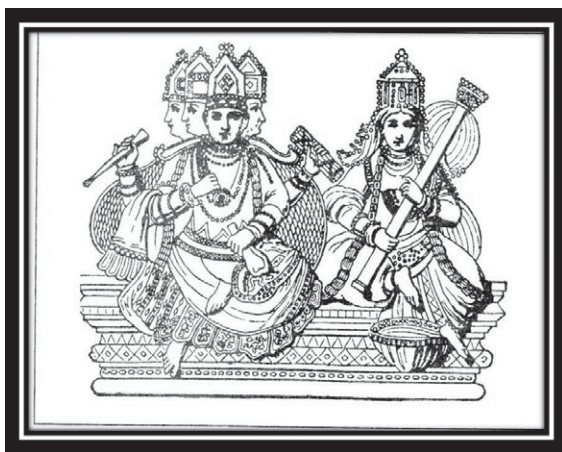

Рис. 22. Брахма и его супруга Сарасвати (взято из [1, с. 57])

Рис. 23. Великая мать – Дурга.
(глиняная заготовка фигуры богини
для праздника Дасара, Индия)

Рис. 24. Так брахманы
изучают Веды
(графика В.А. Воронцова)

На обширных территориях Азии и Африки, где не прервана нить традиций, люди понимают жесты своих многоруких божеств (рис. 23). Многорукость статуй отражает полифункциональность этих органов — естественных защитников, спасителей, подателей всех благ. Канонические жесты — мудра каждый индиец заучивает с ранних лет (рис. 24). Они играют фундаментальную роль при осмыслении древних мифов, древней словесности. Эти жесты играют огромную роль в йоге. Они служат средством общения между адептом учения и божеством. Каждая молитва, каждая медитация сопровождаются строго определёнными жестами, полная система которых насчитывает 108 мудр, а с модификациями — несколько сот. Так, утренняя молитва ведантистов содержит их 24, а они изображают столько же видов

Вишну. Обращение к рукам во время молитвы характерно не только для индуистов.

Рука может пригрозить, указать, наказать, наградить. Таковыми были и языческие божества, породившие исходный язык, исходное Слово. Вач в древнеиндийской мифологии — богиня речи, персонификация вещания. Вместе с тем, «она владычица и собирательница богатств, наделяет ими всех». Вач *«порождает споры между людьми и насыщает тех, кто слышит сказанное ею. В. Многообразна. Она несёт Митру, Варуну, Индру, Агни, Ашвинов, Сому, Тваштара, Пушана и Бхагу; вместе с нею — Рудра, Васу, Адити, все боги. Её называют божественной, царицей богов»* [37, с. 219–220].

Следует заметить, что европейские божества стали молчаливыми далеко не сразу. Так, например, издревле любили общаться с людьми греческие боги, которые зачастую трапезничали за одним столом с простыми смертными. Этот процесс общения засвидетельствован во многих мифах, легендах, а также исторических источниках. Эти трапезы продолжаются до сих пор, сохраняется и язык божеств, который мы широко используем, но который исследователи предпочитают замалчивать.

Способность лингвистики постигать природу исходного языка всегда вызывала сомнение даже в эпоху наибольших успехов компаративистики. В недавно вышедшем учебнике, принадлежащем перу одного из самых авторитетных специалистов в области компаративистики **С.А. Старостину** (1953—2005) и его ученице **С.А. Бурлак**, говорится: *«Вопрос о происхождении человеческого языка, строго говоря, не относится к компетенции компаративистики, но обращают его обычно именно к ней»* [5, с. 173]. Всё больше исследователей (философов, антропологов, этнографов, психологов, лингвистов) начинает осознавать, что подлинная теория

глоттогенеза (истоков языка) занимается изучением исходной (незвуковой) семиотической системы гоминид, которая лежит в основе и объясняет происхождение вторичных знаковых систем: звукового языка, звуковой сказки, мифа, обряда и т. д. Есть все основания полагать, что компетентно судить об исходном языке, о природе сказочной и мифологической образности можно, только располагая соответствующими познаниями в области образных языков, роль которых в жизни общества трудно переоценить. Так, например, геометрия, черчение играют фундаментальную роль в сфере материального производства. Основы начертательной геометрии, черчения традиционно изучались в гимназиях, в советской школе и способствовали развитию пространственного воображения. Жизненно важен и язык жестов, который используется в диагностике, а также для установления контакта с младенцами и развития у них сочувствия, сострадания, сознания.

Авторы книги «Происхождение знакового поведения», игнорируя жизненную значимость исходного образного языка, пишут: «Время, когда у человека или его эволюционных предшественников зарождалось и складывалось знаковое поведение безвозвратно ушло в прошлое» [53, с. 8]. Между тем, ещё римский поэт и философ *Лукреций Кар* (ок. 99 — 55 до н. э.) протестовал против отчуждения глоттогенеза. В своей поэме «О природе вещей» он писал:

*Невелико тут различие с тем,
что и ныне мы видим.
Именно: немощность речи детей
заставляет прибегнуть
К телодвижениям и на предметы
указывать пальцем* [33, с. 146].

Французский философ **Э.Б. де Кондильяк** (1714—1780) в своей книге «Опыт происхождения человеческих знаний» придерживался мнения, что изначально предки всех людей (включая евреев) пользовались жестовым языком, поскольку «орган речи был настолько негибким, что с лёгкостью воспроизводил только несколько очень простых звуков» [27, с. 185]. По его мнению, стремясь понять «томимого потребностями» ребенка, его родители учили *«его сообщать свои мысли жестами и выражаться таким способом, при котором чувственные образы были гораздо более доступны ему, чем членораздельные звуки»* [Там же. С. 185–186]. При решении сложнейшей проблемы антропосоциокультурогенеза **Кондильяк**, как и **Лукреций Кар**, ориентируется на медицинскую семиотику, а не на умозрение.

Примат жестового языка до **Кондильяка** попытался обосновать итальянский философ, социолог, юрист **Д. Вико** (1668—1774). В своей книге «Основания новой науки об общей природе наций» он утверждает, что каждый народ проходит в своем развитии три эпохи: божественную, героическую и человеческую, причем язык в своем развитии также проходит три стадии. По мнению **Вико**, первым был *«божественный умственный язык посредством немых религиозных движений, т. е. божественных церемоний; от него сохранились в Гражданском праве у Римлян acta legitima, сопровождавший все их граждански-полезные дела. Этот язык подобает Религиям на основании того вечного свойства, что для них важнее то, чтобы их почитали, чем то, чтобы рассуждали о них. Он был необходим в те первые времена, когда языческие люди не умели ещё артикулировать»* [9, с. 386]. Взгляды **Вико** на истоки языка были шагом вперёд, поскольку порывали с традицией выдавать звуковой язык за исконный язык человечества. Вместе с тем суждения **Вико**

грешат плоским эволюционизмом. Так, например, он игнорирует тот факт, что процесс развития общения предполагает накопление знаковых систем, а не их смену. Он также не учитывает, что звуковой язык может господствовать только в непроеизводственных сферах, в ненаучной литературе: без геометрии, графики сложно представить подлинную науку, осмысленное производство. Без предварительных геометрических построений, намерений труд становится животным, рефлекторным (ненамеренным).

В 1644 выходит в свет книга *Дж. Балвера*, в которой находят отражение жесты, связанные с самыми разными сферами человеческой деятельности: риторика, медицина, психология, педагогика, искусство, физиогномика, хирология и хиромантия [57]. По *Балверу*, именно язык жестов является естественным, в отличие от придуманного звукового языка, и уже потому достоин самого серьёзного изучения. Вслед за *Балвером* многие стали считать язык жестов универсальным, избежавшим «Вавилонского смешения языков». Этот язык прост в использовании, нагляден и удобен в общении, поэтому его все знают и понимают, а звуковые языки породили разноязычие, отчуждённость, войны. Это разноязычие, согласно библейскому учению, трактовалось как наказание Божие. Не следует думать, что подобный взгляд на звуковые языки канул в Лету. Вот, например, что пишет по этому поводу основоположник информатиологии, Президент Международной Академии информации, официальный представитель Академии в ООН *И.И. Юзвишин* в своей книге «Информатиология или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной»: *«Известно, что более 95% информации воспринимается человеком зрительно. Через органы зрения информация воспринимается в сотни раз быстрее, чем через слуховые каналы»*

[54, с. 175–176]. То, что молчание — золото, свидетельствует весь опыт человечества. Устное слово может помешать не только на рыбалке, охоте. Не случайно в конструкторских бюро царит мёртвая тишина, поскольку любой звук мешает мыслить, творить.

В. Вундт (1832—1920) был не только крупным философом, но и авторитетом в области физиологии и психологии. Он является первым специалистом-психологом, который предпринял исследование глубинных процессов, связанных с функционированием языка. В книге «Физиология языка» Вундт утверждает, что происхождение языка может быть объяснено только в рамках психологии, поскольку *«язык есть всякое выражение чувств, представлений или понятий посредством движений»* [15, с. 33]. По мнению **Вундта**, в становлении вторичных знаковых систем огромную роль сыграл безусловный язык, который не требует предварительной договорённости подобно вторичным языкам. Только соотнесение первичного безусловного наглядного общепонятного образного языка с вторичным звуковым, безобразным, условным языком смогло придать последнему смысл. **Вундт** трактовал артикуляцию как внутренние жесты, которые копируют внешнюю жестикуляцию.

Идея **Вундта** о внешних и внутренних формах жестикуляции предельно глубока. Она получила своё дальнейшее развитие и конкретизацию в исследованиях **Р. Пэджемта**. В журнале «Тетради по мировой истории» в 1956 г. он опубликовал статью, в которой утверждается, что звуковой язык возник из пантомимических движений рук, которым бессознательно подражает рот, а движения последнего коррелируют с горловыми звуками [62, р. 399–426]. Таким образом, наша пясть («пасть»), наша щепоть способны продемонстрировать первичные слова, изначальный беззвучный

шёпот. Изначальное Слово наглядно, действенно. Оно могло не только указать, приказать, но и наказать. Пребольно щёлкающее Слово породило представление о Слове-разбойнике, которое со временем трансформировалось в Соловья-разбойника.

Наша щепоть может не только беззвучно шептать. Она способна воспроизвести первые звуковые слова, которые отнюдь не канули в Лету, и полностью решить проблему истоков звукового языка. Пальцы рук могут издавать щёлкающие звуки, которые мы используем при просчёте, сопровождая указательные жесты, для привлечения внимания, выражения досады, задания ритма. Мы щёлкаем пальцами, когда затрудняемся подобрать звуковое слово или пытаемся срочно вспомнить нечто актуальное. Эти щелчки мы часто сопровождаем щёлкающими звуками языка. Так мы поступаем, например, когда маним животное. Щёлкающие звуки пальцев широко используются в ритуальных танцах, что свидетельствует об их глубокой древности.

Надо сказать, что древность щёлкающих звуков признают даже лингвисты, которые занимаются исключительно звуковыми языками и принципиально игнорируют язык, на котором говорит наша природа. Так, например, известный лингвист **С. А. Старостин** в статье «У человечества был один праязык» *полагает, что этот протоязык был замечателен тем, что имел «класс согласных, которых больше нет нигде в мире. Это — кликсы, щелкающие согласные»* [45, с. 43]. По мнению **Старостина**, Центральная Африка — место где «возникает язык, а потом происходит и первое его деление, и дальше некликсовая ветвь расходится по всему миру» [Там же. С. 43]. Следует заметить, что о возникновении языка можно говорить, если он вторичен. Исходный язык дала нам природа.

Изначальные жестовые щелчки и их поддержка внутренними жестами развивали те зоны мозга, которые обеспечили становление артикуляционного процесса. Таким образом, именно гипотеза о примате языка жестов позволяет пролить свет на истоки звуковой речи. Исходный щёлкающий звуковой язык не способен конкурировать в выразительности и содержательности с образным языком жестов. Нет оснований также считать, что он способен пролить свет на причины, вызвавшие к жизни медицину, глоттогенез, психогенез, социогенез, мифогенез, протоархитектуру.

Л. Леви-Брюль, ориентируясь на опыт американского археолога и этнолога *Ф. Кашинга* (Кэшинга) (1857—1900), установившего связь между языком жестов и звуковым языком у индейцев «зуньи», пишет, что «для того, чтобы воспроизвести мышление первобытных, нужно вновь найти те движения рук, в которых язык и мысль были ещё нераздельными. Отсюда и берётся смелое, но знаменитое выражение «ручные понятия». Первобытный человек, который не говорил без помощи рук, не мыслил также без них...

Говорить руками — это в известной мере буквально думать руками. Существенные признаки “ручных понятий” необходимо должны, следовательно, быть налицо и в звуковом выражении мысли» [31, с. 127–128].

Надо сказать, что сам *Леви-Брюль* не воспользовался методом *Кэшинга*. Он не попытался отыскать следы ручных понятий при звуковом выражении мысли, поскольку полагал, что опыт *Кэшинга* уникален. Между тем для проецирования звукового языка на язык жестов вовсе не требуется знание жестового языка, характерного для того или иного сообщества. Такого рода жестовые языки зачастую моложе звуковых языков. С методологической точки зрения более правильно звуковой язык соотносить с естественной системой жестов,

которая хорошо знакома всем людям на земле и универсальна. Именно эта система должна пролить свет на исходную сеть категорий, на исходные представления, на природу сказочных, мифологических, археологических универсалий, а также убедить в неразрывном изначальном единстве языка и мысли. Так, например, когда мы **мнём** беспокоящий участок тела, мы предельно красноречиво выражаем своё **мнение**. *Именно с подобного рода мнением связаны истоки таких понятий, как мнительность, ментальность и т. д. Игнорируя подобные ментальные и знаковые структуры, которые позволяют останавливать, заговаривать кровь, невозможно увидеть первые мысленные и материальные укрытия, понять, что первый рукотворный кров символизировал кровь, что именно пальцы руки, прикрывающие наше тело, являются первым платьем, первыми палатами (ит. palazzo).*

В. Вундт и его последователи зафиксировали фундаментальную роль языка жестов при общении с животными. В 1969 г. в международном журнале «Science» появилась статья американских зоопсихологов **Беатрис** и **Аллена Гарднер** под названием «Обучение шимпанзе языку знаков», в которой говорилось о том, что обезьяны способны использовать язык жестов в качестве средства общения [59]. До появления этой статьи подавляющая часть исследователей была глубоко убеждена в том, что обезьяну в принципе невозможно научить языку, поскольку она лишена возможности звукового подражания. При этом исследователи руководствовались догматическими представлениями о языке, против которых столь решительно и аргументированно выступил в свое время **В. Вундт**. Большой объём информации, полученной в ходе наблюдения за общением человекообразных обезьян в природе, а также в ходе экспериментов по обучению

их языкам-посредникам, приведён в работах **С.В. Васильева**, **М.А. Дерягиной** [8], **М.Л. Бутовской** [67], **З.А. Зориной**, **А.А. Смирновой** [22].

Аргументы в пользу гипотезы о примате языка жестов, представленные супругами **Гарднер**, привели к падению доверия к гипотезам, которые вступают с ней в конфликт. Воспроизводить сознательно даже присущие им от природы звуки обезьяны не склонны, ни при каких обстоятельствах. Глубоко правы исследователи, которые считают, что изначально в культуру были введены произвольные рефлекторные жесты, воспринимать и осмысливать которые животные могут мастерски без всякого научения. Один из основоположников науки о поведении животных (этологи) **К. Лоренц** (1903—1989) в своей книге «Кольцо Соломона» пишет: *«Многие животные могут воспринимать тончайшие жесты, ускользающие от внимания человека. У собаки же вся сила сосредоточенности направлена на служение хозяину, она буквально “ловит на лету каждое его слово”, и в этом случае способность к пониманию настроений находит своё наивысшее выражение. Лошади также достигают больших успехов на этом поприще»* [32, с. 91–92].

Естественные формы жестового языка связаны с первой сигнальной системой и являются сигналами сигналов — естественной формой второй сигнальной системы. **Я.В. Чеснов** в своей работе «Шаг Майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики» с полным основанием пишет: *«В отношении кинесики подчёркивание её интериоризированного внутреннего аспекта может показаться неожиданным. Между тем основная функция кинесики лежит в сфере автокоммуникации. Действительно, все проявления эмоционально-личностного отношения к жизни охвачены кинесикой»* [50, с. 129].

Чеснов отмечает также большую степень произвольности автокоммуникации, её порой досадное выскальзывание из-под контроля сознания. И без контроля, и под контролем сознания язык жестов продолжает играть огромную роль в медицинской семиологии. Язык жестов проливает свет на истоки пантомимы. Он позволяет проследить изначальную связь рукотворных конструкций с нашими ощущениями, что крайне актуально при осмыслении истоков архитектуры как искусства.

Различные сценарии возникновения и эволюции языка жестов до звукового языка были предложены в работах целого ряда лингвистов, приматологов, антропологов: *R.W. Brown* [56], *И.Я. Якушин* [55], *С.В. Васильев*, *М.А. Дерягина* [8], *A. Kendon* [63], *R.G. Milo*, *D. Quiatt* [65], *M.C. Corballis* [58], *M. Tomasello* [66] и др. Общим для всех этих работ является то, что их авторы глубоко уверены, что исходный жестовый язык уже давно потерял свою актуальность, вышел из употребления, забыт, нуждается в реконструкции и т. д. Превосходные замечания *Г. Мальри* уже давно показали надуманность подобных представлений. Он пишет: *«Желания и эмоции детей в самом раннем возрасте выражаются очень небольшим числом звуков, но множеством разнообразных жестов и выражений лица. Жесты ребёнка разумны задолго до того, как становится разумной его речь... Он выучивает слова по мере того, как ему их сообщают, и выучивает их при помощи жестов, которым его не обучают. Ещё долго спустя после того, как он освоится с речью, он следит за выражением лица и жестами родителей и няньки, стараясь найти в них объяснение их словам. Эти факты имеют большое значение по отношению к биологическому закону, что порядок развития индивида одинаков с порядком развития вида...»* [Цит. по: 39, с. 198].

Любая мать на опыте быстро убеждается, что без языка жестов, без показа невозможно наладить с младенцем контакт, приобщить его к профилактике травматизма, к гигиене, пробудить в нём сочувствие, сострадание. В этой связи глубоко ошибочны попытки связывать истоки человеческого сознания со звуковыми языками. К подобного рода заблуждениям следует отнести гипотезу лингвистической относительности **Сепира-Уорфа**, согласно которой именно звуковой язык навязывает человеку нормы познания, мышления и социального поведения. Авторы этой гипотезы американские лингвисты **Э. Сепир** (1884—1939) и **Б.Л. Уорф** (1897—1941) считают, что мы можем познать, понять и совершить только то, что заложено в нашем звуковом языке, который отнюдь не универсален. Между тем, ещё один из основоположников этнографии — **Ф. Боас** в своём фундаментальном и не потерявшем актуальность труде — *«Ум первобытного человека»* писал, *«что не только эмоции, ум и воля человека повсюду сходны, но между различнейшими народами оказывается гораздо более значительное сходство, относящееся к деталям мышления и действий. Это сходство, очевидно, касается таких деталей и оказывается настолько значительным, что Бастиану пришлось говорить об ужасающей монотонности основных идей человечества во всём мире»* [4, с. 86]. Нет ничего удивительного в том, что гипотеза **Сепира-Уорфа**, игнорирующая универсальный общечеловеческий язык — математику, с поразительным единодушием отвергнута исследователями.

Исследователи детской речи обратились к дословесной системе коммуникации с целью найти семантические, грамматические, прагматические предпосылки речи в дословесных актах общения ребёнка. Именно эта система в настоящее время рассматривается актуальными исследова-

телями глоттогенеза в качестве протоязыка. Так, например, известный российский психолог **Е.И. Исенина** в своей книге «Дословесный период развития речи у детей» пишет: «Протоязык — это смысло-семантическая дословесная система средств коммуникации...» [25, с. 150]. Становление знакового общения представляется как формирование у ребёнка ряда коммуникативных навыков, выражаемых изначально с помощью действий, жестов и лишь впоследствии с помощью звуковых слов. Жестовый язык является важнейшим подспорьем при изучении других знаковых систем. Об этом свидетельствуют, например, народные игры с пальцами. В процессе подобных игр, а отнюдь не в ходе обработки камня, ребёнок приобщался к счёту, усваивал социальные термины, звуковой язык и т. д.

Следует отметить, что гипотеза о примате кинетической речи отнюдь не решает проблему глоттогенеза. Она в этом случае сводится к установлению причины, которая побудила наших предков ввести естественные жесты в культуру, к выявлению инициаторов этого культурологического процесса, а также к реконструкции методов и средств культивирования языка жестов. Решить данную проблему комплексно можно только в рамках общей теории антропосоциокультурогенеза.

2.2. Геометрия — исходный язык архитектуры и его истоки

Широко известно высказывание **Г. Галилея** (1564—1642): «Природа говорит языком математики: буквы этого языка — круги, треугольники и иные математические фигуры». Если **Галилей** прав и язык математики является естественным, нет оснований говорить о его изобретении. Можно го-

ворить только о времени и методах введения его в культуру, а также о целях, которые при этом преследовались. Мысль о том, что человеческая природа говорит на языке геометрии, которая вводится в культуру в качестве исходной знаковой системы и играет фундаментальную в антропосоциокультурогенезе не получила развития в науке. Между тем роль геометрии в жизни социумов трудно переоценить. Факты свидетельствуют, что геометрия стала впервые осознанно использоваться отнюдь не предками человека. Так, например, расшифровка танцев пчёл показала, что в них закодирована геометрическая информация (рис. 25). Благодаря этой информации естественный социум оказывается способным консолидировать усилия своих членов в нужной точке с математической точностью. Нет оснований считать, что в жизни культурного социума (человеческого общества) геометрия менее актуальна, а также полагать, что телесность приматов менее приспособлена для передачи геометрической информации, чем телесность пчёл. В книге «Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе» [14] нами впервые показано, что наша конституция позволяет производить измерения и строить геометрические модели разного уровня сложности чисто механически. Так, например, при переносе охапки дров или таза с водой наши руки независимо от нашего сознания измеряют, воспроизводят и манифестируют размеры этих объектов. Сильная боль побуждает нас рефлекторно **сетовать**: наносить координатную или мерную **сетку** из пальцев рук (рис. 26) на больное место, чтобы умерить боль. Рефлекторно умеряя боль, мы чисто рефлекторно определяем эпицентр боли, её границы, размеры. Естественное мерило, естественная марля из пальцев, которые наносятся на рану, крайне актуальны при констатации истоков не только протогеометрии, но и прототерапии, протодиагнос-

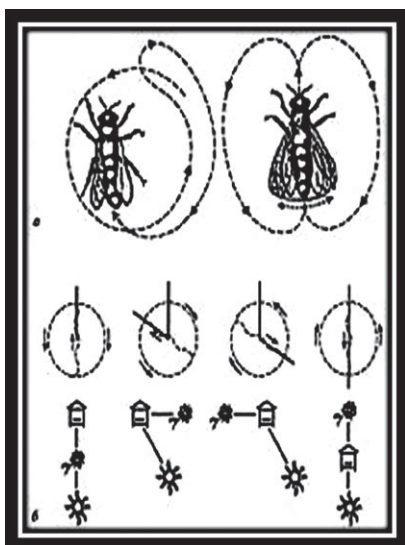

Рис. 25. Семантика пчелиного танца

Рис. 26. Сетующая мать
(графика В.А. Воронцова)

тики. Прототерапия, протодиагностика бесконечно архаичнее «каменной индустрии», поскольку имеют рефлекторные формы. Следует заметить, что латинский глагол *medico* (лечу, исцеляю) в своей основе имеет праиндоевропейский корень **med* (измерять). Всё это свидетельствует о неразрывной связи между становлением сознательной заботы о здоровье и становлением математики. **Симбиоз сознательной заботы о здоровье и сознательного использования математики сделал возможным формулировку строительной задачи.**

Естественная координатная или мерная сетка позволяет умерять боль, размечать свой стан и моделировать психические состояния (первую сигнальную систему) даже маленьким детям. Она играет большую роль в профилактике травматизма. Матери традиционно предупреждают своих детей о грозящей опасности, демонстрируя жестами болевой шок,

который может вызвать неосторожный поступок, прикосновение к опасному объекту. Прижатые к больному месту руки (греч. χεῖρ «рука») проливают свет на происхождение таких слов, как хиреть, захиреть. Руки способны обозначить и конкретный орган (нем. Herz `сердце`), причём без использования звукового языка. Пальцы, ладошки позволяют обозначить плечи, лодыжки молча. Проецируя ту или иную область человеческого тела на естественную координатную сеть из пальцев можно не только сетовать — жаловаться, но и манифестировать весь спектр человеческих чувств: благоговение, ненависть, сердечную страсть, обиду, чувство вины, стыд, холод, раскаяние, желание и т. д. При этом не требуется выходить за рамки предельно абстрактной и предельно наглядной геометрической символики. Абстрактные, но предельно наглядные геометрические модели играют фундаментальную роль на исходной ступени социализации и инкультурации младенца. Матери испытывают огромное облегчение, когда младенцы начинают обозначать беспокоящие их органы, а также чувства, желания посредством жестов, а также понимать состояния матери, вызванные тем или иным поступком, теми или иными обстоятельствами. Это моделирование играет фундаментальную роль при культивировании сочувствия, сострадания, сознания, человечности (рис. 26), поэтому нет оснований утверждать, что первоначальное применение координат связано с астрономией и географией, а не с описанием наших внутренних состояний и нашей фигуры. Есть все основания полагать, что истоки нумерации связаны с естественной мерной сетью.

Манифестация **настроений** посредством рукотворных **построений** развивает навыки, *позволяющие манифестировать укрытия самого разного рода, а также демонстрируют знаковый характер такого рода построек.*

Именно знаковый и предельно абстрактный характер рукотворных геометрических построений, символизирующих настроения, позволяет видеть в них архитектурные архетипы.

Геометрические модели являются не только мощным эстетическим и социализирующим фактором. В народе говорят: «Семь раз отмерь...», поэтому есть все основания считать измерение самой распространённой технологической операцией, лежащей в основе культуры производства. Предварительные геометрические построения позволяют различать культурные и инстинктивные формы труда.

Без умения оценивать и соотносить объёмы понятий невозможно логическое мышление, поэтому геометрия имеет фундаментальное значение не только для культуры чувств, культуры производства, но и для культуры мыслительного процесса.

Мерить, намереваться, думать, показывать (сказывать) человек учится задолго до приобщения к звуковому языку, к производству орудий. Детей учат сознательно сетовать, различать большое и малое, оценивать и показывать размеры, объёмы («вот такой ширины, вот такой ужины...»). Всё это происходит задолго до приобщения к счёту, числу, производству орудий. Маленьких детей приучают связывать социальные функции с ростом (размером). В 6–7 лет в традиционных обществах дети сами становятся воспитателями, поскольку их потенции позволяют заботиться о младших членах общества. Всё это актуализует попытки связывать истоки математики, истоки сознания с заботой о человеке, а не с заботой о камне, бронзе, железе, а *также побуждает рассматривать истоки геометрического моделирования, истоки языка архитектуры в контексте тотальной НАУКИ — медицины.*

Естественные геометрические структуры, предельно выразительно отражающие наши внутренние состояния, составляют естественную основу второй сигнальной системы. Вопреки очевидным фактам язык геометрии считается искусственным, а звуковой язык, который не воспроизводится рефлекторно и осваивается не всеми людьми (вспомним Герасима из «Муму»), — естественным. Попытки связать становление математики со звуковым языком, числительными, счётом вошли в традицию. Так, например, в книге **В.Л. Чечулина** «Истоки математики, культуры, искусства (структура, периоды, новообразования)» [51, с. 12] читаем: *«Первое понятие, появившееся в истории математики, — понятие конкретного числа...»*. Факты побуждают сторонников подобного рода взглядов констатировать, что счёт у первобытных народов не в ходу. Так, например, **Л. Золотарёв** в своей книге «Как люди научились считать» пишет: *«Ещё недавно были дикари, которые умели считать только до трёх; дальнейший счёт, т. е. более трёх, настолько затруднял их, что они прямо говорили: “много”»* [21, с. 5]. Более того, есть народы, в языке которых нет числительных, что вовсе не отнимает у них умения мерить, действовать намеренно (сознательно). Отвлекаясь от истоков измерения, мы абстрагируемся и от истоков сознания.

Не имеют серьёзных оснований также попытки исследователей связать истоки геометрии с земледелием. Исследователи склонны игнорировать тот факт, что мать реально является материальным, а также духовным миром, который осваивается, структурируется, измеряется, размечается, описывается, оценивается, осмысливается людьми изначально и порождает математику. Именно телесность матери лежит в основе образа Матери Земли (лат. Теллус), в основе мифологического сознания. Мамашины руки являются пер-

выми машинами, биокомпьютерами, материнскими платами, палатами, в которых мы изначально обитаем, которые мы изначально изучаем. Рукотворный разумный космос, исходные миры, меры, камеры, размеры, примеры, номера, ку-миры, химеры, манифестируемые матерями в ходе обучения своих чад, неразрывно связаны с конституцией матери. Они играют фундаментальную роль в становлении геометрии, медицинской семиотики, медицинской топографии, а также нашего интеллекта, который является искусственным. Роль материнских рук — первых убежищ, первых заслонов в становлении языка архитектуры также невозможно переоценить.

Рука матери, прикрывающая рану или имитирующая смертельную травму, способна убедить младенца задолго до освоения им звукового языка, что пролитие родной крови порождает проблемы не только у матери. По вполне очевидным причинам такое пролитие приводит к тому, что ребёнок становится изгоем, поскольку его исконная обитель оказывается заполненной кровью. Пясть («пасть») матери, напивавшись крови, перестаёт кормить его, поскольку теряет свою силу. Подобного рода убеждения породили массу мифов, в которых и кровь, и земля наделены знаковыми функциями и ведут себя как живые. В библейском рассказе Бог говорит Каину: *«Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата своего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не будет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»*. Всё это побуждает связывать истоки исходных представлений о земле, с ручными моделирующими системами, с медицинской семиотикой, с языком жестов, которые культивируются матерями на самых ран-

них этапах социализации, инкультурации младенцев, задолго до приобщения к звуковому языку.

Без осмысления человеческой телесности, без медицинской семиотики, медицинской топографии невозможна сознательная забота о здоровье. Факты свидетельствуют, что различные образы первобытный человек склонен воспроизводить не на окружающей территории, а на своём теле (рис. 27), поэтому нет оснований считать, что истоки подобной практики связаны с обработкой земли, а не с медициной, лежащей у истоков сочувствия, сострадания, сознания, социальности, духовности, человечности.

Традиционные взгляды на истоки математики, на истоки всей человеческой культуры детально отражены в архаичных мифологических системах. Эти истоки восходят к первым

Рис. 27. Когтящие звери. Татуировки мумий знатных скифов (из Пазырыкских могильников, Алтай)

временам человеческого бытия и связаны с нашим пребыванием в разумном рукотворном мире. Это вполне объяснимо. Пребывая на родительских руках, мы знакомимся с предельно динамичным и содержательным рукотворным, разумным миром, с предельно сложной и совершенной орудийной системой, а также с фундаментальными основами предельно актуальной и предельно выразительной знаковой системы — математики. Игнорируя человеческую конституцию, исконную орудийную систему, врачебную практику, можно составить самое превратное представление о мифологическом космогенезе, Космическом Разуме, истоках геометрии, природе её инструментария: Геракле (циркуле), мировом древе (линейке), бесплотных пламенных ангелах (углах), порождённых пальцами (палами) руки, которые являются естественными транспортирами, естественными циркулями. Эти транспортиры, эти пламенные ангелы транспортируют, возносят чад (нас) к небесам, пока мы не отбились от рук и безгрешны. Без трёх ангелов немыслима триангуляцию.

В работе автора «К вопросу объяснения и исследования палеопсихологии человека» обоснована необходимость связать истоки **целесообразной** деятельности с **целительством**, с сознательной заботой о человеке. В статье показывается, что «гуманнейшая из профессий имеет дело с бесконечно сложным объектом, познание которого требует сочувствия, сознания, развитой системы понятий, языка, способного отразить тончайшие переживания. Далеко не случайно, что высшая мудрость (мудрость змеи) традиционно приписывается медицине, а не обработке камня» [11, с. 47–48]. В работе «Природа языка и мифа» [12] предложено рассматривать в качестве исходного универсального общечеловеческого языка систему жестов, вызванных болезненными процессами, протекающими в организме, которая была введена в

культуру в медицинских и педагогических целях и сыграла фундаментальную роль в антропосоциокультурогенезе. Есть все основания полагать, что сознательное воспроизводство естественных реакций организма позволило нашим предками впервые говорить (прасл. *rekti* — ‘говорить’) сознательно и понимать изрекаемое без предварительной договорённости.

Естественные геометрические структуры (рис. 1, 26) позволяют констатировать не только эмоции. Естественная система координат является и членораздельной, и членоразделительной. Она может функционировать без звукового языка, поскольку пальцы пациента сдавливают болезненные участки с повышенной силой и по-разному реагируют на их надавливание. Её использование может также сопровождаться звуковыми сигналами, поскольку первые слова были и первыми клавишами, позволявшими извлекать звуки из пациента при надавливании на них.

Надо сказать, что пальцы (палы-штыри) являются не только естественной знаковой системой, но и естественным пластырем — лечебным средством. Диагностические и терапевтические функции вещественного вещания не могут быть переоценены. О тесной связи вещания, лексики с лекарской практикой писал корифей российской филологической науки **Ф.И. Буслаев** (1818—1897), который широко практиковал этимологические изыскания при решении проблем фольклористики. В работе «Эпическая поэзия» он писал: *«От глагола ба-ять происходит балий, уже в фрейзингенской рукописи употребляющееся в значении врача, а потом это слово получило смысл колдуна; так в “Азбуковнике” объясняется: “балия ворожея, чаровник; бальство ворожба”. И наоборот, корень вед, откуда произошло слово ведьма, у сербов получает название лечения: видати — лечит, видар —*

лекарь, точно так же, как от глагола вещать, то есть говорить, у сербов виешитац — колдун и виештица — колдунья, а у нас в Вологодской губернии, вещетитинье уже лекарство. Точно также и врач у сербов и болгар получил смысл колдуна, предсказателя, как у нас в старину врачевать значило колдовать, и, наконец, лекарь (от корня лек — значит лекарство), уже у Ульфилы встречающееся в том же значении (leikeis, lekeis) и распространившееся по всем, как немецким, так и славянским наречиям, имеет при себе и значение колдуна...» [6, с. 23–24].

Изначальная связь лексики с лекарской практикой прослеживается в самых разных языках. В татарском языке слово им `лекарство`, `целительное средство`, `заговор`, `заклинание` [46, с. 167].

В санскрите связь гаданий, речи с болезнью отражена предельно ярко:

I gada 1) речь, разговор 2) изречение.

II gada — болезнь, недуг [29, с. 188].

Исконная связь сказаний с показом, жестом до сих пор может быть обнаружена в самых разных языках. Так, например, в тюркских языках:

А:ЙА – `ладонь`,

АЙ – `говорить`,

АЙТ – `говорить` [42, с. 761–762].

В китайском языке bào — `извещать`, `обнимать`, `охватывать руками` [28, с. 16–17].

Связь наших горстей с горестями, с разметкой, измерением, смертельной болью может быть продемонстрирована чисто формально на примере разных звуковых языков, которые продолжают сохранять свою исконную связь с жестами. Так, например, в венгерском языке:

mar-mar – `вот-вот`;

marek, marok – `горсть`;
martir – `мученик` [49, с. 502–503].

В татарском языке:

карыш — `пядь`, `вершок`;
карышу — `сводить судорогой`;
карышлау — `мерить` [46, с. 238].

В тюркских языках:

өл – `умирать`;
өлч – `измерение` [42, 1974,].

В китайском языке:

shi – `померить`;
shiti – `мертвец` [28, с.120].

В индоевропейских языках связь смерти с мерой, долей настолько очевидна, что об этом факте говорят уже не только лингвисты. Так, например, в «Словаре русских суеверий» **М. Власовой** говорится: *«Семантику наделенности долей может иметь и слово “смерть”, восходящее к индоевропейскому ряду ter- / tor- / tr-, который ставится в связь с такими “культурными словами”, несущими значение “части”, как греческое «мойры» и восточнославянское Мара»* [10, с. 482].

Есть множество оснований считать, что исходный телесный человеческий язык, как и телесный язык пчёл, рассчитан на передачу геометрической информации. Язык геометрии является системой, которая позволяет описывать всё и вся универсальным образом, а также концентрировать внимание социума на жизненно важных проблемах. Нет ничего удивительного в том, что геометрическая символика крайне архаична и неразрывно связана не только с мыслительными, но и с духовными процессами. Не может вызывать сомнений, что именно язык жестов, язык телесности позволяет наиболее адекватно передавать исходные математические

представления, лежащие у истоков мыслительного процесса, сознания, позволивших сформулировать строительную задачу. Исследования этнологов, психологов, педагогов свидетельствуют, что и в филогенезе и в онтогенезе человек учится мерить, считать, намереваться, думать посредством жестов.

Научившись выражать свои внутренние состояния геометрически, дети становятся великими мастерами отражать посредством геометрических зависимостей всё и вся, включая социум. Так, например, большая книжка или стакан у них — папа, поменьше — мама, ещё меньше — сыночек или дочка. Очевидно, что это всё плоды не простого манипулирования механическими предметами или звуками, а продукт приобщения к геометрическому моделированию. Действовать сознательно — значит действовать намеренно, поэтому естественные меры, исходные рефлексорные формы измерения, зондирования рукотворной маски, а не зондирование мозга, позволяют постигать истоки сознания. Знакомство с рукотворными построениями уже в раннем возрасте делает заядлыми архитекторами и строителями, которые возводят постройки из песка, кубиков, веток, стульев и т. д. Подрастая, они ухитряются сооружать свои «штабы» даже на деревьях.

Изначальная связь между звуковым языком (метаязыком), отразившим исходный жестов (протоязык), позволяет проследивать глубинные семантические связи звукового языка. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим следующий пример, демонстрирующий изначальную связь звукового языка с рефлексорными жестами. При падении мы чисто рефлексорно вытягиваем перед собой руки, поэтому вполне естественно следующие соответствия в звуковом языке, отразившем этот жест:

руки — рухнуть;
пяди — падение;
пять — пасть;
пальцы (палы) — пал, упал и т. д.

Проецируя звуковой язык на исходный образный язык жестов, мы возвращаем языку исходную образность, выразительность. Ручная речь, вещественное вещание позволяют реконструировать древние учения, познакомиться с первозданными чудесами, спасителями, божествами, демонами, демиургами, познать особенности мифологического мышления, игнорируя которые невозможно пролить свет на истоки математики, медицинской семиотики и множества других знаковых систем.

Важную роль в выявлении исходной системы корней звукового языка и проецировании этой системы на исходную систему жестов играет широко используемый лингвистами метод изосемантических рядов *С. Майзеля*, который позволяет осуществить радикальную редукцию корней в звуковом языке, а также понять их изначальный смысл. Сущность этого метода можно прояснить на примере двух рядов слов: *смерить* и *смерть*; *померить* и *помереть*. Близость звуковых оболочек в этих рядах кажется совершенно случайной, пока не обратимся к разносистемным языкам, в которых звуковые оболочки иные, но близость или тождество звуковых оболочек в указанных рядах сохраняются. Это свидетельствует в пользу общности корней столь различных по своему значению слов.

Жесты страдальцев, проливающие свет на истоки медицинской семиотики, топографии, орнамента, живописи, театра, архитектуры предельно выразительны. Они способны вызвать переворот в сознании даже у субъектов, практикующих убийство ради убийства. Об этом свидетельству-

ют откровения английского капитана *Джонсона*, который поведал о подстреленной им обезьяне. Эта обезьяна *«вдруг остановилась, спокойно приложила руку к ране, покрытой кровью, и протянула её потом, чтобы показать мне. Я почувствовал такую жалость, что этот случай оставил во мне неизгладимое впечатление, и я с тех пор никогда больше не стрелял животных этой породы»* [Цит. по 39, с. 142]. Манифестацию **ран** с использованием методов начертательной геометрии, черчения следует отнести к самым **ранним** повествованиям.

Начертательная геометрия — раздел геометрии, в котором объекты изучаются по их плоским изображениям — чертежам. Чертежом называют изображение предмета, построенное с помощью чертёжных инструментов или машины. В нашем случае в качестве машины выступают кисти рук. На них при захвате ран получают образмеренные изображения, которые можно рассматривать в качестве первых чертежей. Чертёж в настоящее время трактуется как язык техники. Начертательная геометрия служит грамматикой этого языка, так как она учит нас правильно читать чужие и излагать наши собственные мысли, используя в качестве слов геометрические образы. Эффективность начертательной геометрии предопределена тем, что лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Без естественных чертежей невозможно постигнуть природу чертей рогатых и чертовщины, которые так богато представлены в сказках и мифах.

Начертательная геометрия занимается двумя основными вопросами:

1. Изучением методов построения изображений пространственных форм на плоскости.
2. Изучением пространственных форм по их плоским изображениям.

Для получения изображений используют метод центрального и плоско- параллельного проецирования точек предмета на картинную плоскость. При плоскопараллельном проецировании проецирующие лучи параллельны между собой. Именно плоскопараллельное проецирование реализуется при попытках зажать рану.

Рана, расположенная под рукой, является исходной типографией (друкарней), которой человечество обязано сокровенной печатью, таблицами судеб, книгами мёртвых и т. д. Кровавые оттиски, орнаменты могут быть получены чисто рефлекторно, что свидетельствует об их глубокой древности. Вот как описывает этот жуткий процесс Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей»:

*Те же, которые с телом изгрызенном бегством спасались,
Голосом, ужас вселяющим, Оркуса мрак призывали
И прижимали ладони дрожащие к ранам, покуда
Жадные черви не освобождали несчастных от жизни*
[33, с. 145].

Надо сказать, что Орка призывать в таких случаях совершенно излишне. Дело в том, что он под руками страдальцев. Убедиться в этом можно не прибегая к услугам оракулов.

При великом изобилии гипотез, истоки языка до сих пор не принято связывать с начертательной геометрией, печатным процессом. Игнорирование естественных форм печати, прессы исключает всякую возможность разобраться в исходных человеческих впечатлениях, в истоках экспрессии, а также увидеть естественные истоки геометрии, оценить её роль в становлении знаковых систем, в становлении медицинской семиотики. Изучение естественных форм печатного процесса создает реальные предпосылки для детального изучения истоков знакового общения, исходных

форм словесности. Изучение этих форм позволяет увидеть самые древние знаки, книги, матрицы, стихи, кисти, красители, орнаменты, татуировки и т. д., осмысление которых потребовала не обработка камня, бронзы, железа, а сознательная забота о здоровье.

Существуют образцы печатной продукции, свидетельствующие о глубокой древности печатных знаковых систем. К таким образцам относятся, например, отпечатки рук на стенах пещер (рис. 28).

Очевидно, что самые древние отпечатки подобного рода были получены с помощью естественного красителя — крови, породившей представления о сокровенной печати.

Сокровенная печать играет большую роль в диагностике. Мифы, фольклор многих народов говорят о существовании в глубокой древности удивительных книг, которыми пользовались врачеватели, волшебники, чародеи, звездочеты и т. д. Чудесные, гадальные, волшебные книги позволяли предсказывать судьбу, распознавать самые сокровенные тайны, менять облик, лечить людей простым наложением этих книг на раны, а также творить другие чудеса. Так, например, в русской сказке «Елена Премудрая» героиня скрывается в волшебной книге, с помощью которой героиня пытается его отыскать [3, № 167]. Есть веские основания считать чудесные книги естественными масками, ликами, личинами,

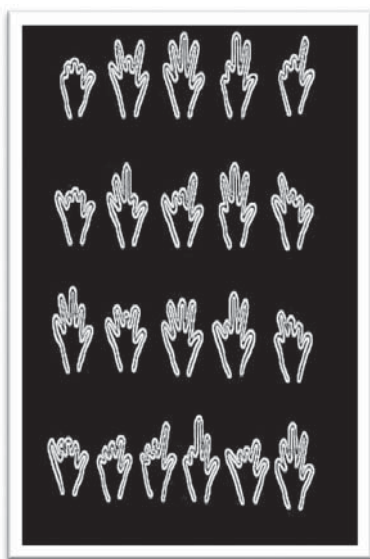

Рис. 28. Прорисовка отпечатков рук в пещере Гаргас (по А. Леруа-Гурану)

с которыми связаны исходные формы лекарств, лечения, диагностики, а также исходные величины, позволившие оценивать размеры наших органов. Такими масками являются наши ладони, которые до сих пор используются во врачебной практике для манифестации больных органов, травм и породили семиотику, сметку, хиромантию, грамотность и т. д.

Волшебные (лечебные) книги позволяют останавливать кровь, умерять боль т. д. Вот как описывает обращение к подобной книге **Н.В. Гоголь** в повести «Страшная месть»:

«Святой схимник перекрестился, достал книгу, развернул — и в ужасе отступил назад и выронил книгу.

— Нет, неслыханный грешник! Нет тебе помилования! Беги отсюда! Не могу молиться о тебе!

— Нет? — закричал, как безумный, грешник.

— Гляди: святые буквы в книге налились кровью. Ещё никогда в мире не было такого грешника!» [18, с. 184].

Исконная связь человеческих ран с прессой, экспрессией, таврением, творением, артистизмом, творчеством, отражающим нашу природу, может быть прослежена на примере самых разных языков. Так, например, в современном татарском языке:

яра – `рана`, `ранение`, `ранево́й`;

ярлы – `раненый`, `имеющий рану`;

ярлык – `письменный указ`, `грамота хана`, `этикетка`, `ярлык`;

ярату – `создавать`, `создать`, `творить` и т. д. [46, с. 712-719].

Не отрицает основополагающую роль отпечатков, проекций в познании природы и современная наука. Так, например, выдающийся английский философ и математик **Б. Рассел** (1872—1970) в своей книге «Человеческое позна-

ние: его сфера и границы» пишет: *«Порядок познания является обратным по отношению к причинному порядку. В порядке познания первичным является кратковременный, субъективный опыт астронома, рассматривающего чёрные и белые пятнышки на пластине, а последним — туманность, обширная, отдаленная и принадлежащая далёкому прошлому»* [40, с. 27].

Кровавые оттиски, знаки чисто рефлекторно зализываются вместе с ранами. В работе «Проглоченное знание и этнический облик» **Я.В. Чеснова** говорится, что мифы об изначальной письменности, которая была съедена или смыта, широко бытуют у множества бесписьменных народов, а также у народов, которые недавно приобщились к ней. Так, например, семанги Малакки, низкорослые, негроидного рода охотники и собиратели первобытных лесов, которых традиционно приводят на страницах учебников, повествующих о начальных этапах человеческой культуры, твёрдо убеждены в том, что их предки знали письменность [50, с. 173].

Миф об утраченной письменности бытует в разных культурах. Он встречается у земледельцев, у классических охотников и собирателей. Чеснов сообщает, что в Юго-Восточной Азии существует сплошной ареал бытования этого мифа. Так, например, дафла, горцы восточной зоны Гималаев, рассказывают: *«Мы получили нашу долю кожи, на которой была записана мудрость мира, но в голодное время мы её съели, а люди равнин свою часть сохранили»* [Там же. С. 170]. Он также пишет, что мяо из Юго-Западного Китая сохранили предание о том, что они некогда жили по соседству с китайцами. Последние были сильнее, чем мяо и заставили их уйти на запад. В то время у мяо была иероглифическая письменность. На пути мяо оказалось обширное пространство воды, и они остановились перед преградой. Лодок у них

не было. Мяо заметили, что водяные жуки ходят по воде и захотели последовать их примеру. Конечно, мяо оказались в воде, они чуть не утонули, наглотавшись воды. Вместе с водой они проглотили свои иероглифы [Там же. С. 172].

В.В. Иванов и **В.Н. Топоров** в статье «Кетская модель мира» сообщают, что обнаружили в языке кетов комплекс «читать» — «писать» — «бумага» при полном отсутствии следов современной письменности, за исключением пиктографии [24, с. 102].

Согласно народным преданиям, издревле у удмуртов была книга, в которой тамгами было написано, как молитвы творить, как порядок править. Исходная грамота была съедена. С тех пор удмурты знали одну тамгу, которой помечали свою собственность [52, с. 125].

Несмотря на многочисленные сказания о скушанной грамоте, нет ни малейших оснований считать, что она может быть утрачена или забыта. Дело в том, что она воспроизводится чисто рефлекторно и не может потерять своей жизненной значимости. Исследователи, говорящие о дописменном этапе в истории медицины, допускают серьёзное прегрешение против истины.

Обнаружить чудесную книгу предельно легко. Дело в том, что сложенные определенным образом ладони до сих пор означают у самых разных народов почитание, причинение (рис. 29). Чудесные книги не хранятся на пыльных полках библиотек, они всегда с нами, они всегда актуальны. Уже малые дети регулярно пользуются этими книгами, чтобы хныкать, а заботливые мамы используют естественные (чудесные) книги для приобщения своих чад к диагностике, счёту, логике и т. д. Все великие математики, логики, архитекторы учились считать, мерить, намереваться, думать без помощи чудесных книг.

Сетки, верши из пальцев, прижатые к телу, крайне выразительны. Именно эти геометрические структуры издревле ассоциировались с позой, поэзией, **стихами, виршами**. Таким образом, складывание од изначально осуществлялось путём сложения органов. Следует заметить, что в славянских языках *уд, оудъ* `часть (тела), член` [47]. Естественные **шкалы** позволяли **скальдам** слагать стихи (исходные геометрические структуры, модели) молча.

Естественный стих (координатная сеть) может нападать на нас чисто стихийно и характеризовать наше внутреннее состояние предельно выразительно, что крайне актуально для диагностики. Именно рефлекторный стих породил представление о стихии, о повелителях этих стихий — божествах, которые и были первыми архитекторами. К подлинной поэзии (позе) мы часто прибегаем, когда не хватает звуковых (безобразных) слов или они кажутся неубедительными. Эта поэзия порождена геометрическими структурами и порождает геометрические структуры. Мифологические системы самых разных народов приписывают истоки письменности и поэзии божествам. Способность божеств порождать сетки-стихи, сетки-стихии не может вызывать сомнения. Естественные шкалы, сети-соты породили представление о мёде поэзии, который хранился в «сталкивающихся скалах» [37, с. 127].

Рис. 29. Чудесная книга
(графика В.А. Воронцова)

Руки, писти (па`сти) формируют **сети**, предназначенные не для рыболовства. При ручном мышлении они являются мысленными категориями, которые должны вызывать глубокую заинтересованность у историков медицины, математики, архитектуры. Эти мысленные категории позволяют схватывать и постигать самые разнообразные явления и процессы. Они играют фундаментальную роль в геометрических построениях. К ним восходит описание исходного универсума, исходного Слова, исходной словесности. С пистями (пастями) связаны не только исходные представления о небе (нёбе), но и сказания о Небесной книге, о начальном пребывании этой книги на небесах. У поголовно неграмотных цыган в *«сказках (и песнях тоже) встречается довольно своеобразный зачин: герою с неба падает книга, в которой он находит предзнаменование»* [44, с.14].

В чудесной книге отразилась вся архитектура рукотворной Вселенной, все сокровенные тайны её построения, её творцов. Такого рода книги отражены в мифах и сказках самых разных народов. В иудейском мистическом трактате «Книга творения» говорится о том, что мир состоит из чисел и букв. «Старшая Эдда» древних германцев сохранила представление о том, что руны (сильнейшие знаки), были созданы богами и вырезаны Одином, чтобы узнать тайны мира.

Образ небесной книги был распространен на древнем Ближнем Востоке. Центральная небесная книга для ближневосточной традиции — Таблицы судеб. Таблицы судеб определяли движение мира и мировых событий, поскольку служили в качестве календаря. В аккадской космогонической поэме «Энума элиш» ими первоначально владела Тиамат, затем Кингу и, наконец, Мардук. В греко-римской культуре также упоминаются божественные письма, хранящие за-

писи судеб, а также встречаются указания о том, что грехи людей записаны и открыты богом [64].

В русском фольклоре нашла отражение Голубиная или Глубинная книга, которая выпала из тучи. Голубиная книга является высшим Знанием об исходных и потому священных первоначалах космоса и человеческого общества, являющегося его уменьшенным отражением. Эта книга издревле раскрывала перед своими слушателями тайное знание о происхождении мира (природного и социального), о его сущности, о появлении в нем добра и зла, другими словами, содержала в себе все мудрости вселенские. Все варианты стихов о «Голубиной книге» с большими или меньшими вариациями дают впечатляющую картину возникновения Вселенной из антропоморфного тела Первобожества, замечаемого впоследствии христианским богом.

Рефлекторный захват больного органа посредством естественных мер породил представление о мертвой хватке. Так, например, в татарском языке сохранилось выражение *улеклар тот* – «мертвые хватают». По всей видимости, этот процесс породил и исходные представления о Книге мертвых. В оккультной литературе до сих пор упоминается загадочная книга Тота. **Р.И. Рубинштейн** в статье «Тот» пишет, что в египетских мифах всеведающий бог Тот именуется «создателем языков»; в некоторых текстах говорится, что «он управляет всеми языками»; иногда Тота называют языком бога Птаха — бога-демиурга, который создал весь мир, «задумав творение в сердце своем и назвав задуманное языком» [41, с. 345].

В погребальных ритуалах Тоту отводится главная роль: он ведёт каждого на тот свет. Тот научил людей мудрости, счёту, письму. При счёте на пальцах в качестве указателя традиционно используется большой палец руки. Он игра-

Рис. 30. Гермес (Бронза,
ок. 340 до н. э.
Национальный музей,
Афины)

ет активную роль и при мертвой хватке, и при удержании пера. Это дает веские основания для отождествления лунного бога Тота с лункой на большом пальце правой руки. Следует отметить, что бога Птаха египтяне изображали в виде человека в одеянии, которое скрывает всё, кроме кистей рук.

В Греции с Тотом сближали вестника богов Гермеса, который также считался проводником в мир иной и родоначальником тайного, (т. е. герметического) знания. Если внимательно присмотреться к древним скульптурам и рисункам Гермеса (Меркурия), то можно заметить, что их главными

фигурантами являются пальцы рук (рис. 30). На рис. 31 приведена скульптурная композиция, демонстрирующая, как Гермес и грации (хариты) советуют пациенту, склонившемуся перед Асклепием, объединить левую и правую руки для манифестации больного места. Есть все основания считать, что податели благ — хариты самым непосредственным образом связаны с первозданными харями — естественными картами. Дело в том, что в целом ряде языков (например, в арабском) *хэрита* — карта [2].

Пять наших пальцев, прикрывающие рану, породили не только первые пятна, но и широчайший спектр понятий, связанных с патовой ситуацией, патогенезом, патетикой, апатией, симпатией, пытками, опытом, патентованием и т. д. Видно, что осмысление, упорядочивание жизненно важного

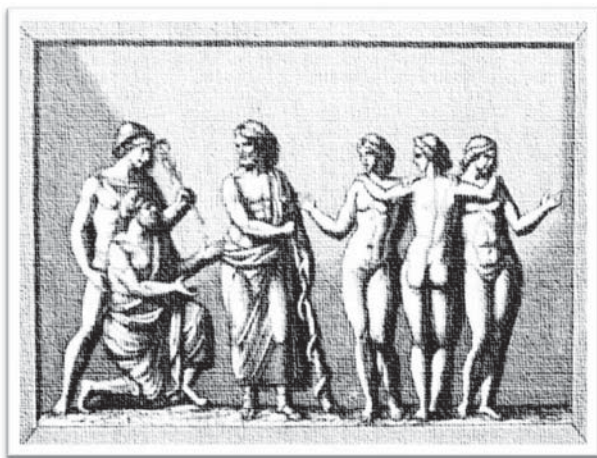

Рис. 31. Эскулап, Гермес, пациент и грации (мраморный барельеф.
Взято из [16, с. 200])

опыта изначально происходило системно, в формах, которым присуща универсальность и неразрывная связь с первым укрытием, с первой проекцией. Конкретизировать эти формы пытались *Д. Юм, И. Кант, Э. Кассирер*, однако чистое умозрение не позволяет реконструировать первые меры, первые мироздания, первые универсумы, первые мыслительные системы, первые постройки, которые подверглись осмыслению. Не догадки философов, а наши рефлексy способны пролить свет на истоки рефлексии, отражения наших внутренних состояний в упорядоченной и очевидной системе предельно абстрактных, предельно очевидных геометрических категорий. Рефлексy, лежащие в основе медицинской семиотики, позволяют воочию увидеть, как наши руки формируют первые геометрические структуры, которые позволили нашим предкам не только прочувствовать, но и осмыслить свою и чужую боль. Разобравшись в себе, постигнув самый сложный объект во Вселенной, наши обезьяно-

подобные предки сделали столь фундаментальное открытие, что всё новое всегда будет феноменальной пошлостью или давно забытым старым. Мысль о том, что всю информацию мы черпаем в мысленном, интеллигентном мире горячо отстаивал ещё Платон. Эта мысль для историков, занятых истоками архитектуры, отнюдь не лишняя.

Обращение к структурам, констатирующим человеческую конституцию, крайне важно при осмыслении истоков человеческого сознания, самосознания, всей человеческой истории. Классики марксизма были глубоко правы, когда писали в «Немецкой идеологии»: *«Первая предпосылка всяческой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение к остальной природе»* [35, с. 14]. Сокровенная печать, начертательная геометрия, идеальные построения, метод координат обеспечивают такую констатацию. Они лежат в основе медицинской семиотики, медицинской топографии и позволяют постигать фундаментальные проблемы людей независимо от их пола, расы или нации, а также формулировать задачи по решению этих проблем, которые привели к становлению медицины, архитектуры, костюма и т. д.

Универсальный общечеловеческий язык не только упоминается в мифах, но и породил мифические и сказочные универсалии, истоки которых традиционно пытаются осмыслить без опоры на общечеловеческий язык, без попыток его реконструкции. В своей книге «Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов» видный немецкий психолог, философ и социолог **Э. Фромм** (1900—1980) напоминает о языке символов, с помощью которого внутренние переживания, чувства и мысли приобретают форму явствен-

ных осязаемых событий внешнего мира. Это единственный универсальный язык, изобретённый человечеством, единый для всех культур во всей истории. Это язык со своей собственной грамматикой и синтаксисом, который нужно понимать, если хочешь понять смысл мифов, сказок и снов [48, с. 183]. Именно этому языку чаще всего стремятся приписать отсутствие системы, членораздельности исследователи, которые ограничили свою компетентность областью звуковых языков, языков, которые не способны порождать формы осязаемых событий внешнего мира.

Есть все основания утверждать, что исходные человеческие впечатления, нашедшие отражение в исходном языке, неразрывно связаны и с истоками изобразительного искусства. Отпечатки рук породили татуировку, обычай наносить на тело образы мифических тотемных существ, образы мифической Вселенной и т. д. Со временем, когда люди стали прикрывать своё тело одеждой, возник обычай наносить подобные образы на одежду. Древний обычай воспроизводить образы тотемов, мифологического космоса на одежде сохранился у шаманов.

Пальцы, зажавшие рану, способны воспроизвести самый ранний орнамент. Есть множество оснований полагать, что в основе орнаментального искусства лежит печатный процесс и исходные орнаменты воспроизводятся чисто рефлекторно при захвате раны естественными геометрическими структурами. Археологи располагают богатой коллекцией печаток, посредством которых наносились узоры на тело. Татуировка, которая столь распространена в первобытных сообществах, подчас потрясает своей сложностью, художественным совершенством.

Печатались наши предки и на стенах пещер. В высшей степени наивно рассматривать охру в качестве исходного

красителя. Она издревле использовалась для замены древнейшего человеческого красителя — крови. С помощью крови и естественной кисти (руки) можно получать очень яркие и запоминающиеся образы, которым может действительно приписываться древность.

На стенах пещер с палеолитической живописью часто встречаются отпечатки кистей рук. Впервые изображения рук были найдены в начале XX в. в пещерах Франко-Кентабрии (Альтамира, Гаргас, Кастильо и др.). Эти изображения сделаны в основном двумя способами: «негативным» и «позитивным». Первые названы так потому, что имеют вид отчётливого негатива кисти, окружённого «облаком» точек красного или чёрного цвета. Вторые — представляют собой простые отпечатки кисти руки, полученные прикладыванием к поверхности скалы ладони, обмазанной краской. Некоторые из них отличаются тем, что отдельные пальцы их укорочены так, будто крайние фаланги подогнуты (скрючены). Зверская боль способна породить такого рода образность. Именно загибание пальцев привело к изначальной оцифровке исходного универсума и сыграло огромную роль не только в становлении арифметики, метода координат, играющих важнейшую роль в диагностике, медицинской топографии. Есть все основания полагать, что «позитив» воспроизводит поверхность руки, прижатую к ране, а «негатив» — её тыльную сторону.

Убедительные факты, свидетельствующие о знаковом характере отпечатков рук, опубликовал испанский археолог **С.Р. Лопес**. Вместе с **Э. Перелло** и **И. Жиральдо** он провел специальное исследование отпечатков рук в пещере Мальтравьезо (Эстремадура, запад Испании) при помощи съёмки изображений в инфракрасной и ультрафиолетовой зонах спектра. Оказалось, что фаланги некоторых пальцев были

закрашены тем же пигментом, который был использован для нанесения трафарета [60]. Эти исследования ставят под сомнение гипотезы о намеренной ампутации фаланг и направляют мысль исследователей в сторону других объяснений.

Существует точка зрения, согласно которой полученные таким простым способом изображения относятся к древнейшим попыткам что-то запечатлеть. В большой и богато иллюстрированной книге *Г. Люке* «Искусство и религия ископаемого человека» сформулирована так называемая «гипотеза руки». Согласно этой гипотезе, «рука» была изначальным прообразом всего искусства эпохи верхнего палеолита [61]. Эта гипотеза получила широкую поддержку у исследователей. Так, например, *А.С. Гуцин* в своей книге «Происхождение искусства» полагает, что отпечатки рук выявляют «исторический процесс зарождения и начального развития искусства», как «одну из сторон общего процесса развития человеческого сознания» [19, с. 78–79]. Именно образ человеческой руки, по мнению *Гуцина*, был особо важным для человека в осознаваемой им действительности.

Образ белой руки на красном фоне или образ красной ладони с подогнутыми пальцами, по всей видимости, изначально ассоциировался со смертельной или зверской болью. На юге Аргентины в долине реки Пинтурас (Pinturas) есть Пещера рук. Известна она благодаря археологическим находкам, сделанным в ней. Прежде всего, это настенные рисунки и негативные изображения человеческих рук, самые старые из которых датируются девятым тысячелетием до н. э. Запечатлены в основном левые руки, причём руки мальчиков-подростков. Это позволяет предположить, что нанесение изображения своей руки входило в обряд инициации. Мальчик, становясь взрослым, должен был оставить контур

своей руки в этом священном месте. Среди изображений руки попадают и рисунки зверей. По всей видимости, обряд инициации, во время которого мальчиков побуждали посещать мрачную пещеру и наносить образ руки на красном фоне или просто оставались красные отпечатки ладоней, символизировал способность мальчиков-подростков переносить зверскую боль, не бояться зверской боли.

Со временем зверская боль стала ассоциироваться не с человеческой окровавленной пастью (пастью), а с образами

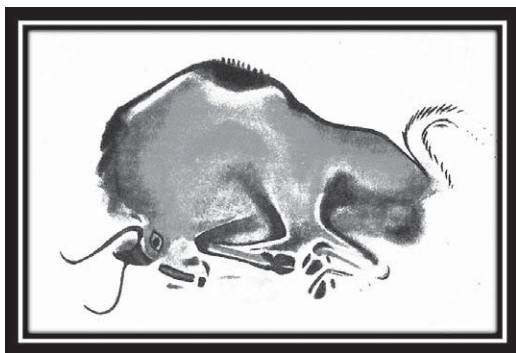

Рис. 32. Раненый бизон (живописное изображение в Альтамирской пещере, Испания)

Рис. 33. Элемент скифо-сакской поясной пряжки (Сибирская коллекция Петра I, Кунсткамера)

обычных страдающих животных. Подобного рода изображения получили широкое распространение и достигли высочайшего совершенства. Они изображались не только на стенах пещер (рис. 32), но и в виде блях (рис. 33), а также татуировок (рис. 27). Эти изображения позволяли манифестировать способность преодолевать зверскую боль, страх перед смертью. Связь бляшек с болячками нашла отражение и в звуковых языках.

Язык жестов позволяет понимать смысл многих древних рисунков. Так, например, наскальный рисунок, приведённый на рис. 34, наглядно напоминает, что именно наши пальцы смогли обозначить плечи, плети, плюсны, полюсы, фаллосы, волосы и т. д. Использование геометрической образности (включая сеть) при описании человеческой телесности отражено на рис. 35.

Древнее семантическое поле понятия «рука» еще больше углубляется и выявляет новые смыслы при обращении к фольклору и мифологии на индоевропейских языках, а также к ритуальной практике. Рука обретает там фаллическую

Рис. 34. Наскальные рисунки человека каменного века (Испания)

**Рис. 35. Наскальный рисунок
(Национальный парк Какаду, Австралия)**

символику, а также соотносится со словами «рот», «дышать, дух», «человек», «слово, звук», «время, протяженность во времени», «судьба», «жизнь» и «смерть». Она может символизировать Мировой разум, божественную силу, небо, число, олицетворяющее Вселенную, а также соотноситься с понятием бога [34, с. 280–281]. Наконец, считалось, что рука зряча, что она может видеть [Там же. С. 282]. Рука врача действительно способна воспринимать и оценивать геометрические структуры, порождённые руками пациентов. Очевидно, что именно рука (тотемное существо) первая обзавелась очами и очками, которые входили в круг медицинских математических терминов. Око издревле обожествлялось, поскольку было подателем всех благ. Изобразив с помощью пальцев zero (нуль), можно обнаружить первый орган зрения, первое око, первые веки, первые вехи. Очи изначально были центрами силы. Они могли очень сильно удерживать. Поскольку органы зрения изначально располагались в пясти (пасти), очами можно было пожирать. Не

стоит удивляться тому, что слова еда и единица созвучны. При счёте на пальцах происходит захват единиц в ту или иную пясть (пасть).

Сеть естественных математических категорий позволяет схватывать, структурировать всё и вся, постигать внутреннее, сущностные силы явлений и процессов, а также интегрировать всё и вся в рамках единой парадигмы. Предложенный взгляд на генезис языка согласуется с культурно-исторической концепцией развития высших психических функций **Л.С. Выготского** [16], которая представляет синтез учения о природе и учения о культуре. Психические, данные природой, натуральные функции в процессе развития могут становиться культурными: механическая память становится логической, ассоциативные представления преобразуются в творческое воображение, мышление. Это развитие обеспечивается в ходе общения между людьми.

Выводы

Установлено, что протоязык сложился в ходе становления медицинской семиотики, медицинской топографии. Геометрическое моделирование позволило осмысливать жизненно важные проблемы человека в предельно наглядных, предельно абстрактных и строгих математических представлениях, которые сложились задолго до появления звукового языка. Жестовые геометрические модели оказались предельно актуальными при осмыслении проблем, связанных с человеческой телесностью, а также при введении в культуру заботы о здоровье, одной из форм которых является архитектура. С этими моделями связаны начальные формы пространственного проектирования. Поскольку язык жестов был неразрывно связан с ручным мышлением, есть

все основания отождествить мысленные (идеальные) построения первых архитекторов с соответствующими жестовыми построениями. Всё это позволяет пролить свет на самые сокровенные тайны, связанные с истоками архитектурного проектирования, путём углублённого изучения рукотворного универсума.

Список литературы

1. Аветисян А. Очерки по истории религии и атеизма. — Киев: Изд. АН Укр. ССР, 1960г. — 194 с.
2. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Около 12 000 слов / сост. К.З. Хамзин, М.И. Махмутов, Г.Ш. Сайфуллин. — Казань: Тат. книж. изд-во, 1965. — 853 с.
3. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1986.
4. Боас Ф. Ум первобытного человека. — М.- Л.: Гос. изд-во, 1926. — 153 с.
5. Бурлак С.А., Старостин С.А. Введение в лингвистическую компаративистику. — М.: Эдиториал УРСС: 2001. — 272 с.
6. Буслаев Ф.И. Эпическая поэзия // Народный эпос и мифология. — М.: Высш. школа, 2003. — 400 с.
7. Бутовская М.Л. Язык тела: Природа и культура (эволюционные и кросскультурные основы невербальной коммуникации человека). — М.: Научный мир, 2004. — 440 с.
8. Васильев С.В., Дерягина М.А. Формы коммуникации обезьян и этапы происхождения речи // Поведение приматов и проблема антропосоциогенеза. — М.: МОИП, 1991. — С.15-16.
9. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. — Л.: Худ. лит-ра, 1940. — 619 с.

10. Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. — СПб.: Азбука, 2000. — 672 с.
11. Воронцов В.А. К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // Природа психического: тезисы докладов. — Пермь, 1994. — С. 47-48.
12. Воронцов В.А. Природа языка и мифа. — Казань: ИНТЕЛПРЕСС, 2008. — 473 с.
13. Воронцов В.А. Новое прочтение «Слова о полку Игореве». — Казань: Центр инновационных технологий, 2014. — 308 с.
14. Воронцов В.А. Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. — М.: Центр инновационных технологий, 2015. — 252 с.
15. Вундт В. Физиология языка / пер. с нем. — СПб.: Изд. Н.М. Лиманского, 1868. — 42 с.
16. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. — 368 с.
17. Гнедич П.П. «История искусств»: В 3 т. — С.-Петербург, изд. А.Ф. Маркса, 1897. — Т. 1. — 579 с.
18. Гоголь Н.В. Страшная месть // Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В VI т. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. — Т. I. — С. 150-190.
19. Гуцин А.С. Происхождение искусства. — Л.; М.: Искусство, 1937. — 112 с.
20. Дерягина М.А. Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты. — М.: УРАО, 1999. — 208 с.
21. Золотарёв Л.А. Как люди научились считать. — М.: Типо-литография И.И. Кушнеров и К°, 1910. — 48 с.
22. Зорина З.А., Смирнова А.А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли животные оперировать символами? — М.: Языки славянских культур, 2006. — 424 с.
23. Евангелие от Иоанна.

24. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Кетская модель мира // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тез. докл. — М., 1972. — С. 100-105.

25. *Исенина Е.И.* Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Изд. Саратовского унив., 1984. — 162 с.

26. *Казахско-русский словарь* / сост. Х. Махмудов, Г. Мусабаев. — Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССРС, 1954. — 574 с.

27. *Кондильяк.* Опыт о происхождении человеческих знаний // Коидильяк. Соч.: В 2 т. — М.: Мысль, 1980. — Т. 1. — С. 67-332.

28. *Котов А.В.* Новый китайско-русский словарь. — М.: Рус. яз. медиа, 2004. — 605 с.

29. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь: Около 30000 слов / ред. В.И. Кольянов. 3-е изд.— М.: Акад. проект: Альма Матер, 2005. — 944 с.

30. *Кошелев А.Д.* О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (Лексико-семантические аспекты) // Дифференционно-интеграционная теория развития. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 496 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

31. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 608 с.

32. *Лоренц К.* Кольцо Соломона. — М.: Знание, 1978. — 208 с.

33. *Лукреций Кар Т.* О природе вещей / пер. с лат. — М.: ОГИЗ, 1933. — 210 с.

34. *Маковский М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. — М.: Владос, 1996. — 415 с.

35. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Собр. соч.: В 9-ти т. М.: Политиздат, 1985. Т. 2. — С. 9-76.

36. Математика, её содержание, методы и значение: В 3х.т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 1. — 296 с.
37. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энцикл., 1991-1992. — Т 1-2.
38. *Онишко Н.Н.* Оперативная коррекция аппаратом Илизарова посттравматических деформаций кистей рук: Дисс. ... канд. медиц. наук. — Курган, 2009. — 130 с.
39. *Романэс Д.* Духовная революция человека. — М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. — 618 с.
40. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2000. — 464 с.
41. *Рубинштейн Р.И.* Тот // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — М.: Сов. энцикл. 1988. — Т. 2. — С. 521-522.
42. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974. — 766 с.
43. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1980. — 406 с.
44. Сказки цыган СССР / запись текстов, пер. Е Друца и А. Гесслера. — М.: Наука, 1991. — 398 с.
45. *Старостин С.* У человечества был один праязык // Знание-сила. — 2003. — № 8. — С. 39-44.
46. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 862 с.
47. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1964-1973. — Т.1-4.
48. *Фромм Э.* Душа человека / пер. с нем. — М.: Республика, 1992. — 430 с. (мыслители XX века).
49. *Хадрович Л., Гальди Л.* Венгерско-русский словарь. Около 40 000 слов. Будапешт: ТЕРРА, 1971. — 804 с.

50. Чеснов Я.В. Шаг Майтрейи: некоторые вопросы изучения кинесики // Этнографическое изучение языка культуры. — Л.,: Наука, 1989. — с. 122-138.

51. Чечулин В.Л. История математики, науки и культуры (структура, периоды, новообразования). — Пермь, 2013. — 166 с.

52. Чёрный хлеб — зёг-нянь / пер. с удм. — Ижевск: Удмуртия, 1990. — 113 с.

53. Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Блендова Н.С. Происхождение знакового поведения. — М.: Научный мир, 2004. — 280 с.

54. Юзвишин И.И. ИНФОРМАЦИОЛОГИЯ или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной». 3-е изд., исп. и доп. — М.: Радио и связь, 1996 . — 215 с.

55. Якушин И.Я. Гипотезы о происхождении языка. — М.: Наука, 1984. — 135 с.

56. Brown R.W. Symbolic and syntactic capacities // The Emergence of Man. — Landon, 1981. — P. 419-420.

57. Bulwer J. Chirologia: Or the natural language of the hand and Chironomia: Or the art of manual rhetoric. (ed. Cleary J.W.) // Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press, 1974 (1st edition – 1644).

58. Corballis M.C. From hand to mouth: The gestural origins of language // Language evolution / Ed. by Christiansen M.H., Kirby S. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. — P. 201-218.

59. Gardner RA., Gardner B.T. Teaching sign language to a chimpanzee // Science. — 1969. — V. 165. — P. 664-672.

60. Lopez S.R., Perello E.R., Giraldo H.C. El santuario extremero E. R. de las manos // Trabajos de preistoria. – Madrid. – 1999. — Vol. 56. — № 2. — P. 59-84.

61. *Luquet G.-H.* L'art et religion des homes fossils. — Paris: Masson, 1926. — 420 p.

62. *Paget R.A.S.* The origins of language with special reference to the Paleolithic age // *Cahiers d'histoire mondiale*. — 1956. — T. 1. — N2. — P. 399-426.

63. *Kendon A.* Some consideration for a theory of language origins // *Man*. — 1991. — Vol. 26. — P. 199-221.

64. *Koep L.* Das himmlische Buch in Antike und Christentum: Eine religionsgeschichtlich Untersuchung zur altchrislichen Bildersprache. *Theophaneia: Beirage zur Religions und Kirchengeschichte des Alterums* 8. — Bonn: Pater Hanstein, 1952. — S. 15-17.

65. *Milo R.G., Quiatt D.* Glottogenesis and anatomically modern *Homo sapiens* // *Current Anthropology*. — 1993. — Vol. 34. — P. 569-598.

66. *Tomasello M.* *Origins of Human Communication*. — Cambridge, MA; London, UK: MIT Press, 2008. — 394 p.

Глава 3

АРХИТЕКТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ В СВЕТЕ ИСХОДНЫХ ФОРМ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ И МИФЕ

3.1. Исходные формы геометрического моделирования

Процесс введения в культуру заботы о здоровье не мог начаться без введения в культуру второй сигнальной системы, моделирующей наши внутренние состояния — первую сигнальную систему. Среди моделей, отражающих наши внутренние состояния, особо актуальны для медицинской семиотики геометрические модели, отличающиеся выразительностью и содержательностью. Рукотворная координатная система, накладываемая на больное место, имела различные названия: сеть, мерило, мурло, харя, лик, личина, чара и т. д. С этими **лика**ми, **личина**ми, манифестирующими **лихо**, **лишения**, связаны истоки **лечения**, **лекарства**. Рукотворное **мурло** позволяет **замуровывать** кровотокающую рану, **умерять** невыносимую боль, заставляющую нас стелзть, лезть на рукотворную стенку, манифестировать чувства посредством рукотворных сооружений, построек и т. д.

Факты свидетельствуют, что процесс введения в культуру геометрических моделей, рукотворных построек и приобщение к сознательной заботе о здоровье начинаются задолго до того, как ребёнок освоит звуковой язык и научится ходить. Этот процесс **АБСОЛЮТНО** не изучен исследователями, хотя он играет фундаментальную роль при осмыслении истоков математики, медицины, архитектуры, костюма, языка, сказки, мифа и других феноменов культуры.

Ведущую роль в процессе приобщения к геометрическому моделированию самых различных явлений, а также к рукотворным постройкам играет мать. Именно мать практически с первых дней приучает ребёнка пользоваться осмысленно естественной координатной системой — универсальным помещением, позволяющим постигать существенные, внутренние проблемы, связанные с функционированием организма. Используя рукотворные геометрические построения, рукотворные помещения она добивается понимания своих состояний младенцем. Добившись такого понимания, а также сочувствия, сострадания, мать получает возможность культивировать не только медицинскую семиотику, топографию, но и человека, культурный социум — общество.

В процессе приобщения младенца к рукотворной координатной системе (лику, личине, постройке) и её проецированию на тело (оборотничеству) можно выделить шесть последовательных этапов, играющих фундаментальную роль в становлении математики, осмысленных форм заботы о здоровье: медицины, архитектуры, костюма. Этот процесс предельно наглядно демонстрирует неразрывную связь языка геометрии, рукотворных построек с культурой чувств, с культурой мышления, без которых не может быть осмысленной заботы о здоровье, архитектуры, костюма. Именно этот процесс, осуществляемый изначально посредством жестов,

следует считать подлинной сказкой (показом), которая лежит в основе звуковой сказки, мифа, обряда, искусства и т. д.

На первом этапе приобщения к диагностике мать просто закрывает своё лицо руками (естественной маской, координатной системой), а потом открывает к великой радости младенца. Аналогичные операции она проделывает и с руками ребёнка: «полетели-полетели, на головку сели».

Второй этап протекает в форме игры в прятки («тю-тю»): мать закрывает лицо руками и побуждает ребёнка отыскивать его под рукотворной маской, рукотворной постройкой.

На третьем этапе мать посредством рукотворной геометрической структуры (маски, чары, личины, постройки) начинает моделировать свои внутренние состояния, настроения: боль, обиду, мёртвый сон, смерть, а также побуждает ребёнка вступать в силовую борьбу с её пястями («пастями»), горстями, символизирующими напасти, горести, смерть, злые чары, обидчиков, похитителей, поглотителей, людоедов, великанов, богов, злых духов и т. д. Геометрические построения, символизирующие настроения, душевные состояния, знакомят младенца с различного рода духами, чудовищами, а также с чудо-вещами, чудесными помощниками, советчиками, божествами, в роли которых выступают материнские руки. Успешное освобождение материнского лица от чудовищ, злых чар, похитителей, поглотителей, победа молодых героев над старыми божествами, разрушение застенков, крепостей сопровождается бурным восторгом матерей и чтением маленьких героев. Этот восторг вызван пониманием того, что в младенце пробудился человек, что ребёнок способен понимать её состояния, а также сочувствовать ей.

На четвёртом этапе мать посредством маски, рукотворной постройки и указательных жестов начинает манифестировать ребёнку связь между её внутренними состояниями и

окружающей действительностью. Это позволяет приобщить ребёнка к технике безопасности, к социальным нормам поведения, а также к умению не только понимать, но и выражать свои внутренние состояния посредством геометрических структур.

На пятом этапе мать, надавливая, толкая пальцы страдающего ребёнка, молча показывает, каким образом, используя естественную координатную или мерную сеть, можно определить эпицентр боли, её границы, а также размеры поражённого участка у страдальцев. Её болезненные толчки учат ребёнка «понимать толк», осмысленно «толковать». Очевидно, что «стать толковым» можно и без усвоения звукового языка, который не столь содержателен и актуален, как рукотворные постройки.

На шестом этапе происходит оцифровка естественных геометрических структур, рукотворных построек посредством пальцевых игр, пальцевого и звукового счёта. В ходе этих игр ребёнок учится описывать и воспроизводить самые разные рукотворные конструкции, самые разные помещения посредством языка жестов, а также посредством звукового (безобразного, бестолкового) языка, который никогда не заменит образный язык геометрии, породивший арифметику, язык медицины, язык архитектуры, язык костюма.

Очевидно, что в процессе приобщения ребёнка к геометрическому моделированию внутренних состояний ребёнок постигает архитектуру чувств, учится выражать настроения (боль, страх, стыд, радость и т. д.) посредством соответствующих рукотворных построений, покрытий, укрытий. Всё это имеет самое непосредственное отношение к генезису архитектуры как искусства. Для самых различных видов искусства (включая архитектуру) справедливы следующие слова **Л.Н. Толстого**: *«Искусство есть деятельность чело-*

веческая, состоящая в том один человек сознательно известными внешними знаками передаёт другим испытываемые им чувства, а другие люди заряжаются этими чувствами, переживают их» [31, с. 87]. Очевидно, что жестовые конструкции обладают потенциями формировать и транслировать все человеческие чувства. Изучение её истоков даёт возможность решить широкий круг проблем, связанных с генезисом искусства, осмысленного строительства.

В ходе геометрического моделирования, оцифровки геометрических структур, происходит детальное знакомство ребёнка с рукотворным универсумом (микрокосмом) — колыбелью, домом, родовым гнездом человечества и другими архитектурными архетипами, лежащими в основе моделирования и воспроизводства рукотворных построек.

Истоки архитектуры невозможно осмыслить, абстрагируясь от истоков математики, истоков медицины: медицинской семиотики, медицинской топографии. Вместе с тем, игнорируя традиционные архитектурные категории, связанные с телесными построениями, невозможно анализировать истоки психогенеза, социогенеза, культурогенеза. Без реконструкции этих построек невозможно постигнуть смысл чудесной сказки и мифа, невозможно понять особенности мифологического мышления, в рамках которого зародились архитектурная мысль, архитектурные архетипы.

Воспитательный процесс, связанный с регулярным разрушением и воспроизводством рукотворных сооружений, делает ребёнка заядлым строителем, который побуждает себя и товарищей воспроизводить искусственные сооружения везде, где можно и нельзя (в песочнице, под кроватью, на дереве и т.д.), причём из всего, что подвернётся под руку: песка, картона, снега, дерева и т. д. Факты подобного рода должны учитываться при осмыслении истоков архитектуры.

3.2. Отражение архитектурных архетипов и истоков геометрического моделирования в волшебной сказке и мифе

Воспитательная программа, традиционно реализуемая матерями в ходе сознательного приобщения детей к геометрическому моделированию посредством телесных построений, рукотворных укрытий, жестового показа (сказки), нашла детальнейшее отражение в звуковой волшебной сказке, мифе, обряде. В сказках, мифах, обрядах отражено начало человеческого бытия, неразрывно связанное с сюжетными ходами, относящимися к различным этапам приобщения младенца к исходной моделирующей системе — геометрии. Во многих сказках подчёркнуто, что действие происходит в незапамятные времена. Эти времена не помнят повзрослевшие дети, но они памятливы их матерям, поэтому «бабьим» сказкам о незапамятных временах следует верить.

Во многих сказках, мифах подчёркнут юный возраст героев, отправляющихся совершать сказочные подвиги (герою может быть всего несколько дней от роду). Практически любая проблема ставит сказочных героев в тупик, побуждает их заливаться слезами, пользоваться чужими советами, прибегать к помощи всякого рода учителей, помощников.

Многие сказочные герои (как и мы в младенчестве) не приспособлены к труду, не знают своего имени и обладают предельно низким интеллектом. «У Ахмеда была старая мать, и жили они в маленькой хате. Он был настолько ленив, что ел только тогда, когда прохожие клали ему пищу прямо в рот; если же они этого не делали, он оставался голодным» [1, с. 132]. Ахмед зачастую забывал даже своё имя. *«Было то или не было, а у одной женщины было три сына и*

дочь. Самый младший из сыновей был немного придурковатый и целый день только и делал, что катался в золе» [32, с. 174]. Хотя маленький герой зачастую характеризуется как существо абсолютно никчёмное, это не мешает сказочным и мифическим гипертрофированным дурачкам, замарашкам, каковыми были и мы в младенчестве, совершать такого рода подвиги, которые вызывают бурный восторг и умиление у окружающих. Так, например, младенец Геракл сумел расправиться со змеями, которые поселились в его колыбельке. В «Этимологическом словаре русского языка» **М. Фасмера** слова *змея, змей* трактуются как «земной» [33, с. 100]. В русском языке *жменя* — «пригоршня» [Там же. С. 58]. *Земи-на* — богиня земли у западных славян. На роль змей, поселившихся в колыбельки Геракла, могут претендовать пригоршни его матери.

В основе сюжета волшебной сказки чаще всего лежит повествование о преодолении потери или недостачи при помощи чудесных средств или волшебных помощников. В экспозиции сказки присутствуют обычно два поколения: старшее и младшее. В сказке регулярно происходят отлучка или смерть представителей старшего поколения.

Завязка сказки состоит в том, что главный герой или героиня обнаруживают исчезновение любимого лица или другую форму беды, вызванной нарушением запретов, непослушанием. Это знаменует начало противодействия, то есть отправка героя на поиски пропавшего лица, пребывающего во власти злых чар, чудовищ, разбойников, в царстве мёртвых и т. д.

Кульминация волшебной сказки заключается в описании того, как главный герой или героиня сражаются с несравненно более сильными животными, чудовищами, людоедами и другими поглотителями, похитителями любимых лиц.

Развязка повествует о том, как герои разрушают злые чары, царства смерти, а также выпускают из подземелий, темниц, загробного мира на свет божий любимые лица: матерей, сестёр, братьев, невесток, красавиц. Обычно герой (героиня) в конце приобретает более высокий социальный статус, чем он был в начале.

Притворство, манифестация смерти, мёртвого сна старшими привели к тому, что учителями в сказках, мифах регулярно выступают умершая мать, умерший отец и другие покойники. Чтобы сойти в сказочную могилу (мглу) достаточно прикрыть лицо руками. Естественная мерка является мраком сказочной могилы. Таким образом, у нас есть возможность реконструировать, не только маску смерти, не только загробный мир, но и первую рукотворную могилу, первую пирамиду (рис. 1). Очень часто сказочная могила состоит из каменных плит. Есть все основания соотнести эти каменные **плиты**, да и всю первозданную **литосферу**, с **личинами, пальцами. Пятеро** пальцев позволяют увидеть первозданную шкалу, первую скалу (греч. **пётра** 'скала', 'камень'). Изначально скалы могли скалиться, поскольку были скулами, челюстными системами тотемных существ. Не сложно догадаться («**допетрить**»), что исходные скалы (шкалы) являются логическим аппаратом, расположенным в головах тотемных существ, мифических и сказочных **патеров, юпитеров**. Посредством этого аппарата, они учат нас считать, мерить, намереваться, думать, а также создавать первые осмысленные рукотворные постройки, выступающие в качестве архитектурных архетипов. Игнорируя изначальную связь между мыслительным процессом и архитектурными архетипами, невозможно постигнуть биологическую сущность этих архетипов, а также отразить и понять природу различных феноменов протоархитектуры.

По вполне объяснимым причинам сказочные могилы изначально могли раскрываться, а покойники появляться на свет. Если сдёрнуть естественный саван с покойника насильно, или снять с пальца кольцо, то он может потребовать их обратно. Повадки живых покойников детально освещены и в сказках и в мифах. Эти выходцы из могил играют фундаментальную роль в приобщении к геометрическому моделированию, к медицинской семиотике и топографии, к истокам архитектуры.

В сказках, балладах, легендах различных народов мира герои часто приходят на могилу к матери, чтобы услышать её совет. Попадают и герои, которые воспитываются в могиле матери, например, главный герой тюркского фольклорно-эпического сказания Гур-оглы. Матери продолжают кормить своих детей, даже будучи замурованными в стены, скалы (шкалы естественной системы координат) и детям доступны лишь их груди.

Со временем и лица мужского пола (отнюдь не сказочные) стали использовать сказочную могилу, сказочные скалы, чтобы воспитывать сочувственное отношение к себе. Погрузившись в могилу, они требуют, чтобы дети оказывали им знаки внимания. В татарской сказке говорится: «Заболел однажды отец. Призывает он сыновей и даёт такой наказ: “Как схоронят меня, приходите ко мне на могилу, откараульте три ночи. Есть у меня три сундука. Кто придёт на могилу, тому и владеть этими сундуками”» [28, № 7].

О том, что смерть отца мнимая, догадываются старшие дети. Младшие искренне верят, что отец заснул вечным сном. Они приходят к могиле, которая скрывает любимое лицо. В зависимости от отношения к ней, эта могила может трансформироваться в чудовище, в чудо-вещи, в сказочных

животных, которые могут поката́ть младенца, наградить его или наказат́ь.

Надо сказать, что отправляться на борьбу с несравненно более сильными противниками маленьких героев чаще всего побуждает жёстами **мать их**, которая приняла во многих сказках образ злобной **мачехи (маски)**, замещающей мать-покойницу. К воспитательному процессу матери привлекают и других членов семьи, поэтому в затруднительном положении герои зачастую оказываются не без помощи своих ближайших родственников: отцов, братьев, сестёр, которые посылают младенцев на верную смерть: заводят в непроходимую чащу, отдают их на съедение людоедам, чудовищам. Жертвой подобного поведения родителей выступает, например, мальчик с пальчик и его братья, заведённые в непроходимую чащу к людоеду. **Дюжина углов** на четырёх согнутых смежных пальцах позволяет увидеть сказочные **джунгли**, а также понять математическую природу сказочного леса, без посещения которого невозможно постигнуть азы математики, азы диагностики, азы протоархитектуры. Сказочная чаща, является также Чашей терпения — естественным терапевтическим средством, без осмысления которой невозможно осмыслить прототерапию. С этой чашей, с этой чашей связаны также лесные чары, лешие, которые могут нападать на человека (рис. 36).

Рис. 36. Лесные чары
(реконструкция В.А. Воронцова)

Младший брат в мифах и сказках регулярно оказывается в безвыходном положении по вине своих старших братьев. В подобной ситуации оказался, например, Ивашко — герой русской сказки «Три царства — медное, серебряное и золотое», который на ремнях (раменах) спустился в пропасть и отыскал в пропасти невест для своих братьев. Коварные братья оставили его в пропасти, и он был вынужден самостоятельно выбираться из неё. Пара пястей позволяет обнаружить пропасти, пещеры, в которых скрываются не только невестки, любящие играть с младенцами в прятки, но и различного рода многоголовые чудовища, сторожащие красавиц. **Пятеро** пальцев позволяют реконструировать пещеру (др. русск. *печору*), в которой обитает одноглазый циклоп (большой палец). В сказочных подземельях можно обнаружить и летающие гробы, и сказочных царевен, и сказочных разбойников (рис. 37).

Рис. 37. Спит царевна в гробе том
(реконструкция В.А. Воронцова)

Наши руки позволяют продемонстрировать лабиринт, содержащий большое количество замкнутых пространств — естественную координатную систему, а также Минотавра, который ничем не отличается от Золотого тельца (рис. 12), на которого все молятся. Мудрые греки не без умысла посылали своих детей на съедение к Минотавру — естественному ментору. Борьба с ним не столь опасна, как принято думать. Каждый читающий эти строки много

раз побеждал это чудовище, причём в самом раннем детстве, а также постигал устройство лабиринта — естественной геометрической структуры. В **лабиринтах** часто хранятся чудесные книги (лат. **libri**), магические кристаллы, овладев которыми сказочные и мифические герои становятся необычайно проницательными и мудрыми. Рис. 1 позволяет обнаружить такого рода книгу, такого рода кристалл. Следует заметить, что магический кристалл часто хранится в голове или пасти змеи, обитающей в пещере. Пясть (пасть) руки, жменя позволяют реконструировать такую змею, такую пасть.

В сказках воспитанием детей иногда занимаются специальные учителя. **В.Я. Пропп** в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» по этому поводу пишет: *«Казалось бы, что это — вполне реалистический элемент, и действительно, герой иногда (особенно в немецких сказках) возвращается ловким мастером какого-нибудь ремесла, но чаще ни фигура учителя, ни обстановка, ни способы учения, ни приобретённые знания нисколько не похожи на историческую действительность XIX века, но очень похожат на историческую действительность весьма далёкого прошлого»* [20, с. 103]. Действительно, учителями в сказках часто являются животные, лешие, водяные, колдуны, мертвецы, дьявол, загадочные старики, которые учат оборотничеству, языку животных и т. д.

Чтобы увидеть водяного, который выскакивает из водоёма, хватает папашу за бороду и побуждает его отдать сына в науку, достаточно хлебнуть холодной воды из ладони при наличии зубов, которые чувствительны к холоду. Водяной, обитающий в этом рукотворном водоёме, немедленно схватит экспериментатора за подбородок. Этот водяной с большой готовностью обучит оборотничеству любого.

Притворство способствовало тому, что сказочные учителя пребывали зачастую в мире ином, за морем, за рекой, под водой, под землёй. Иногда подобный учитель являлся из могилы, если сказать «ох» [3, № 251]. «За морем учит один учитель разным наукам» [35, № 94]. «За Волгой, в городе такой был мастеровой человек, учил разным языкам и разным изделиям, и всячески он может оборотиться» [23, № 64].

Чтобы ребёнок научился смотреть волком, оборачиваться волком (рис. 38) или стал робким голубком, особых педагогических усилий не требуется. Розги, плётка, естественная маска способны очень быстро развить подобные навыки. Вот как описана в татарской сказке «Колдун» встреча отца с сыном, отданным в медресе и превращённым в голубя. «Тот голубь два-три раза взмахивает крыльями и превращается в мальчика. Обрадованно здороваются, мальчик и говорит:

«Я теперь уже не твой, отец. Наш мулла абзый такой человек, что всех нас превратил в птиц. Там я не один, нас очень много, он нас учит. Делает нас своими, приручает нас»» [28, с. 118].

Рис. 38. Оборотень
смотрит волком
(реконструкция В.А. Воронцова)

Исследователями приняты многочисленные попытки объяснить природу схождений, регулярностей в волшебных сказках разных народов, игнорируя естественный язык, исходные приёмы приобщения к геометрическому моделированию. Несмотря на множество выдвинутых ги-

потез, общепринятый взгляд на природу сказочных универсалий до сих пор не выработан. Следует заметить, что слово *сказка* (укр. *казка*) изначально обозначало то, что показано, продемонстрировано и может быть наглядно подтверждено. Об этом свидетельствуют ревизские сказки, которые упоминаются в «Мёртвых душах» **Н.В. Гоголя**. Известный советский фольклорист **В.Я. Пропп** глубоко прав, утверждая в своей книге «Исторические корни волшебной сказки»: *«То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали...»* [20, с. 353]. Авторитетный немецкий философ **М. Хайдеггер** (1889—1976) в своей статье «Путь к языку», ориентируясь на своё лингвистическое чутьё, вполне самостоятельно приходит к мысли о том, что все сказания изначально показывались. Он пишет: *«Слово “сказ”, как и многие другие слова нашего языка, мы обычно употребляем большей частью в сниженном смысле. Сказ представляется просто сказом, сказкой, чем-то таким, что не засвидетельствовано и потому не правдоподобно. Здесь мы думаем о сказе не так.... Помня о древнейшем употреблении этого слова, мы будем понимать сказ от сказывания в смысле показывания и употребим для обозначения такого сказа, насколько в нём покоится сущность языка, старое, достаточно засвидетельствованное, но умершее слово каз»* [34, с. 265]. Есть основания считать, что и басни изначально выступали в качестве очевидных свидетельств. Так, например, в украинском языке *бачення* `видение`.

Исследователи фольклора, мифа, как и лингвисты, склонны пренебрегать сущностью языка, сущностью сказки, на которые указал **М. Хайдеггер**. Учёт этих сущностей позволяет утверждать, что в настоящее время сказкой считается то, что было всего лишь звуковым сопровождением подлинной сказки, подлинного показа. Это сопровождение бесконечно моложе подлинной сказки.

Универсальная природа геометрии, а также методов общения к ней матерями, породили изначальную схожесть сказочной образности, сказочных сюжетов. Звуковая сказка, лишённая изначального зрительного ряда, изначального смысла, лишена и изначальной математической строгости. Она будит воображение, причём не только у детей. Подвиги сказочных героев в традиционных обществах глубоко волнуют и взрослых. До недавних пор слушание сказок было любимым времяпрепровождением в сельской местности в зимнее время в Европе. Во многих регионах Азии, Африки, Америки, Австралии эта традиция до сих пор не изжита. В отличие от мифа, который сакрализован и недоступен большей части общества, именно сказки играют огромную роль в формировании первобытного мировоззрения с его безграничной верой в чудеса.

Исследователи зафиксировали не только интерес к сказочным событиям, но и глубокую веру в сказочные чудеса, которая изначально была свойственна разным народам. У русских вера в сказочные чудеса была широко распространена ещё в XIX веке. Так, например, по свидетельству известного русского фольклориста и этнографа **И.А. Худякова** (1842—1876), ещё в конце 50-х, начале 60-х годов XIX в. *«вера в языческое чудесное ещё в высшей степени распространена в народе»* [6, с. 284]. **Н.В. Новиков** в своей книге «Образы восточнославянской волшебной сказки» также отмечает, «что в древнерусской письменности, насколько нам известно, представление о сказке как лишь о поэтическом вымысле не отражено и встречается только в сборниках пословиц и поговорок XVII-XIX вв. и сказках XIX-XX вв.» [15, с. 16]. Выдающийся русский фольклорист **Ф.И. Буслаев** (1819—1897) в своём труде «Славянские сказки» писал: *«Сущая неправда, бессмысленная ложь не могли бы пронестись*

на расстоянии веков по многим народам и племенам общим согласиём в главных мотивах сказочного предания, и не могли бы так твёрдо окрепнуть в национальности каждого» [5, с. 309].

Цивилизация разрушает веру в чудеса. Подавляющая масса цивилизованных людей уже не верит в «бабьи» сказки, а также склонна трактовать сверхъестественное как неестественное. Неверие в сказочные чудеса свойственно даже исследователям волшебной сказки. Так, например, **В.Я. Пропп** в статье «Фольклор и действительность» категорически заявляет: «Сказка есть нарочитая и поэтическая фикция» [19, с. 87]. Неверие в сказочные чудеса, противопоставление чудесного и исторического порождает непреодолимые проблемы при выявлении исторических корней волшебной сказки. Оно побуждает исследователей искать истоки волшебной сказки не в традиционных способах знакового моделирования жизненно важных проблем, а в мистических обрядах, гипертрофированной фантазии, которые являются формами превратного отражения действительности. Всё это создаёт предельно искажённое представление об истоках веры в чудеса, о природе сказочных универсалий.

Масса проблем возникает и у тех исследователей, которые чисто интуитивно верят в реальность сказочного мира. Так, например, профессор филологии Оксфордского университета **Дж. Р. Толкиен** относится к миру волшебной сказки очень и очень серьезно, не считая его вымыслом. В своей статье «О волшебных историях» он отмечает: «Вопрос: “Где скрыто начало чуда и волшебства?” — без сомнения приведет нас к самым фундаментальным и вечным вопросам нашего мира» [30, с. 28]. С этим трудно не согласиться. Обращение к волшебной сказке позволяет ответить на множество

вопросов, связанных с истоками архитектуры, с природой архитектурных архетипов. Дело в том, что в сказке нашли отражение самые архаичные, самые разумные рукотворные сооружения.

Пясти («па`сти») рук, которые формируют естественную сказочную сеть, исходный универсум, исходные города, сити, исходные царства-государства, не только демонстрируют на`пасти, но и заботятся о нас изначально. За нас они делают буквально всё. Они породили представление о животных-предках, звероподобных богах-демиургах, родителях, учителях, спасителях, пастырях и т. д. Следует заметить, что именно в сказках, а не в мифах в качестве родителей героев чаще всего выступают животные. Отсюда такие персонажи: Иван Быкович, Иван-коровий сын, Иван Сученко, Иванко Медведко.

У матери две руки, две пясти (пасти), поэтому исходная сеть, исходная матрица, исходный матрац состоят из двух половин: матери и отца (рис. 1). Таким образом, язык жестов отнюдь не исключает различения знаков по родам. Союз мужского и женского начала в исходных геометрических структурах может породить и средний род.

Звуковой язык (метаязык) и язык жестов (протоязык) подсказывают, что родители (англ., франц. parents) изначально выступают в качестве первого принтера, первого выразительного средства, с которым связаны первые осмысленные впечатления, первые печатные сказы, таблицы судеб, книги мёртвых и т. д. Метаязык и протоязык также подсказывают, что **пятеро** пальцев на руке (**пятерня**) составляют первого **патера** (**патрона**), с которым связаны первые геометрические структуры, исходные сказочные **паттерны**, сказочные универсалии, архетипы, лежащие в основе универсальной символики сказок, мифов, игнорируя которые

невозможно постигнуть природу архитектурных архетипов. Эти звероподобные патеры, патроны заботились о детях даже в те времена, когда вся забота о детях лежала на плечах самок. Вторая рука (собственно мат), участвующая в формировании матраца-матрицы, прикладывается непосредственно к телу при обозначении матери, разметке большого места (благой мат, маета), ношении ребёнка.

Естественная матрица (матрац) является предельно наглядной и универсальной знаковой системой. Она позволяет не только обкладывать матом, материться молча (благой мат), но и структурировать рефлексивно всё и вся посредством предельно очевидных, предельно абстрактных математических структур. Более того, она позволяет описывать посредством геометрических структур то, что не имеет видимой формы: чувства. Благой мат не следует путать со звуковым, безобразным матом. Благой мат по своей природе рефлексивен, он существует у всех приматов. Жизненную значимость его трудно переоценить. Даже не введенный в культуру, он позволяет остановить кровотечение, притупить боль, привлечь внимание социума к бедственному положению особи. Именно благой мат является первым укрытием, которые подвергся изначальному осмыслению.

При агонии, смертельной боли сказочный патер чисто рефлексивно покрывает сказочную мать (мат), образуя матрицу, исходный универсум (рис. 1). Наложение рук, сведение рук, свадьба, покрытие, брак изначально рассматривались как смертельная, кровавая схватка между полами. Связь ля мура с мором, смертью можно проследить на обширном лингвистическом, фольклорном, мифологическом материале. Так, например, русская былина «Дунай Иванович» связывает появление реки Дунай с кровавой схваткой между супругами. При манифестации ран кровь может за-

полнить весь рукотворный универсум, породив море крови, всемирный потоп. Глубоко права **В.К. Соколова**, которая в статье «Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре)» пишет: *«Сходство здесь генетическое: метафора смерть — свадьба возникла на основе древних представлений»* [26, с. 192].

Сватовство как смертельная схватка является древнейшим мотивом, который получил распространение на Западе и Востоке («Китаби Коркут», «Манас», «Сорок девушек», «Тысяча и одна ночь», «Давид Сосунский», «Шахнаме» Фирдоуси и др.) Этот мотив хорошо известен исследователям, однако единый взгляд на истоки этого мотива до сих пор отсутствует. Между тем, рассматривая подобные браки как сложение рук в процессе сетования, можно объяснить многое.

Связь сказочных супругов с нашими ладонями подтверждает тот факт, что в др. русском лада `супруг`, укр. ладо, лада `супруг`, `супруга` [33]. Эти лады (ці лады) и породили представления о **челяди, леди, люде** и изначальных **владениях, кладах, кладке** и т. д.

Сказочная **семья** породила **семиозис**. Связь семиозиса с диагностикой человечество пронесло сквозь тысячелетия. Так, например, термин семиозис использовался древнегреческим физиологом **Галеном** из Пергама при постановке диагноза. Семиозис означал интерпретацию симптомов.

Автор книги «Мифологическая анатомия» **Л.Е. Эттинген** пишет: *«Теологи убеждали, что рука выступает органом и знаком действия, выражения связи вообще. Причём связи в виде единства, семьи в частности. Нельзя, думается, исходя из последнего, исключить появление такого ассоциативного ряда, как “земля — лоно”, “рука — фаллос”. И даже “рука —*

женщина”. В древней переднеазиатской поэтике такие эвфемизмы были весьма распространены» [36, с. 177].

Зверская боль привела к появлению в сказках, мифах животных-супругов. Животные регулярно похищают женщин, держат их в заточении и от этого брака рождаются сказочные существа, мифические герои, которые воспитываются в логовах животных. У народов Европы наибольшее число подобных текстов, повествующих о том, как медведь унёс женщину или девушку в свою берлогу и сожительствует с нею. «Интересно, что и в русском фольклоре Верхнего Поволжья сохранились пережитки этого мотива: ряженные медведями на свадьбах валили на пол девушек, мазали их сажей, а сама “молодая” — невеста — именовалась медведицей» [17, с. 57]. Тюркские языки делают природу подобных медведей предельно очевидной (тюрк. а:йа «ладонь», айы «медведь»; а:к «сеть», аққа «отец») [24, с. 761-762].

Рукотворные матрицы, сети, стены позволяют увидеть первые застенки, сказочных похитителей, а также понять, что заточение (заточка), сказочный брак нужны для манифестации острой боли. В роли сказочного похитителя в сказке могут фигурировать самые разные существа, например, Кощей Бессмертный. *«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унёс Кош Бессмертный»* [3, № 156]. Следует заметить, что в татарском языке кош `птица` [29, 1966]. Наши птахи (пятаки), дактили, птеродактили начинают порхать, когда мы поперхнёмся. Они позволяют без всяких проблем реконструировать облик злодея, регулярно похищающего матерей, сестёр, красавиц (рис. 39).

Руки позволяют реконструировать злые чары, повергающие сказочных красавиц в сон, увидеть воочию царство

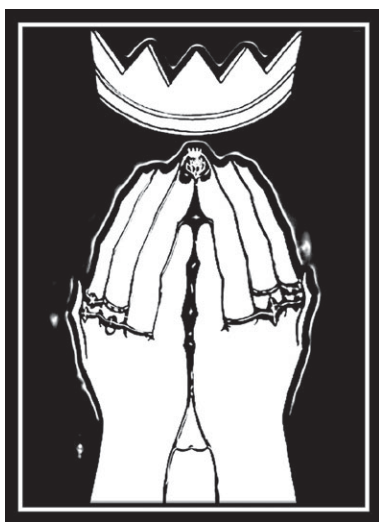

Рис. 39. Кощей
(реконструкция В.А. Воронцова)

Рис. 40. Кощеево царство
(реконструкция В.А. Воронцова)

ужасного Кощея (рис. 40). Кощеево царство напоминают о космическом яйце, из которого появился мир, в котором мы изначально обитаем, пока не отобьёмся от рук. Чтобы покончить с Кошеем, похищающим любимые лица, необходимо раздавить яйцо Кощея.

Структура Кощея, его царства позволяет пролить свет на сказочных птиц, змей, огненных драконов (рис. 41), которые также регулярно похищают лица любимых. Есть все основания считать, что Кощей склонен похищать женщин по их согласию, поскольку они зачастую добровольно возвращаются к этому злодею. Самым ярким подтверждением власти женщин над Кошеем является образ Кощея-жертвы, Кощея-пленника, который держится в заточении в подвешенном состоянии по воле женщин. Заходит герой в запретное помещение и видит: *«висит Кощей Бессмертный»*

[16, № 167]; «сидит на цепях тридцать шесть лет Кощей бессмертный» [10, № 20]. Виновниц своего бедственного положения страдалец обычно не скрывает. Он признаётся герою, что «повесила мне твоя Марья Кирбитовна» [22, № 25], или: *«Ведь тридцать шесть лет твоя жена держит меня здесь и не даёт ничего»* [10, № 20]. Образ Кощей (рис. 39) со всей наглядностью свидетельствует,

Рис. 41. Дракон похищает солнце (реконструкция В.А. Воронцова)

что подвешен он в темнице отнюдь не без участия женских рук. Наибольшую силу Кощей приобретает, если дать ему напиток. Слезы страдальцев делают его непобедимым и побуждают жертв снова и снова возвращаться в его царство. Игнорируя подобные царства, подобные темницы невозможно постигнуть истоки не только политической, но и архитектурной терминологии.

Наш сказочный патер (нем. Vater) проливают свет и на природу сказочного ветра, который регулярно захватывает сказочную мать и уносит в своё логово. Связь сказочного **смерча** с браком-**смертью** достаточно очевидна. По вполне объяснимым причинам сказочного или мифического отца часто свергают представители младшего поколения героев — руки младенцев. Впервые на такой подвиг наши руки — сказочные герои, сказочные близнецы решаются, когда мы освобождаем лицо матери от ужасной маски, символизирующей брак, смерть, страдания. Таким образом, исходные

геометрические структуры, медицинская семиотика, а также воспитательный процесс проливают свет на загадочные сказочные и мифические мотивы, связанные со стремлением героев свергнуть своего отца, занять его место, получить руку матери. Все фантазии **З. Фрейда** по поводу эдипова комплекса не имеют оснований. Расправиться с патером мифических, сказочных героев побуждает жалость, а не эротические устремления. Смертельные схватки богатырей-отцов со своими сыновьями-богатырями, дочерьми-богатыршами нашли яркое отражение в русских былинах.

Дети влюбчивы. Со временем ребёнок в качестве любимого лица начинает выбирать не только мать, но и иных представительниц женского пола. Научившись расправляться со сказочным патером, похитившим мать, маленький герой приобретает навыки расправляться и с другими сказочными патерами, скрывающими любимые лица. Это всегда вызывает бурные восторги сказочных невест, абсолютно не сочувствующих своим сказочным отцам. Более того, зачастую именно сказочные невесты подсказывают героям, как можно расправиться со сказочными отцами, держащими их в заточении (координатной системе). Сказочными героинями зачастую не только расправляются со звероподобными патерами, чудовищами, но разрушают застенки, темницы, полные страдания и слёз, в которых содержатся любимые лица. Знакомство с этими застенками, темницами имеет самое прямое отношение к истокам архитектуры. Это знакомство происходит задолго до приобщения младенца к звуковому языку. Задолго до приобщения к звуковому языку младенцы начинают сами возводить рукотворные застенки, темницы, чтобы привлечь внимание, растрогать родителей и т. д. Таким образом, архитектурные архетипы имеют самое непосредственное отношение к истокам знакового поведения.

На последующем этапе приобщения к математическому моделированию, к медицинской семиотике герою требуется не просто разрушить сказочный брак, сказочные застенки, но и основательно помять, поколотить сказочную представительницу женского пола в диагностических целях. Эта операция крайне болезненна, если представительница женского пола не симулирует болезнь, а структурирует рану, структурирует болезненное место. Возникнув как диагностическая процедура, практика подбивания бабок со временем трансформировалась в пальцевой счёт.

Сказочный брак, а также крайне болезненная диагностическая практика породили представления о бабе-яге-воительнице, а также о герое, который помогает старику-богатырю, смертельно боящемуся схватки со старухой-богатыршей (бабой-ягой `бабой его`, ягишной `его женой`). Старик-богатырь настоятельно рекомендует герою не топтать поле бабы-яги, поскольку сам побаивается этой болезненной операции, однако герой даже не помышляет выполнять наказ трусливого богатыря. Он смело топчет её поле, что, разумеется, вызывает негодование у этой представительницы сказочного женского пола. *«Баба-яга посмотрела в подзорную трубу, села на коня и в поле. Иван-царевич, недолго думая, ударил её палицей, сбил её девять голов, а тело разрубил»* [15, с. 161]. Многоголовость бабы-яги предопределена структурой мерных элементов, входящих в состав сети, матрицы, мата (рис. 1). Чтобы оставить один указующий перст пациента при диагностике, необходимо абстрагироваться от трёх смежных пальцев, каждый из которых содержит по три сустава. Пальцы с тремя суставами (ш`тыри) со временем стали сёстрами бабы-яги, а диагностический процесс, связанный с (топтанием, побиванием представительниц прекрасного

пола) стал ассоциироваться с последовательным обходом героем этих сестёр и пребыванием с ними в парилке. Таким образом, нет оснований считать, что такие понятия как поле, координатная, мерная сеть порождены земледелием, а не культивированием милосердия, медицинской топографии, медицинской семиотики.

При оцифровке естественной (сказочной) координатной системы может возникнуть и групповая форма брака. Так, например, мальчик с пальчик (большой палец руки) может попасть со своими братьями (другими пальцами этой руки) к людоеду (большому пальцу другой руки), который уложит их спать со своими дочками. Так сформируется матрица. При её оцифровке мальчик с пальчик набрасывает кольца или венчики на своих братьев, а людоед поедает своих дочек, манифестируя очки, единицы. В результате формируется координатная сеть. Перемещаясь по рукотворной координатной системе, наложенной на стан (туловище), мальчик с пальчик становится скороходом. Подобного рода сказку можно найти у **Ш. Перро**.

У ребёнка две руки. Это способствовало широкому распространению сказочных и мифологических сюжетов, в которых фигурируют близнецы. Близнецы могут действовать сообща: вместе побеждать различного рода чудовищ, вместе освобождать страдальцев из темниц и т. д. Они могут выступать в качестве первых людей, которые освоили землю или небеса обетованные, созданные первопредками. Часто они выступают в качестве брата и сестры, первой брачной пары, в качестве родоначальников и т. д. Потенции левой и правой руки далеко не равноценны, поэтому мифические и сказочные близнецы часто выступают в качестве антагонистов, причём один из близнецов отличается умением, ловкостью, а другой близнец только всё портит.

Браки изначально заключались на небесах. В архаичных сказках супруг при формировании матрицы (рис. 1) должен был брать свою супругу (бабу) в челюсти, затаскивать её на небо (нёбо) и на больное место (бобо), а затем отдавать её в пясть («пасть») врачующему лицу, которое должно было разобрать супругу по суставчику в диагностических целях. В качестве больного места в сказке может фигурировать боб, горох или кочешок, который оказался под полом (мужским или женским) и достиг неба. К подобного рода сказкам относится, например, русская народная сказка «Лиса-лекарка», в которой старик лезет на небо со старухой в зубах, выпускает её, а лиса-лекарка (врачующее лицо) разбирает несчастную по косточкам [3, № 18]. Анализировать содержание таких сказок, игнорируя геометрическое моделирование, не имеет смысла. Не имеет смысла также отрицать изначальную связь этого моделирования с формированием рукотворных укрытий.

Медицинская семиотика, сказочная матрица, сказочная форма брака проливают свет и на сказочных невест, которые регулярно вступают в смертельную схватку со своими женихами-знаками и готовы проглотить их или заключить под пол, в роли которого выступают сами представительницы прекрасного пола. Сказочная невеста, как и сказочная мать, изначально имела зверообразный облик и нуждалась в укрощении, поскольку норовила проглотить своего жениха во время брачного поединка, формирования матрицы. Только со временем личность невесты стала отождествляться с человеческим лицом. Рассмотрение сказочной матрицы, способов её формирования, применения позволяет пролить свет на природу столь противоречивого образа невесты в чудесной сказке, а также на природу её печати, которой она наделяет жениха. Именно с этой печатью, со сказочным об-

ручением связаны истоки медицинской семиотики, истоки начертательной геометрии, истоки математического моделирования.

В.Я. Пропп в своей книге «Исторические корни волшебной сказки» с полным основанием пишет: *«Те, кто представляют себе царевну сказки только как “душу — красную девицу”, “неоценённую красу”, что “ни в сказке сказать, ни пером написать”, ошибаются. С одной стороны, она, правда, верная невеста, она ждёт своего суженого, она отказывает всем, кто домогается её руки в отсутствие жениха. С другой стороны, она существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до её обладания, — это укротить её»* [20, с. 298]. Смертельная схватка жениха и невесты приводит к формированию семьи, лежащей в основе медицинской семиотики, в основе геометрии, топографии, протоархитектуры.

Свадьба-смерть, связанная с наложением рук, способна посеять ужас, если абстрагироваться от врачебной практики. Этот ужас чувствуется во многих сказках, в которых жених вступает в единоборство с невестой, которая стремится наложить на него руку во время брачной ночи. *«Вот лёг Иван-царевич спать с богатырь-девкою. Вдруг богатырь-девка положила ему на грудь руку. Ивану-царевичу сделалось дурно...»* [3, № 202]. О подобной опасности знает помощник героя, который предупреждает: *«Да смотрите, ваше величество, не плошайте. Первые три ночи станет она вашу силу пытаться, наложит свою руку и станет крепко-крепко давить: вам ни за что не сдержать»* [Там же, № 116]. *«Только легли опочивать, она волшебной силой наложила на него руку»* [6, № 19].

В результате коварства сказочные женихи часто оказываются под представительницами слабого пола (в подполье), где пребывают страдальцы (пациенты). Так, например, в русской сказке героиня — Ирина мягкая перина говорит незадачливому герою: *«Ложись к стенке, а я лягу на край!»*. *Несчастный доверился злодейке, а «она его под серёдку подхватила, прошибла им пол, и улетел он в погреб...»* [3, № 175]. Видеть в этой перине первый кровавый принтер, естественную знаковую систему есть все основания. Игнорируя сказочный брак, отношение между сказочными полами, невозможно пролить свет на природу таких археологических архетипов, как пол, подполье. Есть все основания утверждать, что первый рукотворный пол был обогреваемым и имел среднюю температуру +36.7 градусов по Цельсию.

В диагностических целях жениху-знаку следует допустить на брачное ложе врачавателя. Нет ничего удивительного в том, что вместо жениха на перину часто укладывается его друг, который сочувствует герою. *«Коли хочешь быть жив, позволь мне лечь с королевой на твоё место»* [Там же. № 136]. *«Лучше пусти меня на своё место»* [Там же. № 158].

Не только сказочные, но и мифические персонажи стараются уступить ложе другу во время брачной ночи. Так, например, германо-скандинавский эпос «Песнь о нибелунгах» повествует о том, как в смертельно опасном брачном поединке с валькирией Брюнхильдой мужественный Сигурд подменяет её жениха Гуннара.

Диагностика обычно осуществляется тремя смежными пальцами, которыми попирают пальцы пациента, поэтому дружки сказочных женихов нередко крепко потчуют невест плетьюми, тремя сортами прутьев и т. д. *«Потом Иван-царевич взял её за косу, здёрнул с кровати и стал этими плетьюми драть её. Как исхлестал её, так и бросил её на кровать»*.

Только после этого он даёт возможность герою сказки Кузьме Ферапонтовичу воспользоваться брачным ложем [26, № 72]. *«Мишка Водовоз схватил её за шиворот, ударил её о пол, иссёк два прута железных, а третий медный. Бросил её как собаку... "Ну, Иван Царевич, вались на постель, теперь ничего не будет!"»* [Там же. № 143]. С подобного рода практикой мы знакомимся, когда учимся толковать.

В брачном поединке нередко участвуют целые армии (нем. Arm 'рука'; каз. кол 'рука', 'армия'). «Як дійшов ён да етай рати и спросив, тут голос сказал ему, што усе три рати победила Анастасия Прекрасная, а сама теперь в шатре аддыхая. Фёдор наехав. Приехавши да шатра, привязав каня и, ваведши в палату, лёг сбоку. Анастасия Прекрасная проснулась и, разбудивши Тугарина, кажа: *"А што, ти будем биться, ти мириться?"*» [3, № 160]. Следует заметить, что Анастасия Прекрасная способна не только валяться на кровавой кровати, но и обеспечивать анестезию.

Сказочная невеста, прикрывающая рану, является хранительницей кровавой печати. Во многих сказках царевна во время состязания за её руку отдаёт печатку или ставит печать герою. В сказке «Сивко-Бурко» герой на сказочном коне доскакивает до окна царевны и целует её. *«Разлетелся на царском дворе, так все двенадцать стёкол и разбил и поцеловал царевну Неоценённую Красоту, а она ему прямо в лоб клеймо и приложила»* [3, № 182]. Отнюдь не теория, а феноменальная интуиция подсказала **В.Я. Пропцу**, что в такого рода сюжетах *«рана играет роль кровавого клейма»* [20, с. 299]. Именно кровавая рана сближает сказочного жениха и сказочную невесту. По этой ране она узнаёт в дальнейшем своего суженого. Этим подтверждается изначальная связь сказочного брака с сокровенной печатью, лежащей у истоков осмысленной экспрессии, медицинской семиотики,

истоков начертательной геометрии. Игнорируя истоки экспрессии, истоки начертательной геометрии, невозможно соприкоснуться с истоками языка архитектуры.

Надо сказать, что в волшебных сказках женихи зачастую не менее кровожадны и коварны, чем невесты. Аналоги Синей бороды присутствуют в сказках самых разных народов. Женихи-людоеды регулярно покушаются не только на своих невест, но и на покойников. *«Влезла, глянула — а названный жених стоит у гроба да упокойника ест»* [3, № 363]. Это подтверждает изначальную связь обручения с мёртвой хваткой, а женихов — со знаками, лежащими в основе геометрического моделирования, с которыми мы знакомимся в незапамятные времена.

Сказочная семья породила семиозис, неразрывно связанный с врачебной теорией и практикой. Любые попытки отождествления сказочных форм брака-смерти с современными представлениями о браке лишены всяких оснований, однако такие попытки в фольклористике традиционны. Так, например, полностью игнорирует природу сказочного брака **В.Я. Пропп**. В своей работе «Исторические корни волшебной сказки» он пишет: *«Герой ищет невесту вдалеке, а не у себя. Возможно, что здесь отразились явления экзогамии: очевидно, невесту почему-то нельзя брать из своей среды»* [20, с. 22]. Сказочные герои, сказочные существа зачастую непосредственно соотносятся с суставами рук (мальчик с пальчик, мужичёк-кулачёк, шиш, дюймовочка и т. д.), поэтому нет оснований искать истоки сказочного социума вне протоязыка (языка жестов), а также выводить сказочные персонажи из мифологизированных обрядов. Очевидно, что сказочные старики, старички являются строками, строчками чудесной книги, а также элементами исходных геометрических построек. Именно сказочные герои проливают свет на широкий

спектр мистических обрядов, мифических персонажей, а также на истоки математического моделирования, связанного с истоками протомедицины, протоархитектуры.

Не только в сказке, но и в мифах о священном браке, свадьбе также нашли освещение процессы, связанные с формированием матрицы — исходного универсума, а также его разрушения, вызванного потребностями диагностики, воспитательного процесса. *«Часто этот брак представляется как изначальное существование неразделённого двуполого существа, находящегося в вечном соитии»* [11, с. 422]. В китайской мифологии весь процесс мироздания рассматривается как результат взаимодействия и выделения мужского (ян) и женского (инь) начал, создавших небо и землю [37, с. 259].

В древних мифах Центральной Мексики Верховный Бог мыслился в качестве дуального существа. *«Никогда не утрачивая своего единства (ибо древние гимны всегда упоминают его в единственном числе), он тем не менее считался дуальным богом (Ометеотль), владыкой и владычицей нашей плоти, который в таинственном космическом соединении и зачатии положил начало всему, что существует. Он, как это постоянно повторяется в гимнах, есть “Матерь богов, Отец богов, Верховный Бог”»* [13, с. 436]

Естественные маски (хари), формирующие исходный семейный союз, исходный универсум, исходную матрицу, помогают понять природу индийского божества Харихара (др.-инд. Harihara). Этот харизматический образ соединяет в себе Вишну (Хари) и Шиву (Хара). Согласно одному преданию, Вишну, чтобы доказать, что они равны, вошёл в тело Шивы, соединившись с ним. По другому сказанию, Шива упросил Вишну превратиться в прекрасную женщину и воспылал к ней страстью. Вишну пустился в бегство и принял свой

обычный облик, но Шива, настигнув его, так крепко обнял, что тела их слились [14, 1992, с. 568]. В рамках геометрического моделирования, в рамках исходных рукотворных построений подобного рода супружество осмысливается вполне рационально.

В качестве брачующейся пары могут выступать небо (нёбо) и Мать Земля. Герои, рождённые от подобного рода брака, всячески стремятся разрушить этот брак, свергнув своего отца. К подобного рода мифам относятся, например, миф об Уране и его супруге Гее, которые принадлежат к самой древней группе греческих богов. В ходе брака Урана и Геи был сформирован изначальный ландшафт. В конечном счёте, Уран был свергнут своим сыном Кроносом. Без отстранения Урана невозможно приблизиться к ране.

Герои, пребывающие в пасти (пяти) сказочных или мифических родителей, покидают их (рождаются) необычным способом. В тангутской версии эпоса «Гэсэр» *«Гэсэр говорит из утробы своей матери: «Мать! Я выйду через голову!»*» [18, с. 5–6]. В полном вооружении выходит из головы Зевса и Афина, причём её появлению предшествовало поедание тотемического существа женского пола. Вот как этот процесс описан у Апполодора: *«Зевс сошёлся с Метидой, принимавшей различные образы, чтобы избежать его любви. Когда она оказалась беременной, Зевс проглотил её прежде, чем она родила, ибо она обещала, после того как вначале родит деву, произвести на свет сына, который станет властителем неба. Испугавшись этого, Зевс и пожрал её. Когда же наступило время родов, Прометей ударил Зевса по голове топором (некоторые называют и Гефеста) Из головы выскочила в полном вооружении Афина...»* [2, с. 8–9]. Поглощение Зевсом Метиды не может вызвать удивления при учёте исходной формы брака, когда одна родительская пасть (пасть)

захватывает другую, формируя исходный универсум, исходный дом человечества (рис. 1). Эти пясти (пасти) позволяют «брать в голову», «выкидывать из головы». Покидаем мы обитель богов, выскакивая из голов божеств.

Автор книги «Мифологическая анатомия» *Л.Е. Этинген* отмечает, что «в сравнительном языкознании “рот” соотносится со значением “рожать”. Отсюда происходит представление о “роющем рте” В древнекитайских поэтических представлениях выплёвывание приравнялось к появлению на свет. Титан Кронос изрыгнул на свет братьев и сестёр Зевса» [36, с. 221].

Наши естественные чары (ладони) породили представление о чреве. Чтобы понести ребёнка, необходимо поймав его в естественную сеть (матрицу) и погрузить в чрево царевны или царицы. В русских сказках, чтобы царица понесла (забеременела), плетут невод, ловят рыбу и дают отведать царице. Подобным образом понесла ребёнка царица в сказке «Иван Сученко и Белый Полянин» [3, № 139]. Не следует удивляться тому, что матери склонны называть детей рыбками. У этих рыбок есть даже икра, причём на каждой ноге.

Матрица — «маска смерти», скрывающая любимые лица, должна была породить представления о загробном мире. Загробный мир, потусторонний мир, мир иной присутствуют в мифологических системах самых разных племён и народов, находящихся на самых различных ступенях общественного развития. Это свидетельствует о глубокой древности подобного рода идей, их универсальности. Американский антрополог, лингвист и естествоиспытатель *Ф. Боас* в своей книге «Ум первобытного человека» с полным основанием писал: «Из более общих идей я могу упомянуть о верованиях в страну душ умерших, расположенную на западе, причём для

того, чтобы попасть в неё, нужно переправиться через реку; это известно всем нам из греческой мифологии верование распространено также и среди туземных племён Америки и Полинезии. Другим примером может служить идея множественности миров...» [4, с. 86]. Идея множественности миров вполне объяснима, если мы обратимся к нашим естественным изначальным вместилищам — к рукам. Эти меры породили представления об иных мерах, мирах, в которых скрываются страдальцы, смертники, невидимые, неявные люди — навьи. Наши пяди способны пролить свет на место, где изначально располагался запад, загробный мир, потусторонний мир, царство смерти.

Есть все основания полагать, что мифы о загробной жизни сложились из представлений об агонии, смертельной боли, которые регулярно воспроизводятся родителями для предупреждения детей о грозящей опасности. Путешествия героев в царство смерти породила диагностическая практика, а также стремление матерей вызвать в своих чадах сочувствие, сострадание путём игры в прятки. Имитации различного рода мук посредством матрицы, «хождение по мукам» в ходе диагностики (страшного суда) сыграли огромную роль в формировании представлений о загробном мире, его архитектуре, его обитателях.

Загробный мир может представлять в образе супружеской пары (Аида и Персефоны), в виде многоглавых животных (Кербер), которых не сложно соотнести с руками страдальцев, с матрицей. Мёртвая хватка, предсмертные судороги должны были породить представление о погружении человеческого тела в пасть (пять), которая часто рассматривается как вход в царство смерти. **В. Пропп** по этому поводу пишет: «Вход в царство идёт через пасть животных. Эта пасть всё время закрывается и открывается» [20, с. 288].

В чреве животного часто располагается мир иной, в котором пребывают погибшие, умершие, пропавшие. Так, например, в Америке (племя нутка) записано: *«Однажды мать героя проезжала в маленькой лодке. Лодку унесло от берега, и вот появился кит и проглотил лодку вместе с женщиной. Когда герой узнал, что случилось с матерью, он решил отомстить. Вместе с братьями он по реке спустился в море. Они стали петь песню. Когда они пропели её два раза, вода расступилась, и кит проглотил лодку. Герой кричал своим братьям, чтобы они правили лодку прямо в чрево. В чреве они разрезали кишки и отрезали ему сердце. От этого кит сдох...»* [38, s. 82]. Ладони позволяют реконструировать лодочки героев и матери, а также чрево, в котором герои встречают усопших и вызывают их на свет.

Чтобы вызвать погибших, усопших из чрева сказочного животного необходимо развести ему пальцы (палы). Во многих мифах и сказках герои разводят пламя в чреве животного. *«В желудке кита он видит своих умерших родителей. Чтобы освободить себя, он возжигает большой костёр. Кит корчится от боли и плывёт к отмели. Через открытую пасть все выходят наружу вместе с лодкой»* [20, с. 235]. **В.Я. Пропп** пишет: *«В этом случае герой в рыбе видит своих умерших родителей. Это показывает, что он уже в рыбе попал в обитель мёртвых. В рыбе герой вообще иногда встречает много мёртвых и живых, проглоченных до него, и выводит их. Этот мотив мы здесь прослеживать не будем. Отметим только, что и русская сказка знает перенос героя в рыбу, знает разведение в рыбе костра...»* [Там же, с. 235]. Объяснить подобный мотив невозможно, если отождествлять сказочное существо с обычным животным и возводить представления о мире ином к обычной охотничьей или рыболовной практике. Есть все основания рассматривать

изначальный загробный мир в качестве рукотворной постройки, а также в качестве весьма выразительной моделирующей системы, сыгравшей огромную роль в становлении архитектуры, связанной с заупокойным культом.

Добраться до построек на лице матери, отца, сестёр, невесток младенцу трудно без посторонней помощи. Очень часто герой путешествует, оборотившись орлом, соколом. Так, например, *«Буря-богатырь ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец»* [Там же. № 136]. Таких примеров великое множество. Есть все основания рассматривать удар о Мать Землю как просьбу на руки, на естественные шкалы, пятаки, птахи, способные обернуть героя соколом и доставить к нужному лицу. *«Налетает птица орёл и овернула его сырой кожей, здынула его на золотую гору»* [25, № 49].

Смертельная боль, громоздящиеся друг на друга естественные шкалы (пальцы), должны были породить представление о сходящихся скалах, толкучих горах, запирающих, давящих людей. Из пересказа **А.Н. Афанасьева** следует, что «в том царстве есть две горы высокие, стоят они вместе, вплотную одна к другой прилегли». Эти горы периодически «расходятся, раздвигаются» [3, № 204, вариант 2].

«Горы-сети» (горсти), «хари-сети», скрывающие любимое лицо, породили представления о пребывании в горе, в хрустальных гробах, в которых спят «непробудным сном». По вполне объяснимым причинам **обе горы (гробы)** могут раскачиваться, летать и т. д., а *«спящие красавицы»* могут выходить из них целыми и невредимыми.

Слёзы, кровь (руда), смертельная боль должны была породить представление о пруде, ужасном болоте, в которое погружается тело несчастного, а также о водоёмах, отделяющих загробный мир от мира людей. Подобные представления встречаются у самых разных народов. Так, например,

«представление, что водоём, река, пруд, озеро — вход в царство мёртвых, держится в Греции очень прочно» [20, с. 265]. Аналогичные представления славян отражены в повести **Н. Гоголя** «Майская ночь, или утопленница», где красочно описан пруд с утопленницами. Каждое око способно породить океан солёной воды, которая переполнит долины (длани). В сказках проявляются самые сокровенные стороны моря-океана. Вот, например, с какой морской пучиной довелось повстречаться Василию Буслаевичу. *«Тут лежит морская пучина — вокруг глаза»* [3, № 311]. По вполне объяснимым причинам моря, реки, озёра, расположенные поверх и вокруг наших глаз, могут расступаться, а герои путешествовать по морю, как по суше.

Нет ничего удивительного в том, что моря и океаны традиционно играют огромную роль в мифологии, в лечебных заговорах самых разных народов, жизнь которых зачастую протекает вдалеке от больших водоёмов. Так, например, **Вяч. Иванов** и **В.Н. Топоров** в книге «Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)» пишут: *«В древних представлениях славян море играет особо значительную роль, которая прямо не выводима из его значения для древних славян, в частности праславян, обитавших в стороне от моря, и восточных славян, достигших морского побережья относительно поздно. Роль моря, в частности, в архаичных ритуальных текстах типа заговоров, можно объяснить, очевидно, сохранением весьма древних представлений, что подтверждается и целым рядом типологических сравнений, а также и непосредственным сопоставлением с данными других индоевропейских традиций»* [9, с. 113].

Естественное стремление зажать кровоточащую рану пястью, привело к тому, что море крови часто ассоциируется с пастью, жаждущей человеческой крови:

*Християнської крові в Чорне море впускали,
Стало Черне море кров християнської пожирати,
Стала на Чорним морі супротивная валечня
хвиля утихати* [Цит. 9, с. 115].

Изначальная связь мифического моря с мором подтверждается также представлениями, согласно которым море служит дорогой на «тот свет». Так, например, в русской народной сказке «Мудрая жена» из собрания **А.Н. Афанасьева** говорится: «... море расступилося, дорога открылася, дурак ступил раз-другой и очутился... на том свете» [3, № 216].

Под водой находят не только невест, но и сказочные царства, чертоги, дворцы. Путешествия в подводный мир, в моря крови, слёз крайне актуальны при диагностике. Такие путешествия познакомили человечество с масками, мускульными инструментами. Бряцающая на наших гидрах, гитарах, арфах, познакомивших человечество с основами арифметики, можно приводить естественные водоёмы и их обитателей в страшное волнение. **К. Леви-Строс** в своей книге «Путь масок» приводит версии мифа индейцев, обитающих в среднем и нижнем течении р. Фрезер. Главный герой в них — юноша, страдающий кожным заболеванием, которое сопровождается зловонием. Несчастный решает покончить с собой, бросившись в озеро. Нырнув, он оказывается на крыше некоего подводного жилища, обитатели которого страдают загадочным заболеванием. За то, что они его исцеляют, герой также их излечивает. Он женится и получает при этом маску, музыкальные инструменты. Вернувшись на землю, он встречает свою сестру и, приведя её к озеру, усаживается на берегу с удочкой. Она вылавливает водяных духов, которые, освободившись, уходят назад в озеро, оставив на берегу маску и музыкальный инструмент» [39, р. 44–47]. Увидеть первоздан-

ное **озеро** и нырнуть в него не сложнее, чем изобразить с помощью пальцев **зеро**. В тюркских языках кул `рука`, куль `озеро`. Связь подобных озёр, подобных масок, подобного инструментария, подобных водяных духов с исходными знаковыми системами, манифестирующими наши душевные состояния, не может быть опровергнута. Не может быть опровергнута и изначальная связь подводных жилищ, дворцов с медицинской практикой.

Пальцы (палы), ладошки, горячие слёзы, агония должны были породить представления о пламени, пожирающем человека при переходе в «мир иной», об «огненных реках», которые мертвецы преодолевает на плоту, лодочке и т. д. С этим поверьем связан широко распространённый обряд сожжения покойников на штабеле из поленьев перед путешествием через «реку смерти». Так, например, когда шли приготовления к похоронам, Ахиллесу явилась душа его убитого друга Патрокла, который обратился с просьбой достойным образом обеспечить ему переход в мир иной:

Спишь, Ахиллес! Неужели меня ты забвению предал?

Не был ко мне равнодушен к живому ты,

к мёртвому ль будешь?

О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!

Души, тени умерших меня от ворот его гонят

И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;

Тщетно скитаюсь я перед широковоротным Аидом.

Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих

Я не приду из Аида, тобою огню приобщённый!

[7, 23, 69–76].

Подобное погребение наблюдал на Волге в 922 г. арабский дипломат Ибн-Фадлан. Он оставил подробное описание всего длительного погребального ритуала и записал интересный диалог арабского переводчика с одним из русских

купцов. Когда только что разгорелось пламя грандиозного костра, поверх которого русы взгромоздили ладью с покойником, русский сказал арабу-переводчику: *«Вы, о, арабы, — глупы! Воистину вы берёте самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в землю, и съедают его прах и гнус и черви... А мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас»* [21, с. 83].

В обряде похорон руса, описанном *Ибн-Фадланом*, рассказывается о процессе заглядывания в «загробный мир», в котором участвует девушка, предназначенная в жертву. Для выполнения такой церемонии изготавливались большие деревянные ворота. Поднятая над воротами, девушка сказала, что она видит умерших отца с матерью, всех своих умерших родственников. Очевидно, что изначальное притворство родителей, побуждающее детей заглядывать за две руки, сыграло далеко не последнюю роль в генезисе подобного рода взглядов на загробный мир.

Ворота — универсальный символ, разграничивающий этот и иной миры, который встречается в мифологических системах у самых разных народов. Две руки являлись дверками в загробный мир, где традиционно младенцы обнаруживали заснувших мёртвым сном родичей, которые пребывают в обществе мифических предков, чудовищ. С этими дверками матери знакомят нас в первые месяцы нашего существования, поэтому есть все основания, что именно с руками связано становление таких архитектурных архетипов, как двери, ворота.

Наши естественные тенты, тенёта позволяют увидеть Танатоса, который в греческой мифологии является олицетворением смерти. В трагедии Еврипида воспроизведён миф о том, как Геракл отбил у Танатоса Алкестиду. Подобного

рода подвиги свойственны нам с младенческих лет и играют большую роль в процессе приобщения к сочувствию, сознанию, протомедицине.

Трёхсуставные пальцы (**тройки**) породили представления о **стройках**, знаковых постройках, манифестирующих наши настроения. Игнорируя рукотворный мир, рукотворные знаковые постройки невозможно постигнуть ни истоки медицины, ни истоки архитектуры. С руками связано не только ручное мышление, не только первые мысленные модели, но и первые рукотворные укрытия, ограды. Рукотворные укрытия играют огромную роль в диагностике и были, вне всякого сомнения,отрефлексированы в рамках врачебной деятельности. Они нашли детальное отражение в сказке, мифе. Сказочные сооружения, которые зачастую сооружаются в «мгновение ока», предельно архаичны, поскольку могут возводиться чисто рефлекторно. Они могут иметь ограду, над каждым столбом которой возвышается человеческая голова. Приложив ладони к лицу, можно реконструировать эту ограду (рис. 2) Самые разные расстройства могут побудить скрываться за подобной оградой. В пермской сказке поповская дочь в брачную ночь бьёт своего мужа поясом и говорит: *«Есь, говорит, у меня гулеван (любовник), на лице у него только онучи сушить, Харк Харкович, Солон Солонович, и тот лучше тебя!» (Безобразен жених!)* Потом она отдула шелковым поясом и сама убралась от ево». Муж отправляется её искать и узнаёт: *«Она у Харк Харковича, Солон Солоныча; у него вокруг дома тын, на каждой тынинке по человечьей головёнке»* [8, № 20]. Пропитанная солёными слезами маска (харя) из сдвоенных рук страдальцы проливает свет на имена Харк Харкович, Солон Солонович.

Сказочные сооружения могут поворачиваться по команде, что вполне естественно. Две руки, пальцы позволяют

воспроизводить сети, стены, плетни, палаты (итал. `палаццо`) в мгновение ока. Наши руки (греч. χείρ 'рука'), рукотворные маски (хари) легли в основу храмовой архитектуры. В первозданных храмах (рис. 5) до сих пор ищут успокоения, преклоняют головы горемыки. По вполне объяснимым причинам герои сказок могут оборачиваться в церкви, мечети и т. д. «Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича — старым попом, а сама сделалась ветхой церковью» [3, № 219]. «Только что он уехал, церковь оборотилась царевною...» [Там же. № 220]. В татарской сказке девушка говорит герою: «Ты стань мечетью, а я муэдзином стану и азан принесу» [28, № 3]. Игнорируя сказочные сооружения подобного рода, невозможно понять истоки архитектурных архетипов.

Чтобы увидеть стены, которые позволяют стенать и возводиться в мгновение ока, а также расступаться по команде, требуется исторический подход к истории архитектуры, к космогенезу. Не сложно заметить, что мифы о мироздании с жертвенными пурушами, имирами отражают практику, имеющую отношение к строительным технологиям, строительным жертвоприношениям. Пропasti, которые были заполнены телами первомладенцев, надо искать в пястях матери-земли.

Для младенца материнские руки, пальцы являются материками, плацами, паласами. Материнские длани, пяди позволяют увидеть первые долины, впадины, овраги, балки, а также первые строительные элементы (палки, балки), посредством которых возводятся первые плотины, оплоты, палаты. В татарском языке *беләк* — «рука от кисти до плеча». Таким образом, первые строительные материалы, конструкции, первые постройки были неразрывно связаны с человеческой плотью, опирались, покоились на человеческих плечах.

Анализ сказочной матрицы — естественной координатной системы, исходной формы брака показывает, что изначальными обитателями рукотворного строения были не только Мать Земля — Гея, баба-яга, но и представители мужского пола: хтонические существа, титаны, звероподобные мужья, похитители, людоеды, с которыми были вынуждены сражаться маленькие герои, проникая в титанические сооружения, жилища чудовищ, разбойников и людоедов. Эти сооружения детально описаны в сказках, мифах и дают представление о структуре первого математического аппарата, о характере первых геометрических построений. *«Приехали туда: стоит там дом, огромный такой»* [35, № 122]. По вполне понятным причинам большой дом часто располагается на высоких столбах (руках). *«Шли, шли, увидели: дом на столбах стоит высоких, дом преогромный»* [16, № 45]. *«А образов нет никаких, одни шишки еловые торчат»* [25, № 135]. Обнаружить эти шишки в таинственном доме достаточно просто, если вспомнить про естественную единицу измерения — шиш.

Сеть у раны породила представления о струнах, а также о стенах, снабжённых струнами, которые начинают звучать, стенать при малейшем прикосновении к стене. В русских сказках регулярно упоминаются подобного рода стены, а сказочных героев, пытающихся проникнуть за ограду, заранее предупреждают, что «на стенах натянуты струны, и ежели ты заденешь хоть одну струну, то вдруг струны запоют, барабаны забьют, возмутятся все богатыри и караульные и тебя убьют» [3, № 373]. Наивно полагать, что подобного рода сигнализация, подобного рода стены не были известны уже первым приматам, которые попытались ввести в культуру врачевание. Всё это свидетельствует не только о глубокой

древности сказочной образности, но и о глубокой древности архитектурных архетипов.

В книге «Магия, наука и религия» приводится туземный миф, согласно которому в загробном мире *«человек стареет, покрывается морщинами; а затем он омолаживается, сбрасывая кожу. Точно также делали люди в первобытные времена, когда они жили под землёй. Когда они впервые вышли на поверхность, то ещё не утратили этой способности; мужчины и женщины могли вечно оставаться молодыми»* [12, с. 124]. Есть все основания полагать, что роль ужасных морщин, покрывающих лицо в загробном мире, играли пальцы, прикрывающие лицо. Со временем эти морщины трансформировались в море синее, которое может расступаться, а также возникать посредством взмахов рук, утирок.

Пальцевой счёт посредством естественных штырей, штырьков позволяет увидеть живую старину: рогатых сатиров, мифических стариков и старух. Так, например, щепоть позволяет увидеть, нащупать трёх старух-грай из греческой мифологии, у которых на троих один глаз, один зуб, которыми они могут обмениваться. Последовательно касаясь большим пальцем (зубом в пасти-пясти) голов этих старух (подбивая бабки), мы не просто перемещаем глаз, но и подсчитываем очки.

Аналогично можно реконструировать и образы мифических прях (парок), которые прядут нить жизни. Более того, на ладони мы можем увидеть и нить жизни, обрыв которой символизирует нашу смерть. Показать её сможет любой хиромант.

В мифах естественная координатная система (рис. 1) фигурирует под разными названиями. Так, например, она известна как «ящик Пандоры». Этот ящик создан нашими бо-

жествами. Посредством его манифестируются самые разные горести, напасти.

Естественная система координат, врачебная практика породили представления и о «лабиринте» — подземелье, и о сказочной библиотеке — «либереи» (от лат. liber – книга), которая хранится в таинственной пещере, за семью печатями. Во многих сказках подробно описано, как герои попадают в эту библиотеку и набираются в ней знаний.

3.3. Отражение архитектурных архетипов и исходных форм бытия в мифологизированном обряде

В своей работе «Исторические корни волшебной сказки» **В. Пропп** вслед за **Д. Фрезером**, **П. Сентивом**, **С.Я. Лурье** попытался связать истоки волшебной сказки с мифологизированными обрядами и обычаями. Для доказательства этой связи он привлёк обширный этнографический материал. Чаще всего он обращается к обрядам инициации, которые практикуются в первобытных обществах охотничьими союзами. При этом он вынужден констатировать, что сама природа большинства этих обрядов до сих пор не имеет однозначного толкования у исследователей. Так, например, издревле был широко распространён обряд инициации, во время которого посвящаемый пролезал через сооружение, выполненное в форме огромного животного. При этом он как бы переваривался в чреве животного и извергался искушённым в тайнах, которые делают человека человеком. **А.Р. Радклифф-Браун** в своей книге «Миф о радуге-змее на юго-востоке Австралии» сообщает, что в Австралии огромную змею, используемую для подобных целей, имитировало высохшее русло реки или навес, а впереди ставился раско-

лотый кусок дерева, изображающий пасть [40, р. 344]. Для совершения этого обряда иногда выстраивались специальные помещения, имеющие форму животного, причём дверь этого помещения представляла собой пасть. Тут же производилось обрезание, причём в качестве пуповины служили крайняя плоть или палец посвящаемого. **В. Пропп** вынужден констатировать: *«Чтобы приобщиться к тотемному животному, стать им и тем самым вступить в тотемный род, нужно быть съеденным тотемным животным»* [Там же. С. 197]. Природа подобного рода обрядов до сих пор представляет загадку для исследователей. **В. Пропп** пишет по поводу такого обряда, что ему *«неясны побудительные причины его, не ясно, что собственно заставило производить этот обряд, чего ожидали от его выполнения, не ясны исторические основы его»* [20, с. 227].

Очевидно, что эти обряды являются формой показа (сказа, сказки), но более поздней по сравнению с жестовой сказкой, поскольку в обрядах используется чуждая младенчеству атрибутика, а не естественная среда обитания младенцев — материнские руки. Знакомство с этими обрядами также подтверждает фундаментальную роль материнских рук (тотемных существ) в становлении архитектурных архетипов.

Поглощение младенца родительскими пястями (пастями), его пребывание в пастях тотемных животных, его пестование тотемами издревле символизировало воспитание, приобщение к тотему, предкам, поэтому во время инициаций, воспроизводивших начальные времена, воспроизводилось пожирание мальчика или юноши мифическим животным. Предполагалось, что именно во время пребывания в чреве животного посвящаемый приобщался к тотему, познаёт его структуру, его потенции, осваивает нормы обще-

жития. После выхаркивания или извержения он становился полноправным членом общества.

Родительские пальцы (палы), родительская опека послужили основой обрядов, во время которых мальчиков опаляли. Для манифестации этого процесса мальчиков помещали на символический костёр или в символический очаг и символически сжигали, варили, жарили. После такой «опеки» он становился полноценным членом общества. **Ф.Д. Гиллен** и **У.Б. Спенсер** в своём классическом труде «Туземные племена Центральной Австралии» (1899) сообщают о подобном обряде у австралийцев. Обряд, описанный ими, длился много дней и напоминал собой спектакль. Для проведения обряда в земле выкапывлось углубление такого размера, чтобы в нём могло поместиться тело взрослого человека. Это и есть «печь», в которой должен быть поджарен неофит. После того, как неофит был уложен в печь, у его головы и ног размещались два представителя мужского пола, каждый из которых начинал делать вид, что поливает неофита и обкладывает его углями. При этом они подражали звукам поджариваемого мяса. В данном случае обряд имел гуманную форму. Существовали и жестокие формы этого обряда. Юношей держали по несколько минут на действительном огне. Для этого разжигали огромный огонь. Мужчины приказывали мальчикам присесть к нему. Взрослые мужчины располагались в несколько рядов вокруг неофитов. Внезапно они хватали мальчиков и держали их так близко к огню, что у несчастных оказывались опалёнными все волосы на теле.

Обряд в Виктории описывается так: *«Сильный огонь, зажженный в предыдущую ночь, к этому времени уже сгорал, так что он содержал только золу и тлеющие огоньки. Над огнём держат шкуру опоссума, и на неё лопатами насыпают угли и золу. Юноши проходят под шкурой, и их осыпают*

углями и золой» [Цит. по: 20, с. 99]. В этом обряде подчёркнуто, что изначальная опека осуществлялась посредством чрева животного. Во всех случаях считалось, что такая опека ведёт к величайшему благу: к появлению тех способностей, которые делают человека полноценным членом общества.

Обряд инициации зачастую воспроизводил прозрение, просвещение, которыми мы обязаны родительским рукам. Для этих целей производится предварительное временное ослепление неофитов с использованием повязок, растворов и последующее отверзание глаз.

Посредством тотемных существ (родительских рук) мы учимся общаться, поэтому имитация пребывания в чреве тотемных существ часто сопровождается имитацией отверзания уст, чему предшествует искусственная немота неофита — запрет слова.

Младенцам не свойственно соблюдение правил гигиены. В первобытных условиях они вынуждены ползать по земле, поэтому их руки часто оказываются вымазанными в грязи, золе, кале. Только побывав в пясти-пасти родителей, младенец может очиститься от грязи. Мотив неумыйки регулярно встречается в сказках, в которых золушки становятся красавицами только после встречи с добрыми феями. Воспроизводство младенчества должно было породить обряды, воспроизводящие состояние неумытости или приобретения белого цвета.

Ссылаясь на *Г. Шульца, В. Пропп* пишет: *«запрет умываться не только часто встречается в обряде, но и практически составляет его неизменный момент. Он продолжается во время пребывания неофитов в заповеднике 30 дней, 100 дней, 5 месяцев и т. д. Посвящаемый не только не умывался, но и обмазывался золой. Это обмазывание очень существенно: неумывание связано с обмазыванием или сажей или гли-*

ной, т.е. с окраской собственно в чёрный или белый цвет» [Там же. С. 134].

Младенец своими испражнениями склонен пачкать мамашу, ухаживающую за ним. По этой причине посвящаемого не только мазали грязью, но и могли побуждать его ходить по селению несколько дней и ночей, бросая грязью в сторону женщин. Наконец он передавался женщинам, которые его мыли и плясали перед ним.

Мы не помним своего пребывания в пастях животных-предков (родительских руках). Это породило обет молчания, который должен соблюдать неопит, покинувший «чрево» мифического существа. **В. Пропп** пишет: *«Возвращающийся должен хранить глубокое молчание обо всём, что он видел и слышал»* [Там же. С. 139].

Сказочная матрица, состоящая из двух пястей-пастей, из которых одна прикрывает другую, породила представление об биоморфной избушке, в которой обитает голова животного, тотемного предка, обитателя подземного мира, мертвеца. Именно эта голова играет решающую роль при обучении диагностике, поскольку именно она непосредственно соприкасается с больным органом и охраняет доступ к нему. Она играет также важную роль при поднесении даров. Мотив мёртвой, благодарной головы, благодарного животного нашёл яркое отражение в сказке и мифологизированных обрядах. Так, например, в сказке о кобылячьей голове, которая встречается в русском, украинском и белорусском фольклорном материале, старик отводит дочку в избушку на курьей ножке, в которой обитает кобылячья голова. Есть все основания считать, что эта голова получила своё название от больного места, на котором она обитала. Кобылячья голова побудила героиню пробраться в неё через ухо. Всё это объяснимо в рамках диагностической практики.

Приобщение младенцев к рукотворным постройкам, символизирующим настроение, привело к появлению соответствующих построек во время мифологизированных обрядов. **В. Пропп** по поводу такого рода построек пишет: *«Избушка, хатка или шалаи -- такая же постоянная черта обряда, как и лес. Эта избушка находилась в глубине леса, в глухом и секретном месте. Иногда она специально выстраивалась для этой цели, нередко это делали сами неофиты. Кроме расположения в лесу, можно отметить еще несколько типичных черт ее: она часто имеет вид животного. Особенно часто имеют животный вид двери. Далее, она обнесена забором. На этих заборах иногда выставлены черепа»* [Там же. С. 155-156]. Игнорируя природу археологических архетипов, постигнуть смысл таких построек не представляется возможным.

Выводы

Обращение к исходным формам приобщения младенцев к сознательной заботе о своём и чужом здоровье, которые практикуют матери с первых месяцев жизни своих чад, позволяет увидеть первое рукотворное помещение, которое подлежит изначальному осмыслению и выступает в качестве универсальной геометрической модели пространства: координатной системы (рукотворного универсума). Геометрическое моделирование сыграло фундаментальную роль в становлении ручного мышления, языка жестов, медицинской семиотики, медицинской топографии, на базе которых возник и язык архитектуры, и язык чувств, позволившие сформулировать строительную задачу и наметить пути её решения путём манифестации архитектурных архетипов — жестовых моделей будущих построек. Архитектурные архетипы, их связь с медицинской практикой нашли детальное отражение в волшебной сказке и мифе.

Список литературы

1. Азербайджанские сказки. — Баку: Азернишар, 1947. — 340 с.
2. *Аполлотор*. Мифологическая библиотека / пер. с древнегреч. В.Г. Боруховича. — М.: АСТ: Астрель, 2004. — 350 с.
3. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1986.
4. *Боас Ф.* Ум первобытного человека. — М.- Л.: Гос. изд-во, 1926. — 153 с.
5. *Буслаев Ф.* Славянские сказки // Ф. Буслаев Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. — СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. — Т. 1. — С. 308-354.
6. Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. — М.: Наука, 1964. — 301 с.
7. *Гомер*. Илиада. — М.: Правда, 1984. — 432 с.
8. *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Пермской губернии // Зап. Рус. геогр. общ-ва по отд. этногр. — Пг: Тип. Орлова А.В., 1914. — Т. 41. — 656 с.
9. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). — М.: Наука, 1963. — 245 с.
10. *Красножёнова М.В.* Сказки Красноярского края. — Л.: Гослитиздат, 1937. — 294 с.
11. *Левинтон Г.А.* Священный брак // МНМ. — М.: Сов. энцикл., 1992. — Т. 2. — С. 422-433.
12. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия / пер. с англ. — М.: Рефл-бук, 1998. — 527 с.
13. Мифология древнего мира / пер. с англ.— М.: Наука, 1977. — 456 с.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энцикл., 1991-1992.

15. *Новиков В.Н.* Образы восточнославянской волшебной сказки. — М.: Наука, 1974. — 256 с.
16. *Ончуков Н.Е.* Северные сказки // Зап. Рус. геогр. общ. об-ва по отд. этногр. — М., 1908. — Т. 33. — 646 с.
17. *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. — Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003. — 463 с.
18. *Потанин Г.Н.* Тунгуско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. — СПб: Тип. А.С. Суворина, 1893. — 470 с.
19. *Пропи В.Я.* Фольклор и действительность // Фольклор и действительность. — М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1976. — С. 83-115.
20. *Пропи В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во Ленинг. ун-та, 1986. — 368 с.
21. Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на Волгу / пер. с араб. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — 193 с.
22. *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 4. Сказки космогонические и культурные. — Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1891. — 220 с.
23. *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края // Зап. Рус. геогр. об-ва по отд. этногр. — СПб.: Тип. Мин-ва внут. дел, 1884. — Т. 12. — 388 с.
24. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974. — 766 с.
25. *Смирнов А.М.* Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества // Зап. Рус. геогр. об-ва по отд. этногр. — 1917. — Т. XLIV. — Вып 1-2.
26. *Соколов Б., Соколов Ю.* Сказки и песни Белозёрского края. — М.: Отд. рус. яз. и слов. имп. АН, 1915. — 666 с.
27. *Соколова В.К.* Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография.

Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — Л.; Наука, 1977. — С. 188-195.

28. Татарское народное творчество: В 14 т. — Казань: Раннур, 2001. — Т.2. — 400 с. (Волшебные сказки).

29. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 862 с.

30. Толкиен Дж.Р. О волшебных историях // Дерево и лист. — М.: Прогресс; Гносис, 1991. — С. 10-111.

31. Толстой Л.Н. Что такое искусство // Л.Н. Толстой. Собр. соч.: В 20 т. — М.: Худож. лит., 1964. — Т. 15. — С. 44-242.

32. Турецкие народные сказки. — М.: Литиздат, 1939. — 612 с.

33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1964-1973. — Т.1-4.

34. Хайдеггер М. Путь к языку // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1983. — С. 279-273.

35. Худяков И.А. Великорусские сказки. — М.: Изд. К. Солатенко и Щепкин, 1860-1862. — Вып. 1-3.

36. Этинген Л.Е. Мифологическая анатомия. Изд. 2-е, доп. — М.: Инст. общегуманит. исслед., 2009. — 528.

37. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит. — М.: Наука, 1987. — 526 с.

38. Frobenius L. Die Weltanschauung der Naturvolker. — Weimar: E. Felber, 1898. — 427 p.

39. Lévi-Strauss C. La voie des masques. — Genève: A. Skira 1975. — V. I. — 142 p.

40. Radcliff-Brown A.R. The rainbow-serpent myth in South-East Australia // Oceania. 1930. — Vol. I. — № 3. — 440 p.

Глава 4

ИЗМЕРЕНИЕ, ОЦИФРОВКА И СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПЕРВОГО УКРЫТИЯ

4.1. Изначальная связь численных методов с телесными структурами и построениями

Истоки счёта неразрывно связаны с нашей конституцией, а также с медицинской семиотикой. Не следует удивляться тому, что магия чисел глубоко укоренена в традиционном сознании. Существует глубокая вера, что число может оказывать влияние на судьбу человека. Существуют также специальные заговоры, помогающие нейтрализовать негативное воздействие чисел. Не только «чертова дюжина» в дате рождения может быть опасна. Негативное влияние оказывают также цифры 6, 8 и 0. Крайне негативно воспринимается число зверя — 666. Для снятия негативного влияния каждого из упомянутых чисел существуют специальные заговоры, сопровождающиеся специальными обрядами.

Для того чтобы пролить свет на истоки счёта, на первые числа, исследователи практикуют изучение языка, народных преданий, песен, считалок, которые сохранили многое из того, что связано с истоками математики. Ценную информацию даёт также наблюдение за детьми, когда они учатся го-

ворить и считать, поскольку ребёнок в ходе культурогенеза как бы повторяет пройденные человечеством шаги. Особый интерес придаётся данным, полученным в ходе изучения языка, счёта у первобытных народов. Вместе с тем до сих пор игнорируются математические операции, лежащие в основе медицинской семиотики, медицинской топографии. Игнорируя смертные муки, наложение рук, сведение счётов с жизнью и другие рукотворные постройки, отражающие наши внутренние состояния, невозможно постигнуть истоки счёта, его изначальную связь с медициной, с осмыслением человеческой телесности. Хотя пальцевой счёт непосредственно связан с осмыслением и описанием телесности, измерением органов, историки предпочитают гадать о причинах, которые побудили наших предков ввести в культуру число. Всё это побуждает раскрыть в деталях связь врачебной практики с оцифровкой рукотворного универсума — исходного человеческого укрытия, исходной рукотворной постройки.

Не секрет, что изначальное для счёта использовались естественные органы. Это нашло отражение даже во вторичном (звуковом) языке. Так, например, в татарском языке сан `число`, `количество`; сан `член`, `часть тела` и т. д. [15, с. 467]. Не может вызывать сомнений, что именно пальцы (палы) были первыми счётными «пал-очками». Исследователи единодушны в том, что жестовый счёт, жестовое представление числа наиболее архаичны. Множество племён и народов издревле пользуется десятичной системой счёта. Они считают единицами до десяти, десятками — до сотни, сотнями — до тысячи и т. д. Откуда такое предпочтение десятке? Есть все основания считать, что отвлечённый счёт возник из предметного, наглядного, а что может более доступным для счёта, чем пальцы. Дети, когда учатся считать,

обычно прибегают к помощи пальцев рук. При счёте они последовательно пригибают один палец за другим, или же, предварительно прижав все пальцы к ладони, поочерёдно разгибают их. То же самое часто делают и взрослые. Когда нечто может быть сосчитано легко, мы говорим, что «это можно сосчитать по пальцам». Многие первобытные племена до сих пор широко используют счёт на пальцах. Несколько тысячелетий назад так считали и цивилизованные народы: вавилоняне, египтяне, китайцы, даже греки и римляне.

Проницательные исследователи даже истоки письменности связывают с пальцевым счётом. Так, например, **В.В. Иванов** в своей книге «Чёт и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем» пишет: *«Есть основания видеть ранние следы пальцевого счета и в самой ранней иероглифической «письменности» человечества — знаках и зарубках, сделанных ещё в каменном веке»* [6, с. 67]. Самое раннее свидетельство записи чисел посредством зарубок найдено при раскопках в Свазиленде (Южная Африка). Это малоберцовая кость бабуина с двадцатью девятью пометками, относящаяся к 35-му тысячелетию до нашей эры. Она напоминает календарные палочки, которые до сих пор используются в Намибии. Эти палочки позволяют фиксировать ход времени. В Западной Европе также были найдены кости неолитического периода. На лучевую кость предплечья волка, найденную в Чешской Республике и датированную 30-м тысячелетием до нашей эры, нанесено пятьдесят пять меток, разбитых на два ряда из пяти групп. Исследователи не сомневаются, что в данном случае речь идёт о фиксации количества. Детальный анализ этих знаков, сделанный **Б.А. Фроловым**, привел его к выводу, что в них особенно выделяются группы по 5 и 10 знаков, следовательно, с помощью таких зарубок человек фиксировал результаты сосчитанного по пальцам [18, с. 116].

Тот факт, что счет на пальцах у всех первобытных народов предшествует именам числительным устной речи, подтверждает и происхождение самих числительных. Во многих языках, например в африканских (зулусский и другие языки банту), числительные обозначают только действия над пальцами рук. Таким образом, «ручные понятия» были необходимы для первобытной арифметики у всех народов, и без них они не мыслили арифметику.

Древний счёт посредством пальцев наложил неизгладимую печать на системы счисления, практикуемые во всех человеческих сообществах. Касаясь большим пальцем подушечек четырёх смежных пальцев, можно пролить свет на природу троичной, 4-ричной и 12-ричной систем, а количество пальцев на руке проливает свет на природу 5-ричной системы. Использование суставов руки при счёте позволяет пролить свет и на 60-ричную систему счисления. Она получается, если пальцы одной руки использовать для счёта до 12-ти, а пальцы другой руки использовать для обозначения единиц более высокого разряда. Таким способом удаётся зафиксировать 5 12-ричных циклов — 60.

Следы 12-ричной и 60-ричной систем счисления сохранились до нашего времени. Стоит вспомнить счёт дюжинами, счёт часов в сутках, измерение углов градусами, минутами и секундами.

Надо сказать, что словесный счёт отнюдь не обеспечил себе безраздельное господство, причём не только у детей. *«Удивительна склонность индейцев и негров не довольствоваться одним словесным счётом, а всячески дополнять выразительными жестами. Говоря “шесть”, они протягивают 6 пальцев. Дойдя до 20, они расставляют ноги, вытягивают руки и растопыривают пальцы. Зулусы в Южной Африке пользуются очень похожим обычаем. Они обходятся без ног*

и ведут расчёты на одних руках» [2, с. 5]. Словесный счёт не может устроить и цивилизованных людей, которые предпочитают производить вычисления молча, используя графику, различного рода счётные устройства.

Число играет большую роль в мифологических системах и зачастую олицетворяется: троица, патеры, пенаты и т. д. **Д.Я. Стройк** в своей книге «Краткий очерк по истории математики» пишет: *«Современная “нумерология” — пережиток магических обрядов, восходящих к неолитической, а может быть, даже к палеолитической эпохе»* [12, с. 28]. Традиционные взгляды на природу чисел наука склонна рассматривать как числовые суеверия. По поводу этих суеверий автор книги «Математика и суеверия» **Е.М. Чистякова** пишет: *«Числовые суеверия обычно заключаются в том, что приписывают числам некоторые символические отношения между числами, с одной стороны, и божественными личностями — с другой. Числовая мистика подобного рода проходит через всю историю человеческой культуры, вплоть до наших дней, и используется служителями культа для пропаганды религиозных взглядов»* [19, с. 5]. Между тем изначальная связь «подателей всех благ» с числовыми рядами достаточно очевидна (рис. 19), поэтому к беспочвенным суевериям следует отнести попытки отрицать изначальную связь чисел и божественных архитекторов, воспроизводящих первые заслоны, первые убежища.

Следует заметить, что наказом, наказанием изначально назывался показ, показания, осуществляемые посредством языка жестов. Божества, которые изначальны имели звероподобный вид, могли манифестировать зверскую боль посредством погружения больного места в координатную систему, поэтому их способность наказывать (показывать), судить, участвовать в «страшном суде» (диагнозе, прогнозе)

и судьбе не может вызывать сомнений. Существует великое множество древних изображений, отразивших присутствие антропоморфных животных во время страшного суда. Так, например, различные животные присутствуют на суде Осириса (рис. 42).

При раскопках Ниневийской библиотеки в долине Тигра и Евфрата были обнаружены памятники древней шумерской культуры, относящиеся ко времени примерно за 2400 лет до нашей эры. Среди них учёные нашли табличку, на которой имена шестидесяти богов были обозначены числами от единицы до шестидесяти. Отдельно от имен богов был помещён список добрых и злых духов, причём для обозначения их имен применялись, по всей вероятности, дробы. Даже понятие числа было обожествлено шумерскими жрецами. Число, согласно их определению, — тайна, которую божество Эа поверяет своему сыну [Там же. С. 6]. Надо сказать, что

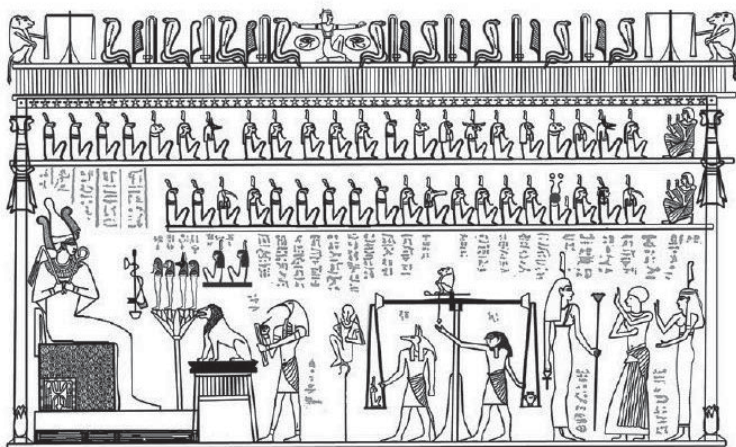

Рис. 42. Суд Осириса (схема древнеегипетского изображения на папирусе; VI в. до н. э., «Книга мёртвых»; музей «Эрмитаж», г. Санкт-Петербург, Россия)

божественные патроны (пятерни) до сих пор играют фундаментальную роль в ходе приобщения к счёту.

Исходные математические структуры, позволяющие предельно наглядно выражать наши душевные состояния, должны были породить представления о духах, душах, которые издревле были единицами счёта, позволявшими говорить о количестве душ. Эти души делились на части по'душечками на пальцах и позволяли душевно общаться.

Наши естественные сети могут не только сеять, но и веять, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно они породили представления об ароматах (англ. *argm* 'рука'), духах, целые армии которых могут проноситься по воздуху, нападать на несчастных. Души, духи в мифологизированном сознании активны, наблюдаемы, материальны. Изначально душа могла трудиться, а дух мог захватывать. Это было очевидно всякому, кто пытался разобраться в чужих горестях (горстях), «лезть в чужую душу». Душа может крепко держаться за тело, отходить от него. У человека две руки, два выбора душ (единиц). Эти выборы, эти фибры могут вибрировать (фибрилировать).

Предсмертная агония (сведение счётов с жизнью) весьма наглядно манифестирует как души (единицы счёта) превращаются в дуги — злобных духов. Эти «душманы» начинают захватывать, терзать брненное тело. **Э.Б. Тайлор** в книге «Миф и обряд в первобытной культуре» пишет: *«Племена Конго подобным же образом полагают, что болезни и смерть причиняются душами умерших, превращающихся в могущественных духов»* [13, с. 322].

Чисто лингвистически можно показать, что представления о душе неразрывно связаны с оцифровкой исходной координатной сети (матрицы), с нашими исходными единицами (соло, коло, кольцами), количественными представле-

ниями, порождёнными извивами души (согнутыми в дуги пальцами), жёстами боли и отчаяния. Так, например, англ. soul `душа`, лат. spira `изгиб`, `извив`, spiritus `душа`; нем. Geist `дух`, санск. hasta `жест`.

Души, духи издревле подверглись членению при счёте на дюжину составляющих, позволяющих нам «сдюжить». Обнаружить эту дюжину можно касаясь большим пальцем суставов четырёх смежных пальцев. Врачебная практика породила представление о «добрых» и «злых» духах (джинах). Обнаружить на руке джина, не сложнее, чем дюжину. Для вызывания джинов можно использовать вместо лампы Аладдина ладони. По вполне объяснимым причинам добрые джины в сказках транспортируют героев, всё делают за них. Все духи, все души на руках назывались изначально воздухом (воздушными), поэтому души изначально имели воздушную природу, что не мешало им быть весомыми, зримыми.

Без путешествий в «страну духов» невозможно представить врачебную практику, поэтому и каждый врач бесконечное количество раз встречался с масками смерти, лез в чужую душу, анализировал её извивы. Не только врачеватели, но и каждый читающий эти строки с детства знаком с джинами, дугами, духами, которые скрывают любимые лица и побуждают нас вступать с ними в борьбу, пользоваться их услугами.

Наша естественная сетка позволяет воочию увидеть Стикс — греческое божество одноимённой реки в царстве мёртвых. Первозданные маски (хари) позволяют предельно наглядно продемонстрировать Харона, который на своей утлой лодочке (ладошке) перевозит души покойников через Ахерон. Позволяют они увидеть и Ноя, и его ковчег (ковшик), где каждой твари по паре (рис. 43). Две руки позволяют весьма наглядно продемонстрировать двух коз, двух вол-

ков, двух зайцев и т. д., которые прекрасно уживаются в этой древней обители.

С всемирными потопами, с загробным миром были хорошо знакомы уже первые эскулапы, которые блуждали в потёмках по елисейским полям, образованным координатной сетью. Следует заметить, что в тюркских языках ел 'рука'; еле 'просеивать, процеживать'; елес 'силует, неясные очертания' [11].

Тюркские языки позволяют с математической строгостью реконструировать природу мифического бестиария, пролить свет на природу одержимости бесами, бешенства. Дело в том, что в тюркских языках *бәш* (~*бә:s) 'пять'. Наши пятерни (бесы) действительно способны хватать и удерживать. В болезненном состоянии это происходит чисто рефлекторно, что свидетельствует о глубокой древности одержимости, бесноватости. По мнению **Э.Б. Тайлора**, представление дикарей об одержимости бесами — *«представление, существовавшее с незапамятных времён и остающееся до сих пор у примитивных сообществ преобладающей теорией причины болезней и вдохновлённого состояния. В основе его, очевидно, лежит анимистическое объяснение действительных болезненных симптомов, являющееся вполне непосредственным и рациональным на соответствующем этапе истории развития человека. Учение о духах болезней занимает наиболее обширное, важное*

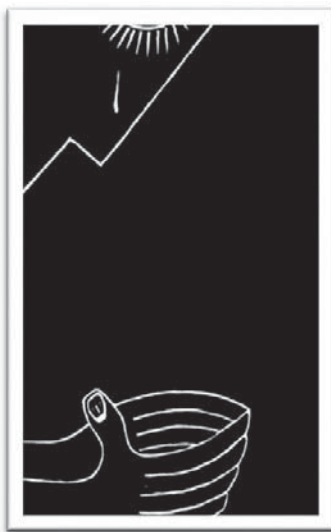

Рис. 43. Ноев ковчег
(реконструкция
В.А. Воронцова)

и постоянное место в период первобытной культуры. Если мы получим ясное представление об этом учении в первобытном обществе, то отсюда нам уже легко будет проследить, как оно разрушилось под влиянием новых медицинских знаний, как время от времени возрождалось снова и как, наконец, пережитки его дошли до нашего времени» [13, с. 320].

Дути, духи, души, подушечки позволяют демонстрировать не только целые единицы, но и дроби, поэтому математической табличке из Ниневийской библиотеки, связывающей дроби с духами, следует верить. Не следует верить тем, кто отрицает наличие строгой логики в традиционных учениях, а также способности духов, бесов нападать на человека и непрерывно беспокоить его. Вполне рациональны и многие традиционные способы борьбы с духами, бесами, например, путём их отвлечения от тела жертвы. Русский народ для обозначения детских заболеваний изобрёл особых духов и полагал, что если ребёнок беспокоится и не спит по ночам, значит, к нему пристала «полуношница» или «полуношник». *«Для лечения полуношницы кладут в люльку к мальчику игрушечный лучёк, а девочке — маленькую пряслицу (прялку), с наговорами: “вот тебе полуношница — щебетунья, дело и работа, а ребёнка не шевели ни во дни, ни в ночи, ни в какие часы”» [10, с. 309–310].* Занятая делом «щебетунья» (щепоть) перестаёт щипать, чесать и ребёнок успокаивается. Духов, которые не дают покоя взрослым, занимают другим способом: подсовывают им карты, выпивку и т. д. Следует заметить, что бесы большие любители играть в карты.

Надо сказать, что духи чисто рефлекторно нападают на нас не только при болезни, но и когда мы хотим до упаду. Они хватают нас за грудь, за живот, за лицо. Юмор (умора) внешне сходен с мором.

Язык, сказки и мифы связывают истоки численных методов с духовными процессами, а не с обработкой камня, бронзы, железа. Оцифровка исходных геометрических структур неразрывно связана с верой в духов, с анимизмом. Пальцевой счёт играет большую роль в мифологических системах. Нумерация изначально была связана с геометрическими структурами (мерными сетками) и служила для беззвучного или звукового обозначения их элементов, выступавших в рукотворном универсуме в качестве кумиров, духов и других божественных сущностей. Смертельная боль, попытки её умерить посредством рукотворных укрытий — естественных терапевтических средств породили представление об измерении, а кровавые отпечатки — представления о первых шифрах, цифрах, непосредственно связанных с рукотворным миром, игнорируя который невозможно разобраться не только в истоках в истоках математики, медицины, но и в истоках архитектуры.

Сведение счётов с жизнью, наложение рук, маска смерти породили представление о связи счёта со смертью, с переходом в «иной мир». Самое раннее упоминание счета на пальцах в магическом значении содержится в древнеегипетском заклинании для получения перехода в загробный мир. Умерший царь уговаривает перевозчика (подобного греческому Харону) дать ему переправиться на восточную сторону канала в потустороннем мире. На это перевозчик ему говорит: «Величественный бог на другой стороне скажет: не привел ли ты мне человека, который не может сосчитать свои пальцы?». Но царь в ответ читает стихотворение, каждая из строк которого соответствует одному из пальцев, расположенных в соответствии с египетским счетом [21].

Наши естественные меры, кумиры, шефы, шифры могут не только соотноситься с определёнными числами, но

и выступать в качестве исходных цифр, которые можно обнаружить в чудесных книгах. Так, например, римские цифры — не что иное, как изображение пальцев. Римские цифры, изображающие один, два, три и четыре, в точности похожи на выпрямленные пальцы. Изображение числа пять выглядит как раскрытая ладонь с оттопыренным большим пальцем, а цифра десять это две скрещенные руки.

Если мы вспомним про чудесные книги, про сокровенную печать, про наливающиеся кровью буквы, про сетки-стихи, соло-слова, то неизбежно придём к выводу, что нумерация изначально связана с попытками умерить боль. Число окровавленных суставов изначально считывалось с ладони, поскольку являлось естественной цифрой, естественным словом. В «Этимологическом словаре русского языка» **М. Фасмера**, слово число производится из праславянского «*čit-clo, родственного читать» [17]. Игнорируя жестовое число-слово, невозможно понять, каким образом оно породило исходную меру, исходный мир. Между тем, исходное число-слово способны пролить свет на многие тайны, связанные с истоками архитектуры.

4.2. Структурирование рукотворного универсума посредством счёта

В.Н. Топоров в статье «Числа» пишет: «В архаичных традициях Ч. могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, “космизирующее значение”. Тем самым Ч. становились образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [16, с. 629]. Связь чисел с исходными мерами, мирами, кумирами более чем очевидна. Тамильский поэт VII в. **Ан-**

пар, который наверняка знал традиционный язык жестов, писал о Шиве: «Он число и цифра для числа» [Цит. по 16, с. 630]. Космические катастрофы, гибель кумиров происходят при счёте (загибании пальцев), а также при манифестации болезненного состояния. Манифестируя результаты счёта, мы выпрямляем пальцы, что может рассматриваться как воспроизведение космического порядка.

Пясти (пасти), сказочная матрица породили представления о многоэтажном небе (нёбе), «небесах обетованных», а также о «небожителях». Касаясь кончиком большого пальца подушечек четырёх пальцев, мы можем познакомиться не только с 12 мышцами, но и с 12 сказочными месяцами, которые могут накормить и обогреть, а также сурово наказать. Раздвинув пальцы (палы) на ладонях, мы можем увидеть бесплотных пламенных ангелов. Эти божьи вестники обитают в сети, посредством которой изначально передавались божественные вести.

Угодить пальцем в нёбо, в первозданные палаты (лат. *palatum* 'нёбо'), которые историки архитектуры традиционно игнорируют, можно при счёте на пальцах, а также при диагностике. В сказках богатыри часто забрасывают палицы в небо. Так, например, в сказке «Иван Попялов» герой подкидывает палицу в гору и через сутки ловит её, подставив свой лоб. Аналогично он поступает со второй и третьей палицей [1, № 135]. Такое вполне возможно при подсчёте суток или дней на пальцах, с которыми связаны исходные представления о палицах (бактериях), богатырях. Соотнести Попялова логично с крайним суставом большого пальца (пала). Именно он склонен ловить палицы на свою голову при счёте на пальцах. Сказочные герои не только забрасывают палицы в небо (нёбо), но и сами залезают на него, а также наедаются там.

Ладони (долони, длани) матери являются первыми долинами, которые мы не только изначально обживаем, но и изначально осмысливаем. Это осмысление происходит в процессе приобщения к протомедицине. Есть все основания считать, что именно они породили представления о длине. Также есть серьёзные основания считать, что **серия** из четырёх пальцев руки породила представление о **шири**. **Ширь жмени** со временем трансформировалась в **ширь земную**, Мать — Сыру Землю. Следует заметить, что в казахском языке *сере* «мера (толщины), равная ширине слегка раздвинутых четырёх пальцев» [7, с. 299]. В том, что исходные долины, доли самой природой поделены на доли и имеют картографическую сетку, нет оснований сомневаться. Есть все основания полагать, что сказочные представители мужского и женского пола были первыми полями, которые подверглись математической оценке, причём задолго до появления земледелия.

В рукотворных «чарах-сетях» располагаются исходные царства, описание которых и породило медицинскую топографию. При счёте на пальцах кольца, коlobки, клубки, шаррики могут перемещаться, перескакивая из одного царства в другое, демонстрируя исходные представления об исходной местности, об исходной картографии, об исходных геометрических структурах, которые историки математики, историки медицины, историки архитектуры традиционно игнорируют. Скороходами также могли быть и мальчик с пальчик, и Покатигорошек. По очевидным причинам коlobок на руке мог манифестировать 12 (три и девять) царств на четырёх смежных пальцах, причём молча. Для перехода в три и десятое царство требовались пальцы иной руки, иной меры, иного мира. Следует заметить, что скорой издревле называли кожу, поэтому первые скороходы перемещались по коже.

Естественная система координат является подвижной, поэтому исходные постройку также являлись переносными. По очевидным причинам сказочные царства также могут скатываться, переноситься («скатали свои царства в яички, забрали с собой») [1, № 140]. *«Шарик, — говорит, — доведёт тебя до средней сестры, а в этом колечке всё медное царство»* [Там же. № 129]. Медное царство, как и хозяйку медной горы, следует искать в мизинце. Таким образом, сказочные дальние страны располагаются в ладони (длани), в местах нашего изначального обитания. Изначальные площади могут делиться, складываться, оцифровываться чисто рефлексивно, без привлечения звукового языка.

Транспортироваться издревле могли не только царства, но рукотворные материки. Исходная форма брака, исходная геометрическая структура позволяют продемонстрировать Европу, транспортируемую Зевсом. Именно эту Европу все люди изначально населяют.

Вполне естественно, что не только сказочные царства, но и сказочные герои могут трансформироваться в кольца, которые образуются, например, при счёте на пальцах (перстах). *«Купеческий сын выскочил из воды и сделался перстнем»* [Там же. № 252].

Пясти (пасти) животных-предков, тотемов являются исконным местом обитания не только сказочных и мифических героев, но и человека в современном понимании этого слова. Эти пясти-пасти являются первым домом (нем. Haus — дом), первым терапевтическим средством, позволяющим умерить боль, первым госпиталем. Всё это не могло не породить соответствующих представлений о первоначальном мире, первоначальном пространстве. *«Хаос (греч. χάος, chaos, от корня cha-, отсюда chaino, chasco, “зеваю”, “разеваю”; хаос поэтому означает, прежде всего “зев”, “зе-*

вание”, “зияние”, “развёрстое пространство”, “пустое протяжение”» [9, с. 579]. В «Происхождении богов. Теогонии» Гесиода Хаос в качестве одной из основных первопотенций порождает из себя Эреб и Ночь. Чтобы воспроизвести ночь, достаточно наложить руки на очи. В космогонии Аристофана Хаос фигурирует в качестве первопричины наряду с Эребом, Ночью. Гесиодовская и аристофановская концепции трактуют Хаос как нечто живое. Не только античные, но и современные исследователи мифологии вынуждены видеть в Хаосе живое начало. Так, например, **А.Ф. Лосев** в статье «Хаос» пишет: *«Он — мировое чудовище, сущность которого есть пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это — бесконечность и нуль одновременно»* [Там же. С. 581].

По мере развития пальцевого счёта, исходные геометрические структуры перестают восприниматься как нагромождение скалящихся скал (шкал). Присоединяя к осям ось можно воспроизвести рукотворный космос (рис. 1), который изначально совпадал со сказочной матрицей. Связь космоса с осями можно проследить на примере китайского языка:

zhou — «ось»;

yu — предлог (указывает совместность);

yuzhou — «космос» [8].

Пересечение **трёх осей** породило представление об **острие**. Углы между осями и количество осей могут меняться, манифестируя острую или тупую боль. Они неразрывно связаны с исходной системой мер, с исходным мирозданием, космосом. В греческом языке *космос* «порядок», «упорядоченность», «строение», «устройство» и т. д. Оси мерного куба породили такие образы, как стрелы Купидона. Посредством этих стрел, прижатых к груди, мы манифестируем сердечные страдания.

Изначальный Хаос может быть заполнен слезами страдальцев и выступать в качестве водного Хаоса — моря-океана. В мифах исходная твердь (Мать Земля) может быть порождена животным или птицей, которые нырнули на дно или плавают в первозданном океане. В качестве этого животного (птицы) и этого океана следует рассматривать ладони, формирующие рукотворную матрицу, рукотворный универсум.

Евангелие от Иоанна начинается со слов: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»*. Попытки подправить евангелиста и поставить в начале дело, а не Слово не имеют серьёзных оснований. В работе «Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза» нами показано, что *«слово изначально было действенным. Жесты, божества, кумиры, демоны, монстры демонстрировали дюймы, меры, миры, мироздания в гробовой тишине»* [3, с. 85]. Интересно отметить, что в средненемецком языке Daumen — «большой палец». Этот орган играет фундаментальную роль при счёте на пальцах. Его с полным основанием можно считать властелином колец, мер, миров, количественных представлений (рис. 18). К подобного рода мифологическим персонажам относится Геракл, который был первым циркулем. На рис. 18 показано, как большой палец (пал) опалает головы многоголовой гидры (четырёх смежных пальцев, у которых отрастают отрезанные головы — ногти), как он удерживает небо (нёбо) и получает от титана яблоки гесперид, которые сторожит дракон Ладон (ладонь). Геспериды позволяют структурировать период обращения Геи вокруг Солнца.

Кольца из пальцев породили не только количественные представления. Они традиционно выступают в качестве магического средства. Во многих сказках слуги появляются из чудесных колец, подаренных герою. Кольцо из пальцев делают героя не только владельцем дюжины молодцов, но и

джина, который также обитает в этом кольце. В татарской сказке птица Семруг дарит герою кольцо и говорит: *«Если сумеешь уберечь кольцо, будешь повелителем всех пэри и джинов! Стоит только кольцо на большой палец надеть, как прилетят все они к тебе и спросят: “Падишах наш, султан наш, что угодно?” И приказывай, что хочешь»* [14, № 42]. Это подтверждает мысль о том, что именно большой палец является властелином колец, властелином мер, властелином миров, повелителем джинов. Кольца, количественные представления возникают не только при счёте, но и при удержании, захвате тела, предметов посредством нашей дюжины, помогающей нам «сдюжить».

Все наши естественные единицы (соло) являлись изначальными словесами, которые приняли самое активное участие в оцифровке матрицы, в формировании рукотворного космоса, рукотворной словесности, рукотворной математики. Игнорируя начальные времена нашего бытия, исходный логический аппарат, исходное Слово можно составить самое превратное представление об истоках сознательной врачебной помощи, о логике мифа.

Выводы

Факты, почерпнутые из широкого комплекса дисциплин, неоспоримо свидетельствуют, что руки — исходное укрытие, убежище человека подверглись изначальной структурированию, измерению и оцифровке. Потребность в структурировании, измерении, оцифровке рукотворных помещений, укрытий порождена врачебной деятельностью. Процессы, связанные со структуризацией, измерением, оцифровкой исходных помещений детально освещены в сказке и мифе. Они свидетельствуют, что математическое моделирование

сыграло огромную роль не только в становлении развитых мифологических систем, но и в становлении архитектурных архетипов, навыков архитектурного проектирования.

Список литературы

1. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1986.
2. *Беллюстин В.* Как постепенно люди дошли до настоящей арифметики. — М., П.: Госуд. изд-во, 1923. — 204 с.
3. *Воронцов В.А.* Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. — Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. — 415 с.
4. Заговоры для защиты детей от невзгод и болезней / сост. Лобачёв В. — М.: ЛГ Информэйшн Груп Гелеос, 2005. — 208 с.
5. Знахарство, или Русские народные заговоры и полное собрание всевозможных поверий, суеверий, предразсудков и колдовства на все случаи жизни [Текст]: сочинение Мартын Зедека, Альбертина и Папюса. — Москва: Авиатор, 1911. — 47 с.
6. *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем // Советское радио. — 1978. — 184 с.
7. Казахско-русский словарь / сост. Х. Махмудов, Г. Мусабиев. — Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССРС, 1954. — 574 с.
8. *Котов А.В.* Новый китайско-русский словарь. — М.: Рус. яз. медиа, 2004. — 605 с.
9. *Лосев А.Ф.* Хаос // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — М.: Сов. энцикл., 1992. — Т. 2. — С. 579-581.
10. *Попов А.* Проблема истории народа коми в связи с его фольклором // Предания и сказки коми. — Архангельск: ОГИЗ – АРХОГИЗ, 1938. — С. 4-36.

11. *Севортьян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974. — 766 с.
12. *Стройк Д.Я.* Краткий очерк истории математики / пер. с нем. — М.: Наука, 1969. — 326 с.
13. *Тайлор Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. — Смоленск: Русич, 2000. — 624 с.
14. Татарское народное творчество: В 14 т. — Казань: Раннур, 2001. — Т.2. — 400 с. (Волшебные сказки).
15. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 862 с.
16. *Топоров В.Н.* Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — М.: Сов. Энцикл, 1992. — Т.2. — 629-631.
17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1964-1973. — Т.1-4.
18. *Фролов Б.А.* Числа в графике палеолита. — Новосибирск: Наука, 1974. — 240 с.
19. *Чистякова Е.М.* Математика и религия. — Краснодар: Краснодар. книж. изд-во, 1962. — 63 с.
20. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии // пер. с англ. — М.: RIFL-book, К.: Bakler, 1996. — 288 с.
21. Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии: Литература Вавилонии и Ассирии. — М.: Худ. слово, 1981. — 351 с.

Г л а в а 5

ЧУДЕСНЫЕ ЖИВОТНЫЕ И РАСТЕНИЯ КАК ПЕРВЫЕ УБЕЖИЩА И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА

5.1. Чудесные растения как изначальные укрытия и математические модели пространства

В сказках и мифах деревья регулярно выступают в качестве укрытия. Более того, персонажи сказок, мифов могут превращаться в деревья, появляться из деревьев, воспитываться на деревьях в гнёздах сказочных птиц. Деревья могут выступать в качестве тотемных предков, исходных сооружений, моделей космоса. В сказках большую роль играет сказочный лес, в котором герои знакомятся со сказочными чудо-вещами, чудовищами и т. д. Рукотворная система координат — естественная личина, естественное укрытие позволяет пролить свет на природу сказочного леса, сказочных растений, чудесных палиц и других поделок из сказочной древесины. Сказочные леса, растения похожи на строительные леса, решётки. В украинском языке *леса* «плетень», «ограда», в болг. «переносный плетень», «решётка» [19, с. 485]. Подобные плетни являются знаковыми системами. Они позволяют «плести, что попало».

Для их появления сказочного леса достаточно волшебного слова или взмаха рук. Он мог появляться из сказочного гребня или утирки, познакомиться с которыми позволяют наши руки. Сказочные и мифические растения могут быть огненными, пламенными. Связь пламенных растений с решетом, образованным нашими пальцами (палами), подтверждает слово *рост* «таган или решётка, над которой или под которой разводится огонь» [Там же. С. 506]. Именно посредством пальцев рук изначально готовилась и подогревалась пища.

Сказочный лес является **ликом**, **личиной**, с которой связаны исходные представления о **величинах**. Рукотворная **личина** — естественная система координат, разделённая на 12 зон (рис. 1). Посредством этих зон естественным образом структурируется боль. Эта **боль**, эти **зоны** должны были породить представления о **болезни**, о её соотнесённости со сказочным растением, а также с определённым числом. Нет ничего удивительного в том, что с растениями в мифологическом сознании связан определённый код. Растения регулярно упоминаются в лечебных заговорах. Так, например, в лечебных заговорах русского народа регулярно упоминается загадочный дуб, с которым связаны различного рода заболевания: «*На море, на Океане, на острове буяне стоит дуб таратынский. На тот дуб слетались двенадцать недуг, двенадцать золотух. Расходитесь вы, недуги, родные сёстры золотухи, по пням, по колодам, по гнилым по болотам из раба (имя)*» [7, с. 120]. В заговоре от рож (болезни) говорится: «На море Сияне, на острове Кургане стоит дуб, на том дубе двенадцать рож: рожа синяя, рожа красная, рожа чудная, рожа переговорная, рожа смешная, рожа глазная, рожа ветренная, рожа ломовая, рожа костовая, рожа судная, рожа переговорная» [Там же. С. 129].

Три оси естественной системы координат (рис. 1) позволяют реконструировать таинственный **остров**, который до сих пор используется для манифестации **острой** боли. Очевидно, что и остров, и таинственный дуб являются весьма универсальными помещениями, моделирующими системами, без которых как без рук. ***Игнорируя эти рукотворные помещения, невозможно приблизиться к пониманию истоков архитектуры.***

Множество проблем у исследователей вызывает осмысление природы «мирового дерева», которое упоминается в фольклоре и мифах. Вертикальная и горизонтальная структура мирового дерева содержит в себе набор «мифопоэтических» числовых констант, упорядочивающих космический мир. Членение по вертикали предполагает преимущественно триаду (богов, месяцев в сезоне, героев сказки и т. д.). Членение по горизонтали — тетраду (богов, сезонов, сторон света, космические века и т. п.) [16, с. 404]. Всё это побуждает предельно детально рассмотреть эту предельно архаичную систему, моделирующую пространство и время, а также разобратся в природе её числовых констант.

«Мировое дерево» полифункционально. Оно имеет множество ипостасей: «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево центра», «дерево восхождения», «небесное дерево», «шаманское дерево», «мистическое дерево», «дерево познания», «дерево смерти», «дерево зла», «дерево подземного царства» и т. д. В науке единый взгляд на природу этих загадочных деревьев до сих пор не выработан, поскольку исходные помещения, исходные моделирующие системы полностью выпали из поля зрения археологов, лингвистов, психологов, историков архитектуры.

Главную роль в формировании представлений о мифических деревьях исследователи склонны отводить ботани-

ческим видам. Так, например, **В.Н. Топоров** в статье «Растения» пишет: *«Исключительная роль растений — диких и особенно культурных — в жизни человека способствовала мифологизации всего контекста, в котором выступают растения...»* [18, с. 368]. Исключительная роль любых растений способствует их пристальному изучению, что затрудняет фантастические измышления по их поводу, приписывание им свойств, которыми они не располагают. Очевидно, что ботанические виды не позволяют свободно манипулировать ими в качестве знаков, в них невозможно отыскать универсальную математическую структуру, присущую «мировому дереву».

Во многих мифах, сказках, преданиях подчёркнут изоморфизм дерева и человека. В них часто деревья выступают как живые существа: они чувствуют, говорят друг с другом и с людьми. В народных представлениях их нельзя бить, рубить, пилить, осквернять. Широко распространены мифы, сказки, в которых деревья выступают в качестве тотемных предков или родителей, которые умерли и приняли растительный облик. Материнское притворство, игра в прятки привели к тому, что многие народы верят, будто первый человек появился из растения. По этой же причине сказочные и мифические деревья могут укрывать людей, общаться с ними. **В.Н. Топоров** в статье «Растения» пишет, что *«у европейских народов были широко распространены поверья, что «души предков живут в дереве, ветвях, листьях, цветах и т. п. (ср. распространённый мотив божественного голоса или человеческих голосов, слышимых в шелесте листьев, и использование его в предсказаниях, сфере мантики и магии)»* [18, с. 369].

Деревья часто фигурируют в качестве божеств, которым приносят различного рода жертвы. Так, например, **А.Н. Афа-**

насьев в «Древе жизни» упоминает об апокрифической беседе Панагиота с фрязином Азимитом (по рукописи XVI в.), в которой мировое дерево описано так: «А посреди рая древо животное, еже есть божество, и приближается верх того дерева до небес. Дерево то златовидно в огненной красоте; оно покрывает ветвями весь рай, имеет же листья от всех дерев и плоды тоже...» [2, с. 214].

Отожествление деревьев с божествами, требующими жертв, предельно облегчает реконструкцию мифических деревьев. До сих пор родители широко используют жесты, чтобы побудить детей делиться. Широко распространены мифологемы о происхождении божеств от растений, а также о превращении последних в растение или божество. Так, например, мифы повествуют о «прорастании» Осириса; садах

Адониса и происхождении Адониса из мирового дерева; возрождение Аттиса в виде цветов и деревьев.

Существуют мифы, сказки, в которых описаны божества, чудесные существа, люди, обитающие или подвешенные на древе. На деревьях обитают русалки, дриады, скандинавский бог Один оказался повешенным на дереве Иггдрасиль, а Иисус Христос — на крестовом дереве (рис. 44). Библейские сказания свидетельствуют, что Бог может представлять в виде пламенного куста — непалимой купины.

Рис. 44. У каждого свой крест (реконструкция В.А. Воронцова)

Под мировым деревом в центре вселенной традиционно рождались боги, герои, цари. Древнегреческий миф повествует о том, как младенец Зевс был вскормлен козой Амалтеей у подножия священного дерева. Под деревом родился и Аполлон. В русской народной сказке, известной также другим славянам, рассказывается про дуб, который вырос до самого неба; полез старик на тот дуб, да и взобрался на небо, где сидел кочеток-золотой гребешок — птица, которая ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

Широко распространены инвертированные образы мирового дерева. В русском заговоре говорится: «На море на Океяне, на острове на Кургане стоит белая берёза, вниз ветвями, вверх кореньями». Подобного рода перевёрнутые деревья не только изображаются в соответствующих традициях на ритуальных предметах, но «нередко в ритуалах используются и натуральные перевёрнутые» [Там же. С. 401]. В космогонических мифах «мировое дерево» зачастую выступает как первый объект, который был создан богами. Вполне возможно, что слово древность этимологически связано со словом древо.

Наблюдения выдающегося русского языковеда и фольклориста **Ф.И. Буслаева** уже давно пролили свет на природу мифических деревьев. В своей работе «Эпическая поэзия» он пишет: *«Языки индоевропейские особенное сходство с растением находили в руке: так в санскрите названия руки, пальцев, ногтей образовались уподоблением с растением: палец кара сак'а (кара рука, собственно: делающая, от क्री делать, а сак'а сук, сучёк), поэтому и рука называется сложным словом, значащим по переводу: имеющая пять ветвей или сучков: панча-сак'а (панчан пять, и сак'а сук); ноготь же вырастает на пальце, как лист на ветви, а потому называется кара-руи (кара рука, и руи расти), собственно растущий на*

руке. Имея в виду такую связь понятий, можем предположить, что слово *рамень* — лес, поросль, доселе употребляющееся в Вятской губернии и весьма обыкновенное в языке старинном, происходит от *рамо, рамена*» [5, с. 30].

В тюркских языках *суқ* «указательный (палец)» [21, с. 333], *суксук* «какое-то дерево (саксаул)» [Там же. С. 348]. В татарском языке *уч* «ладонь», «горсть»; *учарлы* «ветвистый» [15].

Исконную связь руки с растением можно проследить во многих языках. Так, например, в кит. *shǒu* «рука»; *shǒuzhǎng* «ладонь», *shǒuzháng* «палка»; *shù, shùmù* «дерево»; *shùmù* «число», «количество» [9].

Пальцы, ладони (греч. *παλαμή*, лат. *palma* «ладонь», «рука») являются первыми пальмами, лотосами, с которыми мы знакомимся изначально, поэтому в руках следует искать обитель первозданных божеств, исходную меру, центр мироздания, а отнюдь не в ботанических видах, как это делает, например, **Д. Кэмпбелл** в своей книге «Мифический образ» [10, с. 277–305].

Дарованные нам от природы деревья, которыми мы здороваемся, являются не просто знаковыми системами, символами здоровья, жизненной силы. От них актуально во многом зависит благополучие человека.

Наши длани, пальцы являются естественными мерами. Это позволяет реконструировать «мировое (мерное) дерево» (рис. 16). Оно действительно растёт вверх корнями. Поднимая руку, мы переворачиваем дерево. Нет ничего удивительного в том, что слова *корень* и *крона* одного корня. Касаясь большим пальцем подушечек четырёх смежных пальцев, легко убедиться, что мировое (мерное) дерево делится по вертикали на три части, а по горизонтали — на четыре части. Для выявления родников, которые бьют у корней миро-

вого дерева, следует вспомнить, что рудой издревле называли кровь. До сих пор матери называют родничком пульсирующую артерию на голове ребёнка. Присутствуют такие артерии и у кисти руки, где традиционно нащупывается пульс.

Ещё проще на ладони обнаружить белую белку — медиатора (рис. 16), а также козу (рис. 8), которая вскормила не только Зевса, но и всё человечество. С математической строгостью реконструируются и чудесные пламенные птицы (пятаки), которые обитают в кроне мирового дерева (пальцах, палах).

Надо сказать, что проницательный **Ф.И. Буслаев** глубоко заблуждался, полагая, что первобытный человек считал руки похожими на деревья. Первобытный человек деревья рассматривал как живые руки. Игнорируя этот факт, невозможно понять главную причину очеловечивания деревьев, приписывания им чудесных свойств, а также боязнь их поранить.

С руками человек знакомится ещё в колыбели. Материнские руки кормят, поят, носят его на себе, приучают к вежливости, а также манифестируют состояние духа. Все эти представления со временем были перенесены на окружающую растительность, которая одушевлялась, что может быть подтверждено неограниченным количеством фактов. Так, например, **Дж. Фрэзер** в своей книге «Золотая ветвь» пишет: *«Туземцы племени ваника (Восточная Африка) воображают, что каждое дерево, в особенности кокосовая пальма, имеют свою душу, поэтому “срубить кокосовую пальму приравнивается к матереубийству, потому что дерево это даёт им жизнь и пропитание, как мать своему ребёнку”.* Сиа́мские монахи, будучи уверены, что души есть повсюду и что разрушить что-то — значит насильственно выселить духа, никогда не сорвут ветку с дерева, “как не сломают они руку невиновному человеку”» [20, с. 112–113].

Фрэзер отмечает, что подобного рода верования характерны не только для первобытных людей. *«Деревья, которые истекают кровью и испускают крики боли и негодования, когда их рубят или поджигают, очень часто фигурируют в китайских книгах (даже в исторических сочинениях). В некоторых частях Австрии старые крестьяне продолжают верить, что лесные деревья одарены духом и без особой на то причины не позволяют надрезать их кору; они слышали от своих отцов, что дерево чувствует надрез не меньше, чем человек рану»* [Там же. С. 113].

Первобытный человек наделял дерево не только способностью чувствовать, но и способностью мстить, наказывать, что вполне естественно, если изначально деревом считали руки. Загадочное древо упоминается в лечебных заговорах далеко не случайно. Издревле многие народы считали, что болезнетворные демоны обитают в деревьях. Действительно, ведь именно руками-деревьями мы прикрываем больное место. Со временем болезнетворных демонов начали находить и в обычных растениях. С **Ч.Г. Ундервуд** в книге «Визит в Корею, политика, общество, религия» пишет, что когда ребёнок тяжело заболел, мать, оторвав от его одежды лоскуты и купив на скудные средства вкусных продуктов, несла их к дереву. Там, привязав к дереву эти лоскуты и, написав на бумаге просьбу, она размещала жертвоприношения у основания каменной кучи. Затем, стоя на коленях, упрашивала демонов болезни, причинявших страдания её ребёнку, остаться в лоскутах, а жизнь ребёнка пощадить [23, р. 87–88]. Подобного рода обычаи свидетельствуют также о связи культа деревьев с медицинской практикой, с манифестацией болезней первыми деревьями.

Рука играет огромную роль в диагностике, поэтому и похожей на неё растительности издревле приписывалась спо-

способность предсказывать судьбу. Листья дуба имеют отдалённое сходство с ладонью, поэтому именно дуб у европейских народов чаще всего служил в качестве оракула.

Приведённые факты свидетельствуют, что в образах мифических и сказочных растений отразились структура и потенции человеческой телесности. Подобно человеческим рукам, мифические растения проявляют способность предсказывать судьбу, спасать, награждать, принимать подарки, воспитывать и т. д. Вместе с тем сказочным, мифическим деревьям традиционно приписываются знаковые, духовные, космогонические функции. Это вполне объяснимо, поскольку руки (сказочные, мифические деревья) используются при построении исходного универсума, а также в формировании и использовании исходных математических структур, позволяющих кодировать информацию, связанную не только с человеческой телесностью, психикой, но и с окружающим человека миром.

Солнечные и лунные образы на ногтях породили представления о солнечных и лунных божествах, о солнечных и лунных царствах (рис. 2). Эти сказочные и мифические персонажи обычно обитают на сказочных кустах, деревьях. Всё это в немалой степени способствовало вычленению в исходном универсуме первых единиц (соло), а также появлению счёта, манифестации чисел. Есть множество оснований считать, что изначально солнечные и лунные божества не использовались для отражения годовых циклов (поскольку их было десять), а служили для отражения болезненных процессов, протекающих в организме. По вполне объяснимым причинам эти сказочные солнца, символизирующие болезнь, подвергались побиванию при диагностике, как и сказочные невесты, а также принимали активное участие в побивании других солнечных божеств. Известна, например,

китайская легенда, которая называется «Десять солнц». Вот её краткое изложение: «В незапамятные времена далеко-далеко на севере страны Хэйчи расстилалась пустынная равнина. Росло на равнине лишь одно громадное дерево с двумя стволами. Это было волшебное дерево — фушань. Жили на этом дереве десять братьев солнц-птиц. Они были сыновьями бога богов Ди Цзюня, правившего всеми божествами.

Десять солнц-птиц как-то, разыгравшись, взлетели все вместе на небо. А если от одного солнца порой некуда деться — так оно печёт, то, что же ожидало теперь землю! Вместе с этими солнцами появились и страшные чудовища, которые начали пожирать людей.

Видя страдания своих подданных, справедливейший император Яо обратился к Ди Цзюню. Бог богов сам не знал, как унять своих разыгравшихся детей — солнц. Посоветовавшись со своей супругой Си Хэ, он решил послать на землю храброго и умного Хоу И, славившегося среди богов своим необычайным искусством стрельбы из лука. Хоу И, захватив свой волшебный красный лук и белый колчан, полный стрел с оперением из хвоста птицы-феникса, спустился на землю.

Как раз наступило время обеда, и все десять солнц парили в самом зените, и на земле стояла жара, как в пламени печи. Хоу И, заслонившись ладонью, посмотрел на небо, ни слова не говоря, вытащил из колчана стрелу, наложив её на тетиву своего волшебного лука, и выстрелил. Небо побагровело, и поднялась буря с дождём и грозой. Быстро всё стихло, и люди увидели: лежит у их ног солнце-птица. Одна за другой падали на землю золотые птицы, сбитые искусным стрелком. На земле стало прохладнее, и уже не так слепил свет, наконец, осталось одно солнце» [9, с. 57–61].

Обращение к жизненным реалиям, к нашей конституции, к нашему микрокосму, к естественной матрице поз-

воляет без труда обнаружить у человека «дерево с двумя стволами» (руки), а также рассмотреть на его ветвях десять солнечных братьев. Наши пальцы (пасти) позволяют также обнаружить чудовищ, которые сопровождали солнечных братьев, а также небеса, на которые слетались 10 солнц. В основе этой легенды лежит чисто диагностическая практика, в ходе которой целитель (врачеватель) стремится выделить один единственный указующий перст пациента, который демонстрирует эпицентр боли и т. д.

Диагностика осуществляется пальцами целителей, которые были первыми стрелками. Нет ничего удивительного в том, что в качестве стрелка, подбивающего лишние солнца, в мифологии монголов и ойротов выступает Эрхий-мерген («стрелок Большой палец») [11, с. 669]. Есть все основания полагать, что пальцы (палы), а также диагностическая практика породили и образ опального стрелка в русских сказках, который охотится за жар-птицей, похищает у неё **перо** — перст пациента, **упирающийся** в эпицентр боли. Это перо несёт знаковую функцию. Богатырский конь предупреждает стрельца: *«Не бери золотого пера; возьмишь — горе узнаешь!»* [1, № 169].

Аполлон, расстрелявший из лука сыновей Ниобы, принадлежит к подобной категории лучников-целителей. По вполне объяснимым причинам это солнечное божество издревле связывалось с растительным миром. Он — Дафний, т. е. лавровый, «прорицающий из лавра», «любящий лавровое дерево» Дафну. Вспомнив про дерево, на котором обитали сказочные солнечные божества, легко объяснить, почему Аполлон прорицал из дерева. Роль последовательного подбивания солнечных божеств пациента солнечными божествами врачевателя в становлении диагностики невозможно переоценить.

Со временем сказочные растения, мифические деревья, солнечные божества стали использоваться не только в диагностических целях, но и для манифестации счёта, чисел, а также породили представления о сказителях, предсказателях, в качестве которых нередко выступают растения, солнечные божества. Следует заметить, что исходные жестовые словеса, глоссы воспринимаются и провозглашаются глазами, очами. Изобразив пальцами очко, зеро можно познаться с первым органом зрения, воспринявшим первое слово. Соло в очке и является первым словечком, поэтому не имеет смысла противопоставлять первое число и первое Слово. С оком связан и исходный в`окал, исходное пение (пени), которые были абсолютно беззвучны, пока наши пены не научились щёлкать пальцами при просчёте, породив представление о Слове-разбойнике (Соловье-разбойнике).

5.2. Чудесные животные как первые убежища и математические модели.

В качестве первых вместилищ, математических моделей нередко выступают самые разные обитатели сказочного леса. К таковым относятся животные и птицы. **В.Н. Топоров** в статье «Животные» пишет: *«В мифологическом сознании животные выступают как один из вариантов мифологического кода (наряду с растительным, пищевым, химическим, цветовым и т.п.), на основе которого могут составляться целые сообщения, в частности, мифы или мифологизированные животные сказки»* [17, с. 440]. Мифические животные могут принимать облик других животных, становиться растениями, предметами. Чудесные животные могут проникать в тела друг друга и обитать там. Так, например, в корякской мифологии Ворон оказывается в теле своей жены. В некото-

рых мифах, сказках он превращает свои органы в работников, которые действуют по его указанию [22, № 15–17, 22, 23 и др.] Всё это объяснимо, если мы имеем дело с процессом формирования сказочной матрицы, сказочной семьи, лежащей у истоков семиозиса.

Мифические и сказочные животные могут проглатывать, прятать, добывать светила, проникать в другие миры, вселенные и т. д. В чукотском мифе Ворон проникает в другую вселенную и похищает у злого духа (келе) мячи — солнце, луну, звёзды [4, № 51]. Есть все основания полагать, что в данном случае мы имеем дело с медицинской диагностикой, связанной с проникновением в иной универсум (координатную систему пациента) и оперированием солярными символами, которые можно обнаружить на ногтях пациента.

В другой сказке Ворон прячет небесные светила в своём доме и возвращает их только после того, как волк отдаёт ему в жёны своих «черносережных» сестёр [Там же. № 50]. Здесь явно отражён счёт на пальцах, когда последовательно загибаются пальцы на одной ладони, а затем в эту ладонь для продолжения счёта вкладывается другая. «Черносережными» сёстры (трёхсуставные пальцы) бывают, если не чистить грязь под ногтями.

Счёт на пальцах должен был породить представления об «исполненных очами» (очками) животных, обитающих на небе (нёбе). В русской народной сказке «Старик лезет на небо»: *«Дед полез на небо; лез, лез — стоит хата, стены из блинов, лавки из калачей, печка из творогу, вымазана маслом. Он принялся есть, наелся и лёг на печку отдыхать. Приходят двенадцать сестёр-коз: у одной один глаз, у другой два, у третьей три, и так дальше: у последней двенадцать. Увидели, что кто-то попробовал их хатку, выправили её и, уходя, оставили стеречь одноглазую. На другой день*

дед опять полез туда же, увидел одноглазую и стал приговаривать “Спи, очко, спи!” Коза заснула, он наелся и ушёл. На следующий день сторожила двуглазая, потом трёхглазая, и так дальше. Дед приговаривал: “Спи, очко, спи, другое, спи, третье! и проч.” Но на двенадцатой козе сбился, заговорил только одиннадцать глаз; коза увидела его двенадцатым и поймала» [1, № 20]. Исполненных очей коз может воспроизвести счёт на пальцах. Большой палец (штырёк-старик) может достигать первозданного неба (нёба) и даже покушаться на него при пальцевом счёте. Когда он касается корня мизинца, палец рефлекторно захватывает небесного путешественника. Очевидно, что подобного рода путешествия, подобного рода животный код сыграли огромную роль при оцифровке исходной матрицы, исходного универсума, исходной координатной системы и способствовали развитию метода координат, который благодаря звуковому отражению обзавёлся новыми потенциями при отражении не только нашей конституции, нашего внутреннего мира, но и при отражении окружающей действительности.

Животный код, естественные мерила, естественная пресса могут не только манифестировать и образмеривать напасти, органы, но и служить в качестве панацеи от всех бед: в качестве марли, компресса и т. д. Животный код позволяет обозначить кровь, которая является естественным сокровищем. Способность сказочных животных подсказывать расположение скрытых сокровищ, а также сторожить их, широко и детально отражена в сказках, мифах. Язык тотемных существ, язык первопредков, позволял не только обозначать, но и останавливать (заговаривать) кровь, умерять боль, т. е. был подлинным и предельно архаичным терапевтическим средством. Этим он отличается от звукового языка, паразитирующего на потенциях протоязыка, посредс-

твом бесполезных заговоров и распространения различного рода суеверий.

В эпоху тотемизма появились представления о царствах животных, птиц, которые выступали в роли отцов, женихов, невест. В сказке «Марья Моревна» за трёх девушек сватаются сокол, ворон и орёл. Этих **птах, пташек, соколов** не сложно соотнести с **пятаками, пяточками, шкалами**, без которых в принципе невозможно обручение. Брат девушек отправляется их навестить. *«Идёт день, идёт другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясный сокол сидит. Это — царство соколов»* [1, № 201]. В сказках нередко упоминается и мышиное царство. «Поплыли они по морю; перебрались на другую сторону и пришли в тридесятое царство, в мышиное государство» [Там же. № 191, 217, 219]. Связь мышинного царства со счётом, с ручным мышлением, с мышцами, обеспечивающими счёт, измерение, более чем очевидна (рис. 9). Сказочные мыши зачастую всё делают за сказочных героев. Без помощи сказочной мыши нельзя даже выдернуть репку.

Зеро из пальцев позволяет увидеть и первый **визир** — сустав большого пальца, который перемещается компьютерной мышью первой вычислительной машины (рис. 9). Он может скакать по экрану, прикрывающего рану, по ветвям сказочного древа, манифестируя счёт, количество. Касаясь большим пальцем **четырёх** смежных пальцев, можно обнаружить первые **титры**, первый **тетрис**, первый театр, первую **тетрадь**, первую **цитру**, а также живые струны (нервы) первой арфы, познакомившей человечество с арифметикой. Первые словеса были также клавишами естественного органа, позволявшими клеветать, а также наговаривать на себя. Надо сказать, что извлекать музыкальные звуки, передаваемые буквами О, А, У, Ё, при нажатии на пальцы, скрываю-

щие рану, можно даже из грубых мужиков. Немецкое слово Sprache `речь`, по всей видимости, также имеет отношение к оцифровке, зародившейся в недрах протомедицины.

Медицинская семиотика, наши естественные указчики (сказители), живые струны, словеса, стихи, писания, песни, числа позволяют пролить свет не только на удивительное «мысленное древо» в «Слове о полку Игореве», но и на загадочного сказителя Бояна, который мог принимать облик разных животных и перемещаться по «мысленному древу». Тюрколог **Н.А. Баскаков** с полным основанием считает, что имя Баян ~ Боян ~ Буян относится к весьма древнему славянскому заимствованию из древнетюркского языка, поскольку это имя широко распространено у тюркоязычных народов. *«Что касается 'вещего Бояна', 'певца, сказителя' в «Слове о полку Игореве», то есть весьма известное и распространённое сопоставление его с вещим сыном болгарского царя Симеона (умер в 927 г.) Баянусом (Bajanus), который, по свидетельству византийских историков, «так изучил волшебство, что мог внезапно из человека превращаться в волка и в любого другого зверя»...»* [3, с. 146].

В работе «Новое прочтение “Слова о полку Игореве”» [6] нами показано, что постигнуть природу оборотничества Бояна можно, если обратиться к жестовому животному коду, позволяющему давать математически строгие оценки, которые актуальны не только при диагностике, но и при соколиных ристалищах. Следует заметить, что судьи спортивных соревнований традиционно используют пальцовку. В тюркских языках *буын* `сустав`, `узел (у растений)`, `сочленение`, `звено`, `колено`, `мат. член`, `поколение`, `генеалогия` [15, с. 87]. В 1964 г. **С.А. Высоцкий** сообщил о найденной надписи (граффито) на колонне Софийского собора в Киеве, датируемой XII в., в которой упоминается подобное слово.

Вот эта надпись: *«Месяца енаря въ Л (30) святого Ипполита крила землю княгыни бояню Всеволожаа передъ святою Софиею передъ попы, а ту былъ попинъ Якимъ Дѣмילו, Пателей Стипѣко, Михалѣко Нежнович, Михл, Данило, Марко Съмьюнъ, Михал Елисавиничъ, Иванъ Янѣчынъ, Тудоръ Тоубыновъ, Илья Копыловичъ, Тудор Бѣрзятичъ, а передъ тими послухы купи землю бояню вѣсю, а вѣдала на неи семьдестъ гривнѣ соболии, а въ томъ драницѣ семьсту гривнѣ»* [12, с. 389]. Очевидно, что в данной надписи речь идёт о постройке усыпальницы (укрытия) княгини из рода (колена, клана, генеалогического древа) Всеволода, а также о выкупе для этой цели земли у храма с могилами членов этого рода.

При реконструкции образа вещего Бояна, его вещих струн необходимо учитывать, что княжеские ристалища могли плохо кончиться без авторитетного судьи, способного различать соколов в летящей стае. Есть все основания полагать, что вещий Боян был сокольничим и ведал этим ристалищем. В качестве арбитра он широко использовал жесты, за что и получил соответствующее прозвище.

По всей видимости, во время охоты Боян ехал далеко впереди князей. С помощью жестов он показывал им стаи лебедей, а также давал команду о «напускании» соколов. О победе того или иного княжеского сокола он сигнализировал посредством своих вещих перстов, своих вещих струн. Его положение позволяло ему не ограничиваться одними жестами. Находясь под коллективной защитой князей, обеспечивавшей ему неприкосновенность, он мог свои оценки сопровождать полными сарказма присказками, которые становились известными широкому кругу людей, составлявших княжескую охоту. Таковыми являются присказки: *«Не буря соколы занесе чересъ поля широкая — галицы стады бѣжатъ...»*, *«Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути»*,

«Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы». Со временем молва могла приписать ему множество подобных нелицеприятных высказываний. Вещие струны Бояна, дававшие оценку князьям, а также его присказки побудили потомков видеть в Бояне легендарного песнотворца.

Превращению Бояна (сокольник, судья, оценщика) в былинного сказителя, песнотворца способствовало и то обстоятельство, что в тюркских языках оценщик может фигурировать как сказитель. Так, например, в татарском языке бәя – ‘цена’, ‘стоимость’, ‘оценка’; бәян – ‘изложение’, ‘повествование’, ‘объяснение’ и т.д.; бәяләну – ‘оцениваться’, ‘расцениваться’ и т.д. [15, с. 91]. Это обстоятельство также подтверждает мысль о генетической связи количественных оценок, сложившихся в ходе диагностики, с истоками словесности.

Руки позволяют пролить свет не только на вещего Бояна. Сочленение **трёх осей** (рис. 1) рукотворного универсума породили представление об **острове** Буяне, на котором растёт сказочное дерево, обитают сказочные животные, птицы, находится смерть Кощея, бел-горюч камень, порождённый нашими естественными шкалами-скалами. Именно пальцы (палы) сделали этот камень горючим (пламенным). По вполне объяснимым причинам остров Буян также ассоциировался с центром Вселенной. Этот остров регулярно упоминается в сказках, загадках, лечебных заговорах. Так, например, он фигурирует в следующей загадке, разгадкой которой является слово **смерть**:

*На море на Окияне,
На острове Буяне,
Сидит птица Юстрица,
Она хвалится, выхваляется,
Что всё видала
Всего много едала [13, с. 182].*

Есть все основания полагать, что и название загадочной птицы Юстрицы связано с тремя осями, посредством которых манифестируется острая боль, смерть. Игнорируя подобного рода персонажи, невозможно постигнуть не только истоки осмысленной заботы о здоровье, не только истоки геометрии, но и истоки сознательных рукотворных построений, породивших представления о крове, крови, настроении и т. д.

Выводы

Обращение к исходному умному дому человечества, с которым связаны первые измерительные и вычислительные системы, позволило пролить свет на природу чудесных деревьев и животных, которые по древним поверьям участвовали в формировании изначального универсума. Эти чудесные животные и растения участвуют в формировании, измерении и оцифровке первого рукотворного убежища человека, которое является также исходной координатной системой, геометрической моделью пространства и порождает массу архитектурных архетипов.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1986.
2. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. — М.: Современник, 1983. — 464 с.
3. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». — М.: Наука, 1985. — 208 с.
4. Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в колымском округе. — СПб.: Имп. АН, 1900. — 417 с.

5. Буслаев Ф.И. Эпическая поэзия // Народный эпос и мифология. — М.: Высш. школа, 2003. — 400 с.
6. Воронцов В.А. Новое прочтение «Слова о полку Игореве». — Казань: Центр инновационных технологий, 2014. — 308 с.
7. Заговоры для защиты детей от невзгод и болезней / сост. Лобачёв В. — М.: ЛГ Информэйшн Груп Гелеос, 2005. — 208 с.
8. Знахарство, или Русские народные заговоры и полное собрание всевозможных поверий, суеверий, предразсудков и колдовства на все случаи жизни [Текст]: сочинение Мартын Зедека, Альбертина и Папюса. — Москва: Авиатор, 1911. — 47 с.
9. Китайские легенды, сказки, басни, пословицы, поговорки. — Пермь: Перм. книж. изд-во, 1958. — 258 с.
10. Кэмпбелл Дж. Мифический образ / пер. с англ. — М.: АСТ, 2002. — 683 с.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 12 т. / гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энцикл., 1991-1992. — Т. 1-2.
12. Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифология и факты. — М.: АГРАФ, 2001. — 768 с.
13. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. — М.: Худ. лит-ра, 1989. — 398 с.
14. Татарское народное творчество: В 14 т. — Казань: Раннур, 2001. — Т.2. — 400 с. (Волшебные сказки).
15. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 862 с.
16. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. — М.: Сов. энцикл., 1991. — Т. 1. — С. 398-406.

17. *Топоров В.Н.* Животные // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. — М.: Сов. энцикл., 1991. — Т. 1. — С. 440-449.

18. *Топоров В.Н.* Растения // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. — М. Сов. энцикл., 1992. — Т. 2. — С. 368-371.

19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1964-1973. — Т.1-4.

20. *Фрезер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с. англ. 2-е изд. — М.: Политиздат, 1983. — 703 с.

21. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С). — М.: Вост. лит-ра, 2003. — 445 с.

22. *Jochelson W.* The Koryak. Pt 1. Religion and Myths // Memoirs of the American Museum of Natural History. — Laiden — New York, 1905.

23. *Underwood H.G.* The Call of Korea, Political, Social, Religious. — N. Y.: Fleming H. Revell Compani, 1908. — 220 p.

Г л а в а 6

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУКОТВОРНОГО УНИВЕРСУМА В КАЧЕСТВЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИРУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРОТОАРХИТЕКТУРЕ

6.1. Описание объектов макрокосма посредством микрокосма

Осмысленная забота о здоровье предполагает описание и осмысление не только человеческой телесности, но и всего того, с чем эта телесность взаимодействует, поэтому есть все основания считать, что вовсе не обработка камня, бронзы, железа стимулировала развитие знаковых систем и познавательных потенций наших предков. В предыдущих главах книги было показано, что благодаря осмысленной заботе о здоровье наши предки ввели в культуру язык математики, описали самодвижущиеся говорящие орудия, путешествия в иные миры, а также произвели себя от животных задолго до появления соответствующих работ *Н. Винера, К. Циолковского, Ч. Дарвина*.

«Умный дом» человека и человечества, рукотворный космос, исходная рукотворная матрица допускают проецирование не только на человеческое тело, но и на всю окру-

жающую действительность. Рукотворная сеть позволяет застать («засетить») весь белый свет. Осмысление макрокосма традиционно происходило путём наделения его свойствами микрокосма. Приписывание макрокосму свойств биологического универсума (микрокосма), наделение его структур человеческими чертами позволило нашим предкам почувствовать и понять окружающий мир как себя, как технику своих рук, как продукт архитектурной деятельности. Это побудило их также предпринять энергичные меры по усовершенствованию окружающего мира, приведению его в соответствие со своим мировоззрением. Игнорируя это мировоззрение невозможно понять причину, которая вызвала к жизни протоархитектуру.

При проецировании микрокосма на макрокосм руководящая роль руки, сказочной матрицы (рис. 1), сказочных построек (рис. 3-5), сказочных растений (рис. 15-16), сказочных животных (рис. 8-14), солярных существ (рис. 2), исходной системы мер отнюдь не утрачивается. Так, например, выделить макрокосмический астральный объект, описать его структуру, его движение можно путём поимки (проецирования) этого объекта в нашу естественную координатную сеть («сказочную матрицу») или на палец («коло», «соло»). Телесные геометрические структуры позволяют показать предыдущие и последующие позиции астрального объекта. Так, например, координатная система из пальцев рук, или кольцо из пальцев (**соло** на очке) может манифестировать траекторию **солнышка** даже при его пребывании под землёй или за тучами. Многочисленные мифы, былины, легенды повествуют о том, как впервые были описаны объекты макрокосма посредством микрокосма, исходной координатной системы, исходной формы брака, исходной рукотворной

постройки. Обширная подборка подобного рода сказаний приведена в книге **Э.К. Краппа** «Легенды и предания о Солнце, Луне, звёздах и планетах». Понять смысл этих легенд, преданий невозможно, если игнорировать «рукотворный универсум», «рукотворную систему координат».

Издревле было установлено, что дневное светило движется по небосводу отнюдь не произвольно. Его движение строго предопределено, и мифы повествуют о том, как был установлен этот порядок. Так, например, **Крапп** в своей книге [6, с. 95] пишет, что в основе полинезийского мифа о ловце Солнца лежит поверье о том, что некогда полубог сумел поймать Солнце в свою сеть и побудить его двигаться по определённому маршруту. **Крапп** также сообщает, что индейцы племени кахто, живущие в округе Мендисино в северной Калифорнии, верят, что Солнце изначально было опутано и стало на путь истинный с помощью Койота. Именно Койот освободил Солнце из подземной темницы и вывел его на правильный путь, держась за обрывки ремней, которыми оно было опутано [Там же. С. 96]. Под темницей здесь надо подразумевать ночное пребывание солнца под землёй. Руки позволяют воспроизвести этого Койота, демонстрирующего путь солнца из подземелья на небосвод, а также путы, которые были наброшены на светило. Игнорируя рукотворные построения, **Крапп** не смог должным образом объяснить смысл большинства собранных им мифов, преданий, легенд.

Наш микрокосм, служащий в качестве системы координат (рис. 1), позволяет понять, почему в мифах солнце, солнечные божества, солнечные герои зачастую оказываются посаженными в ящик, сундук, гроб, погреб, темницу. В былинах «Погребение Святогора» исполин Святогор оказался в гробу. Вот как это произошло:

*Ехали они тут, Святогор и Илья, куда ли, бог знает.
 Едут, едут, глядят — на гроб наехали.
 Стоит гроб большой, никому не в пору.
 Пустой стоит. Святогор говорит Ильи:
 — Ну, попробуй, ложись, не на тебя ли рублен?
 Илья послушался, лёг —
 Ровно малый ребёнок в гробу.
 Не по нём гроб-то строен.
 А Святогор лег — в самый раз ему.
 Ну, попробовал, вставать хочет.
 И не выйти ему из гроба-то: крышка нахлопнулась*
 [2, с. 49–50].

В исполине Святогоре (рис. 45), которого не держала земля, совсем не сложно узнать дневное светило, которое регулярно проваливается под землю. Есть все основания полагать, что Сятогор был заключён в гроб в весьма отдалённые от нас времена, когда только рукотворная система координат позволяла вычленив Святогора из окружающей действительности, а также продемонстрировать его поведение. Не следует думать, что спутник Святогора — былинный богатырь Илья смог избежать подобной участи. Только крайняя нужда побудила князя Владимира Красное Солнышко выпустить его из погребя.

Рис. 45. Святогор
 (реконструкция В.А. Воронцова)

Естественная система координат (рис. 1) позволяет выделять и манифестировать движение не только макрокосмических объектов, но и их элементов. Так, например, она позволяет демонстрировать вертикальную ось солнца, позиции этой оси на линии горизонта (восходы) в разные времена года, а также движение этой оси под землёй. Не следует удивляться тому, что Осирис (ось Ра) был также заключён в гроб коварным Сетом (вспомним про координатную сеть) и породил множество восходов (рис. 46). Не следует удивляться тому, что Осирис считался и богом подземного мира, который половину года проводит под землёй, и богом растительности. Есть все основания полагать, что восходом («в ось ходом») изначально называлось движение вдоль вертикальной оси. Игнорируя подобного рода представления, методы фиксации осей, невозможно постигнуть природу многих феноменов протоархитектуры.

Рукотворный микрокосм, сказочная матрица, чудесные существа, чудесные небеса, горы, реки, озёра, леса и связан-

Рис. 46. Прорастающий Осирис (барельеф из Фил, Египет)

ные с ними чудеса традиционно играли системообразующую роль при описании макромира. Мир нашего младенчества, первые времена, золотой век, сказочный микрокосм, сказочные родители, сказочные животные, растения служат в качестве формы, матрицы, посредством которых описывается история и сущность макрокосма, всех свойственных ему явлений и процессов в мифологизированных учениях, обрядах.

Мифологемы, связывающие изначальное существование человечества с пребыванием в чреве, челюстях тотемных животных, побуждали наших предков воспроизводить для ритуалов жилища из шкур обычных диких животных, с каркасом из их рёбер, бивней, челюстей и т. д., хотя это порождало массу строительных проблем. Реконструкция такого жилища приведена на рис. 47.

Микрокосм послужил средством описания не только жилища, но и макрокосма. Вот как процесс моделирования посредством рук описан в русской сказке «Царевна-лягушка»: *«Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы»* [1, № 267].

Рис. 47. Вариант реконструкция жилища из костей мамонта (заповедник Костёнки, Россия)

В ходе проецирования брачующейся пары животных-первопредков (матрицы) на макрокосм возникло представление о священном браке Земли-матери и Неба-отца. Наши молодецкие подвиги, связанные с расправой над звероподобными отцами в ходе знакомства с матрицей, стали приписываться мифическим героям, богам, разделившим Небо и Землю и породившим мировое пространство. «Часто этот брак представляется как изначальное существование неразделённого двуполого существа, находящегося в вечном соитии. Иногда дети, зарождающиеся внутри этого существа, стремясь к выходу наружу, разделяют небо и землю, с чего начинается творение (ср. миф об Уране, а также аналогичные сюжеты у майори, в древнеегипетской, индийской и китайской мифологиях)» [8, с. 422].

В результате проецирования тотемных предков (материнских рук) окружающая территория стала Матерью Землёй. Руки, ладони (долони), пальцы (палы) дали название долинам, ручьям, пядям, урочищам, плато и т. д. Живое небо (нёбо), принадлежащее пясти (пасти) тотемного патера, было соотнесено с макроскопическим Небом-отцом, которое получило статус первопредка. Следует заметить, что существуют мифологические системы, в которых Земля рассматривается в качестве Отца, а Небо — в качестве Матери. При проецировании рук возникновение таких систем также объяснимо.

В первозданное небо можно попасть пальцем при счёте, его можно удержать пальцем (рис. 18). Сказки и мифы свидетельствуют, что издревле можно было забираться на небо и наедаться там, что изначально люди обитали рядом с Отцом Небесным. Макроскопическое Небо отличается недоступностью для простых смертных. Во время грозы оно оскаливается и грозит поглотить Землю со всеми обитателями. Его побаивались не только дети. Запуганным небес-

ными грозами обитателям Земли оставалось надеяться, что Небо не примет исходное состояние, обрушившись на Землю, поскольку побоится высоких гор, острых скал, высоких деревьев, которые могут проколоть его. О том, что скалы рассматривались в качестве зубов, которые поддерживают небо, свидетельствуют изображения, подобные приведённому на рис. 48. Склон горы над данным геоглифом его создатели воспринимали как раздел между верхним (небесным) и нижним (земным) зубами. То, что зубы, челюсти снабжены глазами, нас не должно удивлять. Именно челюсти предков породили представления об исполненных очами небожителях, о способности пожирать очами. Изобразив на пальцах зеро, можно увидеть первый орган зрения, первый орган «пожирания», а также соответствующее жестовое слово, позволившее обозначить подобного рода органы.

Возлагавшиеся надежды на спасение от неминуемой гибели привели к обожествлению окружающих гор, скал, высоких деревьев, рощ. Без всякой надежды оказывались

**Рис. 48. Геоглиф «Ллилит»
(заповедник Паракас, Перу)**

только те, кто не видел вокруг себя высоких гор, растений, острых скал. Это привело к восстанию их против Неба, которое произошло задолго до появления Вавилонской башни и породило протоархитектуру.

Чтобы усовершенствовать ландшафт и утратить Небо, люди стали воспроизводить геоглифы, петроглифы, выкладки из камня с образами героев, которые угрожают Небу палицами (рис. 49) или держат палки, способные проколоть небо при его попытке обрушиться на землю (рис. 50). Припугнуть Небо могли и образы огромных трезубцев или растений (рис. 51) на склоне холмов, а также изображения могучих и быстрых животных, которые своими рогами или копытами могли повредить Небо при его попытке обрушиться на Землю. Подобного рода изображения достигают воистину фантастических размеров. Так, например, геоглиф «Зюраткульский лось» (рис. 52), выполненный на склоне горы, занимает квадратный участок размером 250 на 250 м.

Рис. 49. Геоглиф великана «Керн-Аббаса»
(Деревня Дорсет, Англия)

**Рис. 50. Геоглиф «Лонгмен» на склоне холма Улитминголл
(Южная Англия, графство Дорсет)**

**Рис. 51. Геоглиф «Андский канделябр»
(район г. Писко, Перу)**

**Рис. 52. Геоглиф «Зюраткульский лось»
(гора Зюраткуль Южный Урал)**

**Рис. 53. Китовая аллея
(остров Ытыгран, Чукотский полуостров)**

**Рис. 54. Круг «Бродгара»
(Оркейские острова, Великобритания)**

**Рис. 55. Аллеи менгиров
(Карнак, Франция)**

Он считается самым большим и самым древним из подобного рода геоглифов.

Надо сказать, что далеко не везде и не всегда люди полагались на возможность запугать Небо простыми изображениями. Радикальным средством для устрашения Неба считалось снабжение Земли элементами челюстной системы, способной проколоть небесный свод или дать ему опору. К подобного рода сооружениям относятся китовые аллеи (рис. 53), одиночные или собранные в группы менгиры (рис. 54), а также их аллеи (рис. 55). Чтобы «покуситься» на Небо, эти аллеи могли простирались до самого горизонта.

Для фиксации Неба обитатели острова Пасхи воспроизвели каменные статуи (маои) в виде сдвоенных передних резцов челюстной системы человека (рис. 56), которые изначально были снабжены шляпами из розового камня, служившими в качестве дёсен Небу (Нёбу). То, что сдвоенные зубы служили в качестве опоры для Неба и катящегося по нему солнца, подтверждает изображение, приведённое на рис. 57.

**Рис. 56. Маои острова Пасхи
(область Вальпараисо, Чили)**

**Рис. 57. Изображение на обратной стороне маои
«Хоа-Хака-Нана-Иа» с острова Пасхи
(Британский музей, Лондон)**

Изначально загробный мир, мир мёртвых, мир духов ассоциировался с «маской смерти» — матрицей (рис. 1), которую матери использовали для манифестации смертельной боли, душевных мук, состояния духа. Этот мир, эта маска воспринимались как нагромождение живых скал (шкал), которые могут сходиться и расходиться, принимая в свою обитель покойников, а также юных героев, которые ухитрялись разрушать царство смерти и вызывать к жизни мертвецов. Духи и души покойников представляли в образе наборов колец, образованных пальцами рук, посредством которых манифестировались смертельные муки, производилась «оцифровка» матрицы. Вход в изначальный «загробный мир», «царство духов» мог осуществляться через тело ант-

ропоморфного существа (рис. 39) или через тело рогатого животного (рис. 12). Вход в мир духов мог изображаться и в виде спирали, воспроизводившей вход в кулак.

Сложенные из плитняка, растрескавшиеся скалы подходят на исходную матрицу. Это и побудило первобытных людей рассматривать скалы, утёсы, горы, камни в качестве загробной обители, «мира духов». Трещины, отверстия в скалах рассматривались как вход в пищевод и как выход из чрева обитателей скал. Подобного рода трещина и антропоморфное существо, через чрево которого возможен проход в «загробный мир», приведены на рис. 58. Часто возле щелей специально наносились изображения челюстей как входы в челюстные системы тотемных предков, в страну духов. Это давало возможность использовать подобного рода камни в качестве жертвенников. Оскалившиеся челюсти тотемных существ, воспроизведённые на скалах, могли восприниматься как многоместные ладьи. Чтобы исключить подобного рода профанацию, создатели петроглифов прибегали к не-

**Рис. 58. Петроглиф мыса Бесов Нос
(Восточное побережье Онежского озера)**

Рис. 59. Вход в страну духов
(петроглифы Сакачи-Алян, Нижний Амур)

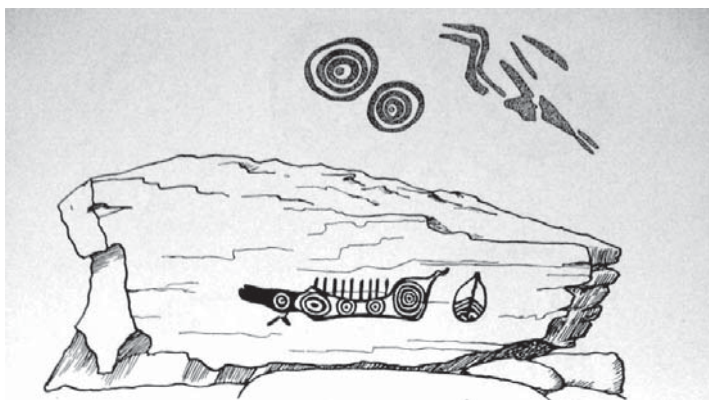

Рис. 60. Вход в царство духов в виде рёбер павшего животного
(петроглифы Сакачи-Алян. Нижний Амур)

посредственному соотнесению их с зубами, челюстями (рис. 59).

Широко распространено изображение челюстей в виде рёбер лосей (рис. 60) и других рогатых животных, аналогов животного, приведённого на рис. 12. Сами духи на скалах изображались в виде концентричных кругов, символизирувавших кольца из пальцев. Они часто изображались спаренными по причине наличия двух наборов колец на наших руках. Подобная пара изображена на рис. 60 рядом с птицей. Всевидящим глазам духов часто пририсовывались иные органы: носы, волосы, рты, руки, ноги, тела человека и животных. Эти глаза породили в русском фольклоре представления о «чуди белоглазой» — первых насельниках земли, которые скрылись от людей и стали обитателями подземелий.

В отличие от трещин, круглые отверстия в скалах часто воспринимались как задний проход в чрево тотемного существа, в «царство духов». Подчас вход, чрево и выход из чрева животного изображались предельно условно: вход изображался как губы или челюсть с передними конечностями или шеей, чрево — как круг с ногами, а задний проход и дух — как кольцевое отверстие на задних конечностях животного (рис. 61).

Изображения проходов в чрево Земли, в мир духов, а также самих духов породили соответствующие геоглифы в виде губ (рис. 62), согнутых в кольцо пальцев, анальных отверстий (рис. 63). Со временем подобные изображения трансформировались и стали напоминать колёса со спицами и втулками. Вполне возможно, что древний культовый центр — Аркаим (рис. 64) был возведён вокруг подобного изображения, которое присутствовало на данном месте в виде геоглифа с незапамятных времён.

Рис. 61. Упрощенные изображения рта, чрева, а также духа (Петроглифы Сакачи-Алян, Нижний Амур)

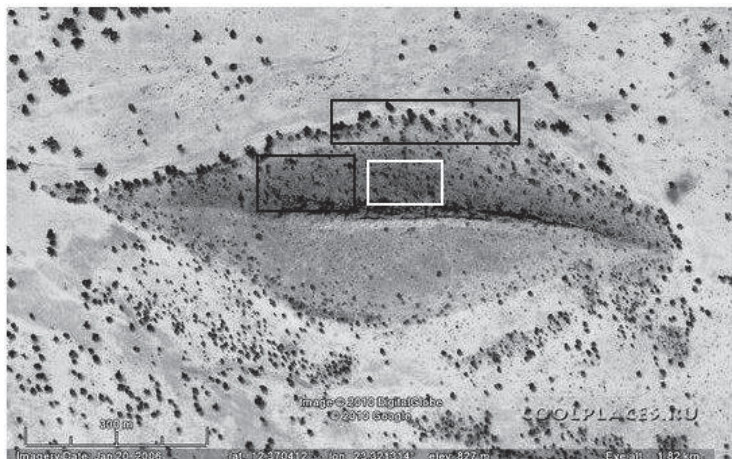
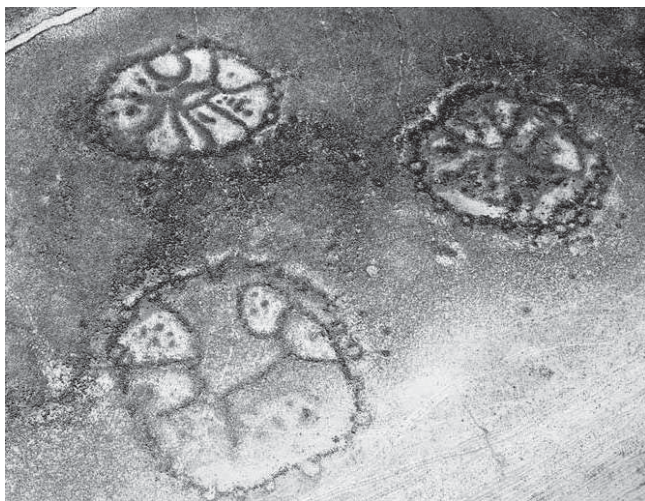

Рис. 62. Геоглиф «Губы» (Западный Дарфур, Судан)

**Рис. 63. Геоглифы, воспроизводящие духов
(Ближний Восток)**

**Рис. 64. Аркаим
(Кизильский р-он, Челябинской области, Россия)**

Часто вход в «подземный мир» оформлялся в виде спирали (65), по образу которой воспроизведены ритуальные колодцы в пустыне Наска (рис. 66).

Естественные пещеры в скалах побудили мифологизированное сознание рассматривать их в качестве естественных входов в загробный мир, в обитель духов, в чрево божеств, требующих жертвоприношений. Мифологизированное сознание полагало, что именно в таких лабиринтах мифические герои изначально совершали свои героические подвиги. Повторить эти подвиги необходимо было во время обряда инициации. Юным героям предстояло вместо Минотавра (рис. 12) поразить бизона, или мамонта, нарисованного древними художниками на стенах пещеры, и отметить своё пребывание в пещере отпечатком ладони.

В местах, где наблюдался дефицит естественных пещер, а также возникала конкуренция за право их обустройства и использования появляются искусственные пещеры: дольмены, выполненные в виде каменных мешков, вход в которые мог напоминать челюсть (рис. 67) или задний проход (рис. 68). Подобного рода сооружения породили массу вопросов у исследователей. Так, например, исследователей глубоко волнует вопрос: почему многие из этих сооружений, создание которых требует титанических усилий, имеют малую площадь и малопригодны для проживания в них сообществ, а некоторые вообще недоступны для проникновения в них взрослых людей? Убедительный ответ на этот вопрос можно получить, если учесть, что обряд инициации совершался над детьми и подростками, которые должны были во время обряда пройти «школу жизни» в скулах или чреве тотемного существа. Гораздо меньше оснований видеть в дольменах, не имеющих насыпи, погребальные сооружения, хотя именно такой взгляд на дольмены получил широкое распростране-

**Рис. 65. Каменный лабиринт
(остров Олений, Белое море)**

**Рис. 66. Священный колодец
(плато Наска, Чили)**

**Рис. 67. Дольмен «Святомир»
(долина реки Жане, Западный Кавказ)**

**Рис. 68. Дольмен «Лунный»
(гора Нексис, Краснодарский край)**

ние. Так, например, **Ю.В. Циркунов** в своей книге «О происхождении зодчества» пишет, что дольмены «связывают обычно с культом захоронения». Сам **Циркунов** полагает, что «дольмен — это склеп, простейший саркофаг или гробница» [16, с. 85]. Следует заметить, что слово *саркофаг* — греческого происхождения и означает «едящий мясо» [4, с. 1123]. Это подтверждает изначальную связь заупокойного культа с челюстями тотемных животных.

Надо сказать, что исследователи регулярно встречаются с пещерами, гrotами искусственного происхождения, которые недоступны для проникновения взрослого человека. Кто мог сооружать «каменные мешки» в скалах, горах, если в них могли пробраться только дети? Такой вопрос часто ставит в тупик исследователей. Ответ на этот вопрос дают мифы, предания, сказки, в которых подобного рода строительством занимаются карлики. Карлики (люди низкого роста) попадают среди представителей всех рас и социумов.

Мифологизированная традиция принесение детей в жертву тотемным существам, духам предков, божествам, а также их освобождение из чрева привело также к появлению каменных лабиринтов, символизовавших пищеварительный тракт, пройти через который должен ребёнок в ходе мифологизированного обряда жертвоприношения. Дети, которых ведут или несут на заклание в лабиринты, изображены на рис. 69, 70.

Имитация заклания ребёнка могла производиться на камне или каменном туре, расположенном в центре каменного лабиринта (рис. 65). По всей видимости, эти камни, каменные туры (груды камней) символизировали челюсти божества, в жертву которому приносились младенцы. Есть все основания полагать, что каменные туры имеют отношение к

**Рис. 69. Геоглифы на холме Керро-Питандос
(пустыня Атакама, Чили)**

**Рис. 70. Петроглифы
(Валь Камоник, Италия)**

Минотавру, которому древние греки жертвовали своих детей, пока его не убил Тезей.

Следует заметить, что рисунки лабиринтов древнее соответствующих построек. Они зачастую воспроизводились на скалах, камнях, которые стали соотноситься с первопредками или их органами. Первые изображения появлялись практически в одно и то же самое время, но в совершенно разных частях ойкумены, из-за чего нельзя объяснить это взаимным влиянием культур одна на другую. Картинки и рисунки лабиринтов, которые относятся к одному и тому же периоду, обнаружили в таких регионах, как: Северная Америка, Индия, Суматра, Европа. Лабиринты на рисунках имеют разную форму. Они могут напоминать трещины в скале, сложенной из плитняка. Часто лабиринт имеет форму пищеварительного тракта человека, если на человека смотреть сверху. При этом пищевод оказывается в центре и выполняется в виде челюсти, а анальное отверстие, изображающее выход из лабиринта — сбоку.

Чтобы выяснить, какие лабиринты наиболее адекватно отражают ту реальность, которая породила мифы, подобные мифу о Минотавре, необходимо обратиться к архитектурному архетипу лабиринта — матрице, а также к её «оцифровке». Именно матрица породила представление об исходном помещении, об исходном жертвеннике, о пасти тотемного существа, жилище-желудке. При «оцифровке матрицы», большой палец (мифический герой) обходит все помещения лабиринта, пока не наткнется на Минотавра. Касаясь нижней подушечки мизинца, он обрушивает палицу на голову Минотавра (рис. 12).

Ближе всего к классическому лабиринту фигуры, которые воспроизводят дети, когда играют в классики. Следует заметить, что у разных народов существуют поверья — буд-

то бы в лабиринтах следует перемещаться скачками. Именно так поступают дети, когда играют в классики. Именно так происходит оцифровка первозданной матрицы.

«Умный дом», тёплый угол, исходная матрица (рис. 1), исходная стена плача, исходный детинец (крепость), исходные скалы (шкалы), с которыми нас знакомят носители Высших Сил, Высшего Разума на исходных ступенях социализации, инкультурации, являются архитектурными архетипами, проливающими свет не только на истоки различных феноменов протоархитектуры, включая циклопическую кладку (рис. 69), но и на строительные суеверия.

Знаковые рукотворные постройки, неразрывно связанные с медицинской семиотикой, с врачебной практикой, породили массу строительных суеверий, которые до сих пор в ходу у многих народов. Мёртвая хватка инициировала у разных народов поверья в необходимость строительных жертв, чтобы соорудить намертво. Не менее широко распространено поверье, что каждое новое здание строится на «чью-либо голову», т. е. в нём кто-либо должен в скором времени умереть. Богатая подборка таких поверий приведена в книге **Д. Зеленина** «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов» [5]. Так, например, *«в Шотландии прежде широко была распространена вера в то, что постройка нового дома влечёт за собою скорую смерть хозяина»* [Там же. С. 31]. У немцев есть поверие: *«Кто первым войдёт в новый дом, тот ранее всех прочих в данной семье умрёт, почему на новоселье сначала в новый дом пускают кошку или собаку, петуха или курицу, или какое-либо иное животное и носят его по всем помещениям»* [Там же. С. 31]. В связи с этим поверьем, великорусы прежде при первом входе в новый дом на пороге избы отрубали голову у курицы и мясо этой курицы не ели. *«В бывшей Владимирской и других северных губерниях*

в новую избу сначала пускали ночевать петуха или кошку, особенно чёрной масти, и только потом уже переселялись на жительство сами хозяева. Некоторые старики, впрочем, намеренно первыми вступали в новую избу, желая тем показать, что они готовы умереть. Украинцы на Полтавщине прежде боялись присутствовать при закладке нового здания, так как верили, будто бы плотник может заложить «на голову» присутствующего человека, и этот последний вскоре умрёт» [Там же. С. 32].

Османские турки свято верили, что «пока дом строится, хозяин не умрёт» [Там же. С. 33]. Сходные поверья привели к обыкновению не доводить постройку в деталях до полного конца.

Поскольку естественные строения возводятся при всяком горе, «украинцы некогда верили, что дом может быть заложен на болезнь, смерть, хилость детей, падёж скота, размножение червей. Закладывали обычно на чью-либо голову, иначе и поп не будет святить здания» [Там же. С. 35]. Всё это подтверждает мысль о том, что истоки протоархитектуры, как и истоки геометрии, математического моделирования, начертательной геометрии неразрывно связаны с болезнью, смертью, медицинской семиотикой и должны изучаться в неразрывной связи с тотальной **НАУКОЙ** — медициной.

Издревле было замечено, что прочные рукотворные сооружения получают не только при мёртвой хватке. Так, например, материнские руки крепко удерживают тела младенцев. Подобного рода сооружения, покоящиеся на плечах матерей, стали называться детинцами. При возведении детинцев из дерева, камня мысль о необходимости для прочности возводить постройки на телах младенцев и матерей привела к появлению предрассудков, жертвами которых

стали матери и дети. Так, например, в одной широко распространённой легенде о постройке казанской крепости говорится: *«Тогда, сказывают, был странный обычай: перед тем, как построить новый город совершали в память этого события какое-нибудь великое дело. По обычаю того времени, и при основании этого города должны были совершить что-нибудь. Галим-бик заставил бросить жребий между одним своим приближённым и своим сыном. На кого выйдет жребий, того необходимо было закопать живым в фундамент, в память строящегося города. Жребий выпал на долю собственного сына»* Галимбик-хана» [3, с. 89].

Идею заклания ребёнка нельзя приписать только основателям Казани. Так, например, у югославов есть баллада, которая называется «Построение минарета Дервиш-паши». Баллада повествует о том, как построенный мастерами минарет обрушивался до тех пор, пока Дервиш-паша не решился пожертвовать своим сыном. Несчастливая мать ребёнка, услышав о решении заклать её сына, умоляет пашу:

*Господин паша, прошу пощады,
Прекрати постройку минарета.
Сын для нас дороже минарета* [9, с. 179].

Мольба несчастной супруги не сломила волю пашы. Упрямый паша твёрдо решил довести дело до конца. Увидев, как уносят её любимое чадо на заклание, несчастная мать согласна балладе:

*Закричала так, что дом весь вздрогнул,
С горя начала она бегать
По комнате из угла в угол,
Запнулась о молитвенный коврик,
И в парадной комнате упала,
Как упала, дух тотчас испустила* [Там же. С. 179].

Ужас, порождённый особенностями строительной технологии, звучит в заключительных строках баллады:

*Минарет паши был воздвигнут
До сих пор он стоит, как прежде.
Закопал паша под минаретом
Верную жену молодую,
Вместе с нею младшего сына [Там же. С. 180].*

Известный этнограф и историк **Э.Б. Тайлор** в своей книге «Миф и обряд в первобытной культуре» привёл многочисленные свидетельства того, что издревле человеческие жертвоприношения при строительстве были широко распространены в самых различных частях ойкумены, что свидетельствует об их глубокой древности. Более того, он показал, что «гнусные обряды, о которых в Европе сохранилось лишь смутное воспоминание, ещё сохраняют своё древнее значение в Африке, Полинезии и Азии в тех обществах, которые являются если не хронологически, то по степени своего развития представителями древнейших ступеней Цивилизации» [13, с. 38–40].

По мнению **Тайлора**, этот жуткий обряд «имеет своей целью либо умилоствление жертвой духов земли, либо превращение души самой жертвы в покровительствующего демона» [Там же. 37]. Надо сказать, что в науке до сих пор не выработан единый взгляд на природу демонов, духов, поэтому такого рода объяснения трудно назвать серьёзным вкладом в историю архитектуры. Не являются они откровением и в фольклористике, поскольку оставляют открытыми вопросы, связанные с природой мифических, сказочных строений: волшебных дворцов, мостов, плотин, городов, которые издревле возводились в мгновение ока без видимых проблем, жертв, усилий.

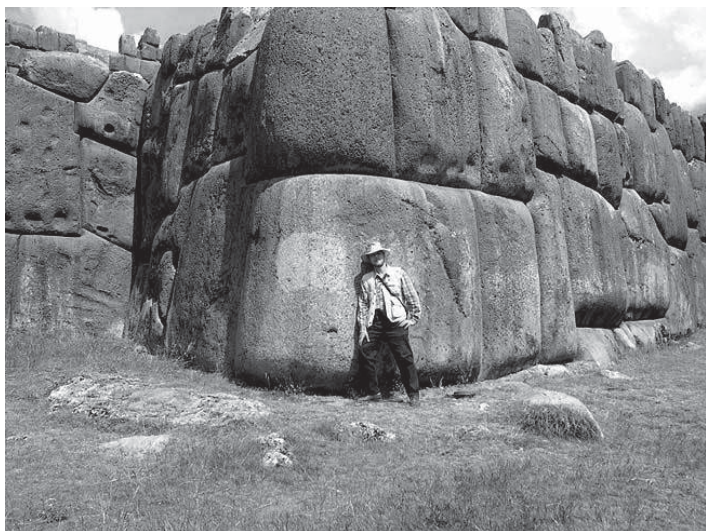
6.2. Отражение временных периодов посредством структур микрокосма

Осмысленная забота о здоровье предполагает фиксацию возраста, времени суток, сезонов и т. д. Сказочная матрица, чудесное древо позволяют описать не только пространственные, но и временные отрезки. Научившись подсчитывать **мышцы** на пальцах, наши предки получили возможность считать **месяцы**. Так, например, в преданиях китайцев нашло отражение «чудесное древо», которое имело интересную особенность. *«В начале месяца на дереве каждый день вырастало по одному стручку. Таким образом, к середине месяца на дереве появлялось пятнадцать стручков. А со второй половины месяца стручки начинали опадать, а к концу месяца их не оставалось»* [17, с. 126]. Очевидно, у истоков подобного рода преданий стоит счёт с использованием суставов пальцев, изначально и, в конечном счёте, зажатых в кулак.

Существуют сказки, мифы, которые с большими подробностями воспроизводят календарный счёт с использованием чудесных растений. **Зеро** из пальцев позволяет пролить свет на загадочного **жреца**, а также на загадочный куст, осмыслению которых посвящена монография **Дж. Фрэзера** «Золотая ветвь». Согласно древним италийским преданиям, этот загадочный жрец бродил вокруг загадочного куста целый год и погибал после того, как на этом кусте обламывали ветку. **Фрэзер** писал: *«Следует ответить на два вопроса: во-первых, почему жрец Дианы Немийской, Царь Леса, должен был убивать своего предшественника? Во-вторых, почему перед этим он должен был сорвать с дерева ветвь, которая, по общему мнению древних, была не чем иным, как Золотой ветвью Вергилия»* [14, с. 17]. Наша кисть позволяет проде-

монстрировать загадочный куст, загадочного жреца, который в течение года бродит возле этого куста, а также загадочную ветвь, причём реконструировать с математической точностью. Манифестируя годовой цикл, большой палец руки («жрец») последовательно обходит 12 суставов четырёх смежных пальцев, когда он касается последнего сустава (корня мизинца), мизинец чисто рефлекторно подламывается и большой палец другой руки («новый жрец») обрушивает его на голову предшественника. Связь подобного рода сюжетов со счётом на пальцах, обусловленным годовым циклом, прослеживается в целом ряде мифов и сказок.

Гибель злосчастного скандинавского бога Бальдра во многом напоминает гибель жреца Дианы нимейской. Миф о Бальдре известен по «Прорицанию вёльвы» («Старшая Эдда») [10], по стихотворению эддического стиля «Сны Бальдера» [12], включённому как дополнительная песнь в «Старшую Эдду», а также по «Младшей Эдде», где имеется прозаический рассказ о Бальдре. Этот бог служил в качестве мишени, на которую другие божества обрушивали своё смертоносное оружие. При этом Бальдр оставался невредимым. Такое бывает при счёте на пальцах, когда наши «пальцы» поочерёдно ударяют о большой палец. Смерть Бальдра наступила после того, как слепой бог Хёд ударил его веткой-прутом из омелы. Его гибель вызвала горячую скорбь у асов — древних германских божеств, вечных соперников своих антагонистов — ванов. Миф о смерти Бальдра является своеобразным предисловием к скандинавскому эсхатологическому циклу — смерть его служит как бы предвестием гибели богов и всего мира. В новом мире, который наступает после гибели старого, Бальдер возрождается и примиряется со своим убийцей Хёдом. Слепота Хёда вполне очевидна. Чтобы обзавестись очами или очками (приступить к счёту),

**Рис. 71. Циклопические стены Саксайуамана
(окрестности г. Куско, Перу)**

**Рис. 72. Геоглиф «Обезьяна»
(пустыня Наска, Перу)**

он должен покончить с предшественником. Зная устройство нашего «умного дома», который является «биокомпьютером», а также древнейший двоичный код, можно без всяких проблем пролить свет на природу асов и ванов. Очевидно, что асы, горюющие о Бальдере и чувствующие гибель своего мира, это согнутые в кольца пальцы руки (англ. eye `глаз`, `очко`; мн. eyes), а ваны — пальцы другой руки, готовые начеать отсчёт нового времени (англ. one `один`). Следует заметить, что в древненемецком *biog* «сустав» [11, с. 48].

По мнению *Дж. Фрезера*, у истоков обряда с загадочным кустом лежит образ Дианы, привезённый в связке веток [14, с. 10]. Диана (Diana) в римской мифологии — богиня растительности, олицетворение луны. Обнаружить лунное божество (лунки) на кончиках наших кистей отнюдь — не проблема. Кроме того, имя Дианы может обозначать двухгодичный цикл, который может демонстрироваться последовательным подсчётом сезонов, месяцев на обеих руках, в ходе которых и возникают образы ломаемых веток, сменяющих друг друга жрецов, прошлого и наступившего года.

Счёт на пальцах, с которым человека познакомили темные животные, солнечные божества, позволяет пролить свет на таинственных животных и птиц, воспроизведённых в пустыне Наска. Согнутый в спираль хвост обезьяны (рис. 72), а также изогнутая шея птицы (рис. 73), дают основания полагать, что они использованы для отражения циклического процесса. Таковым является годичный ход солнца, к которому направлены прямые линии, связанные с изображениями животных и птиц. Вытянутые пальцы на лапах животных и птиц, приведённых на рис. 72-74, а также на других фигурах, дают основания считать, что они фиксируют последовательность созвездий, на которые проецируется светило при своём восходе в течении года.

**Рис. 73. Геоглиф «Птица»
(пустыня Наска, Перу)**

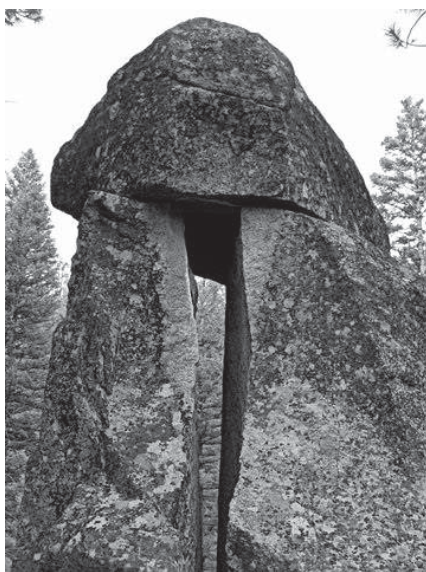
**Рис. 74. Геоглиф
(пустыня Наска, Перу)**

**Рис. 75. Группа камней Мен-эн-Тол
(графство Корнуэлл, Англия)**

**Рис. 76. Сейд на горе Воттооваара
(Муезерский район, Карелия)**

**Рис. 77. Трилит
(штат Монтана, США)**

**Рис. 78. Стоунхендж
(графство Уилтшир, Англия)**

Кольцо из пальцев, позволяющее обозначать солнце и манифестировать его положение на небосводе, привело к появлению каменных «солнечных ворот», позволяющих фиксировать солнцевороты и иные положения светил на горизонте. Этот древний астрономический инструментарий сооружался в виде кольцевого окуляра (рис. 75) с визиром, трёхопорного сейда (рис. 76), одна из опор которого служила в качестве визира, а также в виде трилита (рис. 77) или системы трилитов (рис. 78) с визирами. Наиболее совершенная обсерватория каменного века (Стоунхендж) детально рассмотрена в книге *Д. Хокинса* [15].

ВЫВОДЫ

Исходный рукотворный универсум и его элементы послужили в качестве универсальной моделирующей системы, которая позволила описать окружающую действительность с использованием математических методов. Исходный рукотворный универсум послужил также в качестве модели, по образу и подобию которой наши предки попытались сформировать искусственную среду. Игнорируя рукотворный универсум, невозможно постигнуть изначальный смысл многих первобытных сооружений, что подтверждает актуальность для истории архитектуры изучения исходных знаковых систем, породивших архитектурные архетипы.

Список из литературы

1. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984 – 1985. — (Лит. памятники). Т. 2. — 1985. — 465 с.

2. Былины / сост. В.И. Калугин. — М.: Современни, 1986. — 559 с.
3. Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник научного общества татароведения, 1926. — № 4. — С. 82-91.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Издание пятое. — С.-Пб.: Издание автора, 1899. — 685 с.
5. Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. — М., Л.: Изд. АН СССР, 1937. — 77 с.
6. Крапп Э.К. Легенды и предания о Солнце, Луне, звёздах и планетах / пер. с англ. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 656 с.
7. Лимеров П.Ф. Образ чуди в коми фольклоре // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2009. — N 1/2 (63). — С. 81-90.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Сов. энциклопедия, 1992. — Т. 2. К — Я. 719 с.
9. Построение минарета Дервиш паши // Эолова арфа: Антология баллады. — М.: Высш. шк., 1980. — С. 179-180.
10. Прорицание Вёлвы /пер. с древнеисл. // Скандинавский сборник. — Вып. XXV. — Таллинн, 1980. — С. 189-196.
11. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1980. — 406 с.
12. Сны Бальдера / пер. с древнеисл. // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — М.: Худ. лит-ра, 1975. — С. 334-335.
13. Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. — Смоленск: Русич, 2000. — 624 с.
14. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. 2-е изд / пер. с англ. — М.: Политиздат, 1985. — 511 с. (Б-ка атеист. лит.)

15. *Хокинс Д.* Расшифрованный Стоунхендж. Обсерватория каменного века. — М.: Центрполиграф, 2006. — 272 с.
16. *Циркунов Ю.В.* О происхождении зодчества. — М.: Стройиздат, 1965. — 216 с.
17. *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая / пер. с кит. — М.: Наука, 1987. — 526 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Генерализованная трудовая концепция антропосоциогенеза, рассматривающая в качестве ведущей формы трудовой деятельности воспроизводство человека, социума, позволяет преодолеть механицизм при освещении широкого спектра феноменов человеческой культуры и реконструировать факторы, которые сделали материнские руки изначальной средой обитания человека.

Материнские руки — исходная культурная среда, разумный дом человечества, посредством которого мы учимся считать, мерить, намереваться, думать, выражать мысли, позволяют установить природу психических и культурных универсалий, свойственных всему человеческому роду.

Разумный дом человечества является исходной универсальной моделирующей системой, с которой связаны фундаментальные архитектурные архетипы (земля, небо, пол, стена и т. д.), которые человек осваивает в ходе приобщения к медицинской семиотике, сознательной заботе о здоровье.

Геометрическое моделирование, осуществляемое посредством рук, отличаются предельной архаичностью, выразительностью и содержательностью.

Введение в культуру геометрической образности в качестве исходной знаковой системы инициируется материнским инстинктом, заботой о младенцах, вызвавших к жизни осознанную заботу об организме.

Начертательная геометрия, и возникший на её основе метод координат составляют естественный базис медицинской семиотики, медицинской топографии и возникших на их основе архитектурных архетипов, навыков пространственного моделирования.

Геометрические структуры, архитектурные архетипы позволили не только описать человеческую конституцию и окружающий мир, но и обозначить весь спектр человеческих чувств и проблем.

Архитектура чувств (рукотворные построения, манифестирующие настроения) создали предпосылки для культивирования человека, культурного социума, а также для зарождения искусства: пантомимы, театра и т. д.

Невозможно переоценить роль жестовых моделей, архитектурных архетипов в становлении вторичных знаковых систем: звукового языка, сказки, мифа.

Любые попытки реконструкции изначального смысла волшебной сказки, мифа, игнорируя архитектуру чувств, архитектуру исходного логического аппарата создают превратное представление об умственных потенциях наших предков, бесконечно искажают природу мифологического сознания.

Реконструкция подлинного содержания волшебной сказки, мифа создаёт предпосылки для предельно убедительного освещения процесса осмысления первого человеческого укрытия, исходных форм человеческого бытия.

Изначально каждый человек обитает в разумном универсуме и знакомится с бесконечно совершенной орудийной системой, а не с неким примитивом.

Глубоко правы философы и исследователи, утверждающие вслед за Платоном, что основные знания об окружаю-

щем мире человек черпает в младенчестве. Это позволяет ему постигать новое, припоминая старое.

Новый взгляд на природу исходного рукотворного универсума, на его архитектуру, на его творцов, проливает свет на факторы, обеспечивающие психологическое единство человечества, единство человеческой истории, культуры.

Знакомство с исходным домом человека и человечества, с истоками осознанного бытия позволяет решить широкий спектр проблем в комплексе наук, связанных с освещением природы человека, общества, культуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА 1. ИСТОКИ ОСОЗНАННОГО БЫТИЯ	43
1.1. Истоки осознанного бытия в свете генерализованной концепции антропосоциокультурогенеза	43
1.2. Миф как адекватное отражение истоков осознанного бытия.....	65
ГЛАВА 2. ИСХОДНЫЙ ЯЗЫК АРХИТЕКТУРЫ И ЕГО ИСТОКИ	88
2.1. Анализ учений об истоках языка	88
2.2. Геометрия — исходный язык архитектуры и его истоки	105
ГЛАВА 3. СВЯЗЬ АРХИТЕКТУРНЫХ АРХЕТИПОВ С ИСХОДНЫМИ ФОРМАМИ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ И МИФЕ	144
3.1. Исходные формы геометрического моделирования.....	144
3.2. Связь архитектурных архетипов с исходными формами геометрического моделирования и их отражение в сказке и мифе	149

3.3. Отражение архитектурных архетипов и исходных форм бытия в мифологизированном обряде	188
ГЛАВА 4. ИЗМЕРЕНИЕ, ОЦИФРОВКА И СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПЕРВОГО УКРЫТИЯ	197
4.1. Изначальная связь численных методов с телесными структурами и построениями	197
4.2. Структурирование рукотворного универсума посредством счёта	208
ГЛАВА 5. ЧУДЕСНЫЕ ЖИВОТНЫЕ И РАСТЕНИЯ КАК ПЕРВЫЕ УБЕЖИЩА И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА	218
5.1. Чудесные растения как изначальные укрытия и математические модели	218
5.2. Чудесные животные как первые убежища и математические модели	230
ГЛАВА 6. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУКОТВОРНОГО УНИВЕРСУМА В КАЧЕСТВЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИРУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ	240
6.1. Описание объектов макрокосма посредством микрокосма	240
6.2. Отражение временных периодов посредством структур микрокосма	269
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	279

Воронцов Владимир Александрович

**ИСТОКИ ПРОТОАРХИТЕКТУРЫ В СВЕТЕ
ГЕНЕРАЛИЗОВАННОЙ ТРУДОВОЙ КОНЦЕПЦИИ
АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРОГЕНЕЗА**

Дизайн обложки

Е. Ашмарина

Компьютерная верстка

В. Калинин

ISBN 978-5-93962-760-3

Подписано в печать 29.04.2016. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 16,51.

Тираж 500 экз. Заказ 04-16/13-2

Издательство «Центр инновационных технологий».

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71.

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru